Э-172
91 (584)
Э-172
Обш. хр.

Д. И. Эварницкій.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ

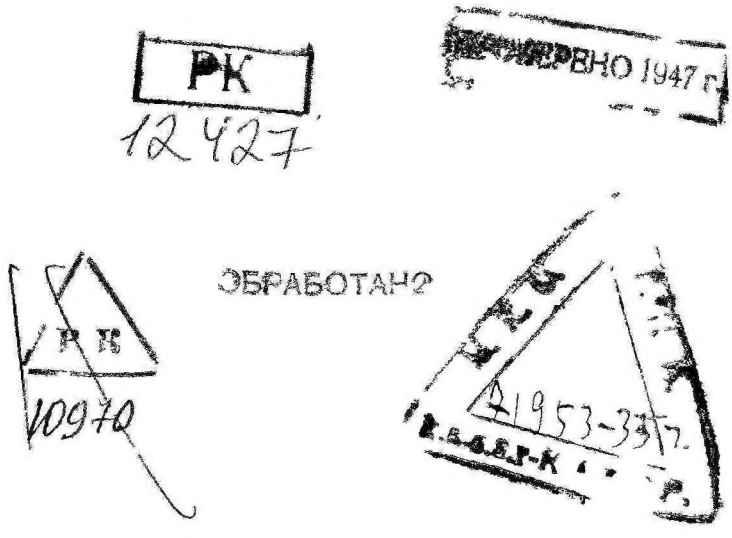
ОТЪ БАКУ ДО ТАШКЕНТА

ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Qazaqьstannьң ... memleket kitaq qaлaт
Инв № 5388

Ташкентъ.
Типо литографія наслѣдниковъ С. И. Лахтина.
1893.

Печатать разрѣшается Военнымъ Губернаторомъ Сѣверо-Царицынской области



Предисловіе.

Цѣль настоящаго труда—дать въ руки образованному человѣку книгу, въ которой онъ могъ бы найти краткія археологическія, историческія и отчасти этнографическія свѣдѣнія по пути отъ Узунъ-ада до Ташкента. Потребность въ такой книгѣ давно уже ощущается у насъ. Дѣло въ томъ, что всякій образованный человѣкъ, переплывшій Каспійское море и очутившійся, такъ сказать, въ преддверіи Средней Азіи, чувствуетъ, хотя и смутно, что онъ находится въ самыхъ интересныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстахъ, но не знаетъ, откуда бы ему извлечь на этотъ счетъ такія или иныя указанія. Онъ слышалъ, конечно, что тутъ, въ Средней Азіи, и родина арійскаго племени: что тутъ проходили и Нинъ, царь ассирійскій, и Александръ, царь македонскій; что тутъ гдѣ то погибъ Киръ, царь персидскій; что тутъ же одно время были китайцы, турки, арабы, монголы, татары съ ихъ страшными вождями и міропотрясателями, каковы въ особенности Чингизъ-ханъ и Тамерланъ; онъ слышалъ, что въ настоящее время тутъ живутъ какіе-то народы текинцы, киргизы, сарты, таранчи, таджики,—обо всемъ этомъ образованный русскій человѣкъ, перешагнувшій изъ Закавказья въ Закаспійскій край, хотя и имѣетъ такія или иныя представленія, не имѣетъ указаній, къ какимъ именно мѣстамъ приложить свои свѣдѣнія. Авторъ настоящей книги имѣлъ въ виду оказать свою посильную помощь такому путешественнику и подѣлиться съ нимъ своимъ, хотя весьма скуднымъ, запасомъ на этотъ счетъ познаній. Въ Закаспійскомъ и Туркестанскомъ краѣ онъ—человѣкъ совершенно новый, и потому трудъ его представляетъ собой первый въ

этомъ родѣ опытъ. Какъ первый опытъ, онъ далеко не отличается должной полнотой и оставляетъ много чего желать но лучше имѣть что-нибудь, чѣмъ ничего. По крайней мѣрѣ, если этотъ трудъ вызоветъ другія, подобныя ему, работы, то авторъ его безмѣрно будетъ тому радъ; а пока онъ одного желаетъ—возможно скорѣйшей распродажи настоящей книги, такъ какъ все изданіе ея предназначается исключительно въ пользу сиротъ, лишившихся своихъ родителей во время минувшей холерной эпидеміи.

I.

Баку, Узунъ ада, Песчаная пустыня. станція Казанджикъ, горные хребты Кюренъ-дагскій, Копетъ-дагскій, Туркестанскій, Заравшанскій, Гиссарскій, Алайскій, Заалайскій; Ахалъ-текинскій оазисъ, крѣпость Геокъ-Тепе, Асхабадъ; ахалъ-текинцы. городъ Аннау, крѣпость Артыкъ, рѣки Теджень и Мургабъ, Новый-Мервъ съ крѣпостью Коушутъ-ханъ-кала, крѣпость Джульбарсъ.

Путешественникъ, отправляющійся почему-либо изъ Сѣверной Россіи въ Среднюю Азію, обыкновенно беретъ путь на Москву, Тулу. Орелъ. Курскъ. Харьковъ. Новочеркаскъ, Владикавказъ. Тифлисъ и Баку. Въ Баку онъ отдыхаетъ отъ длиннаго и утомительнаго пути, собираетъ всевозможныя, обыкновенно весьма смутныя и весьма превратныя, свѣдѣнія о Средней Азіи и съ ними, если попадетъ ко времени отхода парохода къ Азіатскому берегу Каспія, продолжаетъ дальнѣйшій путь въ тотъ-же день. Если же день пріѣзда путешественника не совпадетъ со днемъ отхода парахода, тогда онъ волей-неволей отправляется по улицамъ и переулкамъ Баку и также волей-неволей знакомится съ особенностями этого города.

О прошломъ города Баку путешественникъ узнаетъ очень немного. Ему скажутъ. что городъ Баку [1]) существовалъ уже въ III вѣкѣ до Р. Х. и принадлежалъ въ то время персамъ, распространившимъ свою власть и на Среднюю Азію и на все Закавказье. Каковъ былъ въ отдаленныя времена городъ

---

[1]) Правильнѣе Бадкубъ. отъ персидскихъ словъ „бад“ и „куб“ ударъ вѣтра, потому что городъ стоитъ на открытомъ мѣстѣ. подверженномъ вліянію сильнѣйшихъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ.

Баку, объ этомъ путешественникъ совсѣмъ ничего не узнаетъ, но зато въ настоящее время этотъ городъ, съ его страшною пылью, съ его удушливымъ нефтянымъ воздухомъ, съ его знойнымъ и сухимъ климатомъ, навсегда останется въ его памяти. А если къ этому путешественникъ увидитъ еще то, что Баку вовсе лишенъ водопровода и почти что лишенъ всякой зелени, то въ его глазахъ этотъ городъ покажется феноменомъ-городомъ изъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи. И точно, путешественникъ, пространствовавшій десятки лѣтъ по Россіи, едва-ли увидитъ болѣе непривлекательный, болѣе безотрадный и болѣе безнадежный городъ, какъ городъ Баку. Если бы выше него не стоялъ городъ Тифлисъ, то Баку былъ-бы совсѣмъ лишенъ зелени, необходимой для пропитанія человѣка: вся такая зелень привозится въ него изъ Тифлиса съ каждымъ поѣздомъ. А все бѣдствіе, какъ говорятъ обыватели, происходитъ въ Баку отъ того, что мѣстные воротилы дѣлъ города все еще никакъ не надумаются (а думаютъ уже около десяти лѣтъ) провести въ городъ водопроводъ; былъ-бы водопроводъ, была-бы и зелень, были-бы и овощи, была-бы и поливка улицъ, былъ-бы и приличный видъ въ городѣ. И это совершенно справедливо. а пока того нѣтъ, Баку все-же безотраднѣйшій городъ изъ русскихъ городовъ. Говорятъ, что въ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, за много верстъ отъ города Баку, воздвигнутъ былъ, для предупрежденія отважныхъ путешественниковъ, пускавшихся изъ Европы въ Азію, высокій столбъ, на которомъ восточными мудрецами начертана была слѣдующая надпись:

„Безъ нужды не ѣзди въ Баку.

Безъ крайности не плавай въ Узунъ-ада.

Безъ крайней необходимости не бросайся въ Голодную степь“.

Изъ Баку путешественникъ можетъ на одномъ изъ пароходовъ общества „Кавказъ и Меркурій“ (отходятъ только два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ). черезъ однѣ сутки, переплывши поперекъ Каспійское море попасть въ Узунъ-ада. Отъѣхавши самое незначительное разстояніе отъ Баку, путешественникъ увидитъ у европейскаго берега моря, противъ предмѣстья города, Сураханы, мѣсто, гдѣ зажигаютъ на водѣ такъ называемые вѣчные огни. Вѣчными огнями называются нефтяные газы. выходящіе изъ земли черезъ воду, зажигаемые по ночамъ прибрежными жителями на удивленіе путепественниковъ; горятъ они не сплошными и большими пространствами, какъ думаетъ всякій путешественникъ, не видѣвшій еще этого дива, а спорадическими и очень небольшими (не больше шапки), такъ сказать, кущами. Древнимъ людямъ эти огни на водѣ казались чудомъ чудесъ, и потому многіе изъ нихъ. особенно огнепоклонники персы, стекались сюда съ разныхъ сторонъ, предаваясь здѣсь возвышенному міросозерцанію и здѣсь-же оканчивая свои земные дни.

Послѣ суточнаго съ небольшимъ плаванія, при благопріятной погодѣ, пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“ доставляетъ пассажировъ съ европейскаго берега Каспія къ азіатскому, къ пристани Узунъ-ада; впрочемъ, въ виду мелководья залива Узунъ-ада, пассажиры должны, прежде чѣмъ высадиться на берегъ, пересѣсть на пароходъ малаго размѣра и съ этимъ уже пароходомъ приставать въ заливъ. Это и хлопотно и неудобно. А, говорятъ. было когда-то, что пассажиры, не пересаживаясь на мелкій пароходъ, приставали большими пароходами выше Узунъ-ада. въ Красноводской гавани: для этого стоило-бы только поднять рельсы Закаспійской желѣзной дороги къ Красноводску, и удобства полу-

чились-бы превосходныя; говорятъ также, что эта мысль уже давно занимаетъ начальственныхъ лицъ дороги, хотя все еще почему-то не приводится въ исполненіе; говорятъ, наконецъ, что когда-то Красноводскъ и былъ настоящею гаванью, которая принимала въ себя всѣ суда, идущія отъ европейскаго къ азіатскому берегу Каспійскаго моря.

И такъ, отъ Баку путешественникъ, отправляющійся въ Среднюю Азію, прежде всего попадаетъ въ Узунъ-ада. Узунъ-ада съ турецкаго на русскій значитъ Длинный заливъ („Узунъ“ — длинный, „ада“ — заливъ). Высадившись на берегъ, путешественникъ первѣе всего поражается тѣмъ, что здѣсь не видно ни города, ни станціи, ни извозчиковъ. Оказывается, что пристань отстоитъ отъ желѣзнодорожной станціи на очень и даже очень значительномъ разстояніи и для того, чтобы добраться до желанной станціи, нужно сдѣлать все пространство къ ней отъ пристани пѣшкомъ, а вещи свои вручить случайному носильщику, такъ какъ извозчиковъ здѣсь по штату совсѣмъ неполагается. Послѣ цѣлаго ряда неудобствъ и непріятностей, путь, наконецъ, пройденъ, и тутъ открывается жалкій видъ на жалкій вокзалъ первой станціи Закаспійской желѣзной дороги, а противъ вокзала выдвигается въ небольшую линію и самый поѣздъ, готовый принять въ себя пассажировъ. Поѣздъ отходитъ изъ Узунъ-ада всего лишь два раза въ недѣлю, и время его отъѣзда совпадаетъ со временемъ прибытія къ пристани парохода. Все разстояніе отъ Узунъ-ада до Самарканда, 1343 версты, поѣздъ проходитъ почти въ двои съ половиной сутокъ: въ немъ полагается только два (II и III) класса и въ среднемъ изъ вагоновъ — важнѣйшее для пассажировъ удобство, столовая. Всѣ служащіе на Закаспійской желѣзной дорогѣ, отъ начальника станціи до сторожа,

назначаются только изъ лицъ, служащихъ въ войскѣ.

Сѣвъ въ одинъ изъ вагоновъ поѣзда и отъѣхавъ 5—10 верстъ отъ станціи Узунъ-ада, путешественникъ осматривается кругомъ. приходитъ въ невольное удивленіе и невольно вспоминаетъ зловѣщее предупрежденіе древнѣйшихъ восточныхъ мудрецовъ. начертанное ими на столбѣ. не доѣзжая города Баку: безъ нужды не ѣздить въ Баку. а безъ крайности не плавать въ Узунъ-ада. Да. это святая. трижды святая истина!... Страшенъ. впрочемъ, здѣсь не самый Узунъ-ада, а тѣ пески. которые окружаютъ его. Вотъ она, Средняя Азія-то! Вотъ оно, Гирканское море греческихъ. а Хвалынское русскихъ людей съ его далекими восточнымъ и южнымъ берегами! Здѣсь не увидѣть „ни лѣса дремучаго. ни птицы летучія, ни звѣря прыскучаго, ни травушки-муравушки, добрымъ конямъ на потравушку“. Одни непроходимые и необозримые пески. голые. зыбучіе. раскаленные. безотрадные и безпривѣтные. а по мѣстамъ, между этими песками, бѣлые, точно покрытые сплошнымъ налетомъ снѣга, то совершенно сухіе, съ твердою какъ кирпичъ почвою. то мокрые. какъ непроходимыя топи. солончаки. Ни травинки. ни кустика здѣсь не найти а ни за сотни. а ни за тысячи рублей. Есть. правда. гдѣ-то тамъ, далеко-далеко. за сотни верстъ впереди. какое-то дерево саксаулъ. если не скрашивающее мертвую пустыню. то, по крайней мѣрѣ. мѣстами укрѣпляющее ее. Но то далеко гдѣ-то, а здѣсь. сколько хватаетъ глазъ. совершенно обнаженная. безводная и бездождная песчаная пустыня, настоящая стихія смерти, необитаемая ни людьми. ни звѣрями. Недаромъ-же здѣсь знаменитый законодатель Персіи Зороастръ. родившійся въ нынѣшнемъ Аджарбайджанѣ. персидской области противъ южнаго берега Каспійскаго моря, и жившій за 2500 лѣтъ до Р. Х., въ

этой пустынѣ мертвыхъ и сыпучихъ песковъ Средней Азіи помѣщалъ жилище злого бога Аримана съ его страшнымъ трономъ и со всею плеядою свирѣпыхъ выразителей воли его. князей тьмы. именовавшихся дивами. Недаромъ же геологи доказываютъ. что здѣсь нѣкогда было дно соленаго моря. съ теченіемъ времени частію испарившагося. частію переливпаго свои воды въ другія, болѣе низменныя. но удобныя мѣста. При взглядѣ на это безысходное царство песковъ. сердце путешественника невольно поддается какому-то тяжелому чувству, а языкъ самъ собою спрашиваетъ: „Да что жъ это такое? Да зачѣмъ же нестись въ эту страшную Азію? Ужъ не вернутся-ли назадъ?... Однако, чувство любознательности преодолѣваетъ чувство безотрадной грусти, и путешественникъ ѣдетъ дальше.

А дальше все тѣже пески и тѣже солончаки. издали принимаемые иногда, вслѣдствіе степнаго миража. за обширныя и чистѣйшей воды озера. Пески эти отдѣляютъ отъ себя мельчайшую ѣдкую пыль. которая, проникаетъ чрезъ открытыя и закрытыя двери и окна вагоновъ и наполняютъ собой носъ, ротъ, уши, глаза, волосы человѣка. Но хорошо еще. если пассажиръ ѣдетъ въ тихую и безвѣтренную погоду; храни-же, Богъ. подуетъ вѣтеръ! Тогда поднимается цѣлое море песку. выдвигаются цѣлыя горы, появляются цѣлыя холмы; тогда станціи теряются изъ виду, и движеніе поѣздовъ совсѣмъ прекращается. Въ этомъ случаѣ летучій песокъ для дороги Закаспійскаго края Азіатской Россіи тоже, что безпрерывная и долгая зимняя мятель для дорогъ Европейской Россіи: также нерѣдко вагоны сходятъ отъ песку съ рельсовъ. также нанимаются рабочіе для очистки пути. также поѣздъ поминутно то тамъ. то здѣсь останавливается и на каждомъ шагу борется съ не-

укротимой стихіей. И ко всему этому страшная, невыносимая. по истинѣ африканская жара, доходящая здѣсь, на открытомъ воздухѣ. до 55. а въ рѣкахъ до 23 градусовъ по Реомюру! Вотъ тутъ то и сказывается все удобство имѣть при самомъ поѣздѣ столовую. Въ этой столовой пассажиръ можетъ найти себѣ и чай, и различныя минеральныя воды, и всякіе фрукты, и мѣстныя вина, также какъ болѣе или менѣе сносные обѣды. Не будь этихъ столовыхъ. пассажиръ хоть умирай отъ голода и въ особенности отъ жажды. потому что большинство станцій по Закаспійской желѣзной дорогѣ отличается невѣроятнымъ убожествомъ въ смыслѣ питья и пропитанія; въ нихъ вода и та „казенная“: она берется изъ лучшихъ источниковъ и развозится въ особыхъ бакахъ особыми „водяными“ поѣздами по безводнымъ станціямъ и иногда (во время заносовъ песками) цѣнится на вѣсъ золота.

Но какъ бы ни было. а поѣздъ идетъ поступательно впередъ; оставляя версту за верстой, онъ приходитъ къ осьмой по счету отъ начала дороги станціи Казанджикъ.

Станція Казанджикъ – (отъ тюркскаго слова „казан“—котелъ съ окончаніемъ „джикъ“. что въ общемъ означаетъ мѣсто. гдѣ живутъ котельные мастера) примѣчательна въ томъ отношеніи. что отъ нея начинается. вдоль дороги. съ правой стороны. цѣпь горныхъ хребтовъ. идущихъ безпрерывно до самаго Тянь-Шаня и составляющихъ его отроги; это хребты - Кюренъ-дагскій, Копетъ-дагскій, Туркестанскій (съ горами Чукмарской. Мальгузарской и Нуратинской). Заравшанскій (съ горою Ягнобскою). Гиссарскій (съ перевалами Мурой и Пакшифскимъ). Алайскій и Заалайскій. Горы эти составляютъ жизнь для русскихъ владѣній Средней Азіи. потому что онѣ выдѣляютъ изъ своихъ вѣчныхъ снѣговъ множество

рѣкъ. ручьевъ, озеръ, даютъ возможность устройства искусственныхъ каналовъ. и всѣмъ тѣмъ питаютъ, оживотворяютъ и орошаютъ всю страну.

Отъ станціи же Казанджикъ нѣкоторые полагаютъ начало знаменитаго Ахалъ-текинскаго оазиса. идущаго до станціи Гяурса, на протяженіи 205 верстъ; впрочемъ, другіе полагаютъ начало Ахалъ-текинскаго оазиса отъ станціи Узунъ-су („Длинная вода"), или же отъ крѣпости Кизилъ-арватъ („Красная—дѣвица") до Гяурса. на протяженіи 237 верстъ.

Судя по древнимъ греческимъ географамъ, въ этомъ оазисѣ находилась часть страны Маргіаны, заключавшейся между рѣкой Эпардусомъ (Атрекомъ), впадавшей въ Каспійское море съ южной стороны, и рѣкой Оксусомъ, вливавшейся въ Каспійское море съ восточной стороны. Вдоль этой области, по южной окраинѣ ея, двигался изъ лѣсовъ Гирканіи (Мазандерана) въ Бактрію знаменитый царь македонскій, Александръ Великій. Путь его лежалъ южнѣе теперешней линіи Закаспійской желѣзной дороги, вдоль тѣхъ самыхъ горъ, которыя тянутся параллельно дорогѣ и служитъ естественною границей между владѣніями Персіи и Россіи [1]).

Въ настоящее время въ чертѣ Ахалъ-текинскаго оазиса между другими станціями находятся двѣ замѣчательнѣйшія, Геокъ-Тепе и Асхабадъ.

Геокъ-Тепе (или отъ „гююк"—сожженный и „тепе"—холмъ, или отъ „гек" (кюк)—„синій и „тепе"—холмъ) достойна вниманія, какъ бывшая ахалъ-текинская крѣпость. отбитая штурмомъ нашими войсками у текинцевъ 12 января. 1881 года, подъ начальствомъ

---

[1]) О дѣяніяхъ Александра Великаго, Квинта Курція, 1745, карта III; Вимбери. Путешествіе по Средней Азіи. СПБ, 1865, карта; Лютовъ. Александръ Великій, Ташкентъ, 1890.

знаменитаго генерала М. Д. Скобелева. Здѣсь была самая жестокая и самая упорная битва русскихъ съ туземцами всей Средней Азіи. Мѣсто дѣйствія происходило собственно не въ самомъ Геокъ-Тепе, а въ лежащей ниже его крѣпости Денгиль-калѣ („Денгиль“ по джагатайски собраніе, „кала“—крѣпость), считавшейся одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей текинцевъ. Собравшись въ Денгиль-калѣ въ числѣ 45.000 человѣкъ. подъ начальствомъ четырехъ хановъ: Оразъ-Махметъ. Азратъ-кули. Махтумъ-кули и Махметъ-кули. текинцы рѣшили защищать крѣпость до послѣдней капли крови и лучше умереть. чѣмъ сдаться русскимъ. Русскіе, въ числѣ 20,000 человѣкъ, при 100 орудіяхъ, должны было сперва вывести вокругъ Денгиль-калы цѣлый рядъ траншей. чтобы придвинуть возможно ближе къ крѣпости свои батареи, и только послѣ того разсчитывать на рѣшительный шагъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Подложивъ подъ крѣпость мины, русскіе взорвали, на протяженіи 15 саженъ, крѣпостную стѣну и бросились на приступъ, но тутъ встрѣтили страшное сопротивленіе не только со стороны войска, но и со стороны простыхъ жителей, не исключая стариковъ. женщинъ и дѣтей. Однако, крѣпость была взята. и въ одну ночь текинцевъ было перебито, по ихъ собственному счету 14,000, или, по русскому счету, 8000 человѣкъ, не считая раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ; кромѣ людей, пало множество верблюдовъ и лошадей. Такимъ образомъ европейская культура и христіанство восторжествовали надъ азіатской культурой и мусульманствомъ, и ахалъ-текинцы должны были признать себя подданными русскаго царя[1]).

Въ настоящее время, крѣпость Денгилъ-кала

---

[1]) Гейнсъ. Военный Сборникъ, 1882, Іюль.

представляетъ изъ себя ничтожныя развалины, которыя привлекаютъ къ себѣ жадное вниманіе лишь однихъ археологовъ. а по ночамъ усердно оглашаются жалобнымъ воемъ вѣчно голодныхъ шакаловъ да плачущихъ совъ. Крѣпость эта стоитъ на открытой, ничѣмъ незащищенной. мѣстности; окружность ея имѣетъ болѣе 4 верстъ; внутренняя площадь около одной съ четвертью квадратной версты длины и около половины квадратной-же версты ширины; вокругъ крѣпости вырытъ ровъ. до 4 саж. ширины и до 3 саж. глубины, и выведены глинобитныя стѣны до 2 саж. высоты, до 5 саж. снизу и до 3 саж. сверху толщины. Стѣны состоятъ изъ наружней и внутренней, каждая толщиною фута въ полтора, съ промежуткомъ между ними аршинъ 5—7 ширины; промежутокъ этотъ набитъ. не доходя на аршинъ или полтора до самаго верха стѣнъ, твердой, безъ примѣси камней, глиной, и представляетъ собой нѣчто въ родѣ широкой улицы, съ обѣихъ сторонъ окаймленной двумя стѣнами. или какъ-бы разставленными одинъ противъ другаго двумя дисками щитовъ; въ самомъ вѣнцѣ наружней стѣны прорѣзаны узкія бойницы, а внизу подѣланы траверсы для стрѣльбы въ непріятеля и для защиты отъ него во время бомбардировки крѣпости; для всхода извнутри на стѣны крѣпости подѣланы углубленныя ступени, въ родѣ промоинъ; а для защиты отъ непріятеля семействъ покопаны по самому долу крѣпости глубокія ямы; для въѣзда въ крѣпость сдѣлано 9 входовъ, закрытыхъ вмѣсто воротъ, особыми стѣнами, вынесенными за ровъ крѣпости.

Сдѣлавшись подданными русскаго царя, ахалъ-текинцы постепенно начинаютъ входить въ колею новой жизни, хотя ассимилируются съ русскими весьма неохотно и оттого весьма медленно.

Величина занимаемой ими территоріи составляетъ около 230,000 квадратныхъ верстъ. а вся численность населенія простирается до 120,000 человѣкъ. О своемъ прошломъ они мало чего знаютъ: письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ вовсе не имѣютъ и ограничиваются лишь скудными преданіями, не восходящими далѣе 500—1000 лѣтъ. По преданію, ахалъ-текинцы получили свое названіе отъ собственнаго имени „Акъ-халъ“ (по русски значитъ „Бѣлая-родинка“), перваго среди туркменъ проповѣдника мусульманства, и нарицательнаго имени „текэ“—козелъ, главнаго, вмѣстѣ съ бараномъ, животнаго, доставлявшаго богатство, пищу и одѣяніе Акъ-халу. По тому же преданію, всѣ текинцы ахалъ-текинскаго, мервскаго и теджентскаго оазисовъ находятся между собой въ племенномъ и притомъ весьма близкомъ родствѣ, такъ какъ считаютъ своимъ родоначальникомъ нѣкоего Саларъ-Казана; въ болѣе отдаленномъ съ ними родствѣ находятся племена: шейхи. сяиды. ата, нухуры, мурча, карадашлы, іомуды, гокланы и нѣкоторыя другія.

Сами себя. по роду занятій, текинцы раздѣляютъ на чарву и чомуровъ; чарва—это классъ зажиточныхъ скотоводовъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто ради пастьбы скота; чомуры—это классъ сравнительно бѣдныхъ людей, неимѣющихъ скота и потому лишенныхъ возможности кочевать съ мѣста на мѣсто, а вслѣдствіе этого обреченныхъ на сидѣніе въ аулахъ и охрану садовъ и хлѣбныхъ посѣвовъ.

По внѣшнену виду. текинцы и довольно привлекательны, и довольно внушительны. Въ общемъ они высоки, стройны, красивы, сильны и мужественны; имѣютъ большіе черные глаза. длинные съ подъемомъ носы, черныя густыя бороды; они всѣ, безъ исключенія, брѣютъ себѣ головы, на бритыя головы надѣваютъ

маленькія разноцвѣтныя тюбетейки (родъ скуфьи), а поверхъ тюбетеекъ огромныя, грибовидныя, черныя. чуть ли не изъ цѣлаго годовалаго барашка. шапки; на ногахъ носятъ обыкновенно башмаки. въ рѣдкихъ случаяхъ (во время путешествія) сапоги: одѣваются въ холщевыя сорочки и такія же (рѣже ситцевыя) весьма умѣренной ширины шаровары, а поверхъ этого въ бумажные разныхъ цвѣтовъ и разнаго достоинства халаты. опоясанные сверху широкимъ поясомъ съ привѣшаннымъ къ нему ножемъ. кривой саблей или кинжаломъ.

Текинцы отличаются правдивостью, честностью, уваженіемъ къ закону. почтеніемъ къ старцамъ, гостепріимствомъ и религіозною терпимостью, составляющими положительныя стороны ихъ характера; но съ тѣмъ вмѣстѣ текинцы апатичны. лѣнивы. невосприимчивы ни къ грамотѣ. ни къ культурѣ, нечистоплотны. иногда лживы, весьма склонны къ аламанству („аламанъ„— грабитель) и къ калтаманству („калтаманъ—карманникъ), т е. къ разбоямъ и къ мелкому воровству. что все вмѣстѣ составляетъ отрицательныя стороны ихъ характера.

Всѣ текинцы-мусульмане суннитскаго толка, но какъ исполнители обрядовъ. постовъ. и намазовъ установленныхъ кораномъ и шаріатомъ[1]). они стоятъ наравнѣ съ киргизами. т. е. и мало понимаютъ догматы своей вѣры и мало исполняютъ требованія своихъ муллъ (вѣроучителей) и казіевъ (народныхъ судій).

Пищей и питьемъ текинцамъ служатъ пшеничные лепешки (чуреки). кислое процѣженное коровье и верблюжье молоко, называемое сюзьмой. джугаровая каша. куриныя яйца, коровье и овечье масло. молочная съ водой похлебка, бураковый съ кунжутнымъ масломъ наваръ.

[1]) Шаріатомъ называется система мусульманскаго законовѣдѣнія, буквально значитъ указаніе пути (разумѣется, ко спасенію).

лапша, баранье или верблюжье мясо, палау (пилавъ), шурпа, т. е. бараній бульонъ, зеленый чай и особаго рода кисловато-сладкій спиртуозный напитокъ чалъ, приготовляемый изъ верблюжьяго или коровьяго молока.

Жилищами для текинцевъ служатъ чатлы и кибитки, т. е. то меньшихъ, то большихъ размѣровъ круглые, подобные небесному своду, шалаши, связанные изъ прутьевъ и камыша, сверху обтянутые войлокомъ, внутри устланные кошмой и по стѣнамъ увѣшанные оружіемъ, сбруей и различными предметами хозяйственныхъ принадлежностей.

Развлеченія текинцевъ составляютъ—конскія скачки, бой верблюдовъ, барановъ, пѣтуховъ, состязаніе въ борьбѣ мальчиковъ (до 15-ти лѣтняго возраста), разсказы о геройскихъ на войнѣ подвигахъ, пѣніе пѣсенъ и игра на музыкальныхъ инструментахъ—дутарѣ и камышевой дудкѣ.

Жены текинцевъ ходятъ съ открытыми лицами: зато онѣ лишены собственной воли почти до глубокой старости ихъ чуть ли не съ дѣтства продаютъ въ замужество, получая иногда калыму до 300, а иногда до 1500 р. за одну дѣвушку; на нихъ лежатъ самыя многосложныя домашнія обязанности; такъ, онѣ разбиваютъ, при перекочевкахъ, юрты, пасутъ скотъ, приготовляютъ пищу, ткутъ ковры, выдѣлываютъ различные для одежды и покрытія кибитокъ матеріялы[1]).

Черезъ одну станцію отъ Геокъ-Тепе, носящую названіе Безмеина[2]), находится станція Асхабадъ, нѣкогда столица ахалъ-текинскаго оазиса, теперь мѣстопребываніе начальника Закаспійскаго края. Ас-

---

[1]) Обзоръ Закаспійской области Асхабадъ, 1892 13, 17 20, 21 34 40

[2]) Правильнѣе Базмаина, что съ персидскаго на русскій языкъ значитъ «Мѣсто пляски бачей».

хабадъ съ арабскаго на русскій значитъ „любимое“ или въ отдаленномъ значеніи „пріятное мѣсто“ („ышкъ“—любовь и „абадъ“—благоустроенное. населенное мѣсто“). Если такое толкованіе правдоподобно[1]), то дѣйствительно Асхабадъ можно назвать пріятнымъ городомъ. такъ какъ здѣсь путешественникъ уже не увидитъ тѣхъ страшныхъ песковъ, представляющихъ изъ себя безотрадную картину унынія и смерти и поражающихъ его уже тотъ часъ при выѣздѣ изъ Узунъ-ада въ Среднюю-Азію; напротивъ того, здѣсь взоръ его будутъ пріятно ласкать зеленѣющіе сады съ ихъ необходимыми украшеніями, стройными и густолиственными тополями, уходящими далеко вверхъ, къ небу.

За то въ этомъ же Асхабадѣ болѣе. чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Закаспійскаго и Туркестанскаго края, распространена болѣзнь, называемая пендинкой (отъ мѣстечка Пенде или Тахта-базаръ, находящагося вверхъ по рѣкѣ Мургабу, въ 228½ верстахъ отъ Асхабада, по Іолотанской дорогѣ). иначе паша-хурдой, сартовской болѣзнью или болѣзнью bouton d' alep. Болѣзнь эта состоитъ въ томъ, что какой-то, еще неизвѣстный нашимъ врачамъ, микробъ, водящійся въ водѣ или въ воздухѣ, проникаетъ подъ кожу человѣка и производитъ язвы на щекахъ, на носу, на ушахъ, на рукахъ и на другихъ открытыхъ и закрытыхъ мѣстахъ. Иногда число этихъ язвъ доходитъ до 200, и человѣкъ, пораженный ими, страдаетъ невыразимо: ему нѣтъ никакой возможности ни сѣсть, ни лечь. Застраховать себя отъ этой болѣзни нѣтъ никакихъ средствъ: иногда она поражаетъ новаго человѣка черезъ 3—4 дня, не смотря на самыя тща-

---

[1]) Есть и другое толкованіе: отъ арабскихъ словъ: „асхабъ“—хозяинъ и „абадъ“—городъ.

тельныя съ его стороны мѣры предосторожности; иногда она въ одной и той же семьѣ поражая однихъ, совсѣмъ не трогаетъ другихъ. Жаль смотрѣть на какого-нибудь молодаго красиваго человѣка, обезображеннаго этой болѣзнью; въ Европейской Россіи сказали бы, что это—кавалеръ классической богини Венеры, но въ Азіатской Россіи—это только несчастная жертва пендинки. Изъ всѣхъ мѣстъ Средней Азіи эта болѣзнь наиболѣе распространена въ Асхабадѣ и его окрестностяхъ, гдѣ она носитъ спеціальное названіе „асхабадки". Впрочемъ, эта же болѣзнь существуетъ и на Кавказѣ, напримѣръ, въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ она носитъ названіе „годовика", потому что будтобы развивается и пропадаетъ въ организмѣ человѣка въ теченіе одного года. Лѣчатся отъ этой болѣзни различными средствами: холодной водой, чернилами, свинцовою мазью, іодомъ, землею, смоченной человѣческой уриной, и т. п.

Отъ Асхабада поѣздъ идетъ по степной мѣстности, послѣдовательно минуя станціи Аннау, Гяурсъ, Аксу, Баба-дурмазъ и Артыкъ. Изъ этихъ пяти станцій въ археологическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія первая и послѣдняя.

Станція Аннау находится въ 8 верстахъ отъ Асхабада, вблизи древнѣйшаго города съ этимъ-же названіемъ. Когда возникъ и кѣмъ основанъ этотъ городъ, остается совершенно неизвѣстнымъ. Можно думать лишь, что онъ существовалъ уже до Р. Х., во время Дарія, царя персидскаго и Александра, царя македонскаго. Мѣстное преданіе говоритъ, что онъ разрушенъ былъ, заурядъ съ другими городами, монгольскимъ завоевателемъ Чингизъ-ханомъ, но потомъ снова возстановленъ какимъ-то персидскимъ шахомъ. Русскіе, пришедшіе въ Закаспійскій край, въ 1881 году, нашли, однако, этотъ городъ снова въ разва-

линахъ; но кому обязанъ онъ былъ послѣднимъ своимъ разрушеніемъ, также остается совершенно неизвѣстнымъ.

Городъ Аннау расположенъ на высокомъ холмѣ. доминирующемъ надъ всею окрестною мѣстностью. Весь холмъ обнесенъ сѣрыми глинобитными стѣнами, въ однихъ мѣстахъ вполнѣ уцѣлѣвшими. въ другихъ совсѣмъ или наполовину обрушившимися. но въ общемъ придающими всѣмъ развалинамъ видъ неприступной крѣпости; между этими стѣнами, то тамъ, то сямъ. возвышаются высокія четырехъ-угольныя башни съ бойницами. Въ крѣпость, съ восточной. стороны, ведутъ узкія, еще и теперь крытыя, ворота. Внутри крѣпости видны остатки домовъ, башенъ, базарныхъ арокъ. холодиленъ. погребовъ. подваловъ, а между ними неисчислимое число разноцвѣтныхъ черепковъ битой посуды. Внѣ крѣпости. по склонамъ холма, разбросаны обрушившіеся дома, башни, гробницы. и т. п.

Изъ всѣхъ зданій, уцѣлѣвшихъ въ городѣ Аннау. обращаетъ на себя вниманіе его великолѣпная мечеть. Она какъ-то особенно величаво возвышается надъ развалинами города и въ ночное время. при мягкихъ переливахъ свѣта луны. производитъ эффектъ поразительный. Мечеть эта занимаетъ южную сторону небольшаго квадратнаго двора, имѣющаго 23 аршина въ длину и столько-же въ ширину и представляетъ собой типичный образецъ мечети въ персидскомъ стилѣ: она состоитъ изъ открытаго портала. увѣнчаннаго куполомъ, и лицевой арки. поднимающейся выше купола и имѣющей. въ самомъ верху, семь продолговатыхъ. въ видѣ узкихъ оконъ. просвѣтовъ а по бокамъ шесть глубокихъ нишъ, по три съ каждой стороны. Внутри мечети сдѣлано шесть большихъ оконъ (три прямо передъ зрителемъ и три съ

боковъ) и семь нишъ. Съ обѣихъ сторонъ мечети пристроены особыя помѣщенія, очевидно, для благочестивыхъ подвижниковъ и юныхъ учениковъ. Во дворѣ, у правой стѣны портала, стоитъ могила какого-то святого, огражденная особою стѣной, имѣющею небольшой входъ, всегда запертый деревянной, въ видѣ рѣшетки, калиткой. Изъ двухъ составныхъ частей мечети арка сохранилась вполнѣ; самое же зданіе сильно пострадало отъ времени и грозитъ скорымъ паденіемъ.

При всемъ этомъ мечеть поражала и поражаетъ своимъ величіемъ самыхъ равнодушныхъ ко всякимъ архитектурнымъ произведеніямъ зрителей. Прекрасное описаніе этой мечети находимъ у Эдуарда Циммермана, три года тому назадъ путешествовавшаго по Средней Азіи. „Пробравшись кое-какъ между полуразрушенными стѣнами, окружающими холмъ, я поднялся, пишетъ Циммерманъ, вверхъ и увидѣлъ передъ собою буроватыя стѣны мечети, съ которой обвалившіеся кирпичи грудой лежали у ея основанія. Вверху, въ щеляхъ едва сохранившагося купола, поселились голуби, стаями летавшіе вокругъ зданія. Лицевой фронтонъ оказался выше купола. Обращенный къ полотну желѣзной дороги, этотъ фронтонъ сохранился лучше всѣхъ другихъ частей и представляетъ самую интересную часть громадной развалины. Средину занимаетъ открытый порталъ, а по бокамъ его вся стѣна, снизу до верху, покрыта многоцвѣтною глазурью въ видѣ чудныхъ арабесковъ. Между ними, справа и слѣва надъ порталомъ, извиваются на встрѣчу другъ другу двѣ змѣи, прелестно составленныя изъ той же глазури. Выше надъ змѣями, широкою, прямолинейною полосой, вдоль надъ порталомъ, съ арабесками переплетается крупная надпись, какъ надо полагать, на персидскомъ языкѣ. Цвѣта крас-

ный, синій, зеленый и желтый такъ еще свѣжи, ярки и сливаются между собою такими причудливыми узорами, съ такимъ гармоничнымъ сочетаніемъ колеровъ, что все вмѣстѣ представляется взору въ видѣ изящнаго, составленнаго изъ изразцовъ. блестящаго ковра, шитаго по канвѣ. Вотъ все, что сохранилось отъ этой, какъ видно, когда то величественной мечети. Но и этого достаточно для того. чтобы судить объ искусствѣ персидскихъ художниковъ. объ ихъ умѣньи распредѣлять цвѣта въ такое согласное сочетаніе, что, не смотря на яркость, ихъ глазамъ пріятно смотрѣть на эти неуловимые извивы арабесковъ“ [1]).

Станція Артыкъ (порусски значитъ „Лишній“) стоитъ въ 80 верстахъ отъ Аннау и находится всего лишь въ двухстахъ саженяхъ отъ персидской границы и въ трехъ верстахъ отъ персидскаго города Лютфабада, называемаго иначе Бабаджаномъ. Въ трехъ верстахъ отъ Артыка, съ лѣвой стороны желѣзно-дорожной линіи, находится крѣпость Кюранъ-кала. По разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, она построена всего лишь около ста лѣтъ тому назадъ какими-то выходцами изъ Хивы. которые поселились сперва въ Каахка, а изъ Каахка перебрались въ Кюрянъ-калу; крѣпость предназначалась для защиты противъ персовъ. Въ общемъ она представляетъ изъ себя круглый высокій холмъ, рельефно выдѣляющійся на открытомъ фонѣ степной равнины и заключающій въ себѣ 150 шаговъ длины и столько-же ширины. Во внутрь крѣпости, съ южной стороны. ведутъ ворота, нѣкогда охранявшіеся четырьмя караульщиками; по стѣнамъ ея было устроено 7 башенъ или бойницъ для стрѣльбы въ непріятеля; изъ всѣхъ

---

[1]) Циммерманъ. Русская Мысль, 1889, Мартъ. 27.

этихъ девяти башенъ въ настоящее время уцѣлѣло лишь 4, остальныя всѣ обрушились. Изъ крѣпости проведены были для неизвѣстной причины глиняныя трубы (въ окружности 1 аршинъ). остатки которыхъ видны во дворѣ текинскаго старшины Барабатъ-бека. Средняя высота крѣпости до 60 саженъ. По всѣмъ видимостямъ прежде основанія этой крѣпости сдѣланъ былъ высокій искусственный земляной холмъ, на которомъ потомъ возведены были стѣны и между стѣнъ построены башни. Не вдалекѣ отъ крѣпости возвышается огромный курганъ, по преданію. насыпанный болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ. Верстахъ въ 30 отъ крѣпости показываютъ остатки какой-то стѣны, идущей отъ юга къ сѣверу. имѣющей до 2 саж. ширины и устроенной, по преданію, царемъ Ану-Ширваномъ; мѣстные старожилы передаютъ, будто эта стѣна начиналась отъ Кюряна и тянулась до Герата и будто-бы царь Ану-Ширванъ хотѣлъ отдѣлить ею Иранъ отъ Турана. Впрочемъ, болѣе осторожные изъ тѣхъ-же старожиловъ, не ручаясь за точность своихъ показаній относительно времени возведенія стѣны, говорятъ, что это вопросъ чрезвычайной трудности. на которой и самъ Надиръ-шахъ ничего не могъ-бы отвѣтить.

Миновавъ 10 станцій различныхъ наименованій, поѣздъ проходитъ сперва рѣки Теджень и Мургабъ, а потомъ останавливается у станціи Новый-Мервъ.

Рѣка Теджень или Таджень есть тоже, что рѣка Гери-Рудъ; она примѣчательна въ томъ отношеніи. что въ ея лонѣ ученые полагаютъ колыбель арійскаго племени, носившую названіе Аріи съ городомъ этого же имени, теперь Гери или Гератомъ; имя этой рѣки приводитъ на память имя народовъ таджиковъ, считающихся древнѣйшими членами арійской семьи.

Рѣка Мургабъ—одна изъ прекраснѣйшихъ гор-

ныхъ рѣкъ Средней Азіи. Касательно названія ея существуетъ три объясненія: проф. Григорьевъ сближаетъ имя этой рѣки съ именемъ скіоскаго племени амюрійцевъ. жившихъ въ Средней Азіи и извѣстныхъ еще въ IV^ вѣкѣ до Р. Х. отцу исторіи. Геродоту [1]); а персидскій историкъ Гафизъ-Абру въ названіи рѣки Мургаба видитъ или испорченное слово Мервъ-абъ, что значитъ „Рѣка Мерва“, или же Мергъ-абъ. что значитъ „Вода луговъ“; послѣднее названіе могло произойти отъ того, что эта рѣка протекаетъ по ущельямъ Герджистана. покрытаго зелеными лугами. и потому именуется Мергъ-абомъ или Мургъ-абомъ.

Новый-Мервъ построенъ русскими всего лишь 9 лѣтъ тому назадъ, и потому въ смыслѣ древностей этотъ городъ не представляетъ изъ себя ничего интереснаго. Въ немъ есть лишь остатки большой крѣпости Коушутъ-ханъ-кала. возведенной текинскимъ вождемъ Коушутъ-ханомъ въ 1873 году противъ русскихъ. Крѣпость эта построена параллельно правому берегу рѣки Мургаба и заключаетъ въ себѣ ширины 450 саженъ, длины съ одной стороны 950, съ другой 1200 саженъ. Стѣны имѣютъ 14 аршинъ толщины и оканчиваются на верху щитами $2^1/_2$ аршина высоты и $1^1/_2$ аршина толщины. Въ щитахъ подѣланы амбразуры. въ два аршина ширины. для стрѣльбы изъ нихъ въ непріятеля. Теперь эта крѣпость съ каждымъ годомъ разрушается. какъ вслѣдствіе вліянія на нее стихіи, такъ и вслѣдствіе воздѣйствія на нее человѣка.

Въ $17^1/_2$ верстахъ отъ Новаго-Мерва по дорогѣ на Іолотань стоитъ небольшая крѣпостца Геокъ-Тепе. неизвѣстно кѣмъ и противъ кого возведенная. Крѣ-

---

[1]) Григорьевъ О скіескомъ народѣ сакахъ. С.-Петербургъ 1871. 78.

пость эта представляетъ изъ себя форму совершенно правильнаго квадрата и имѣетъ въ окружности по всѣмъ валамъ около 640 аршинъ при 80 аршинахъ высоты. Съ наружной стороны она обнесена широкой, въ 20 аршинъ, канавой, наполненной водой. Въ крѣпости можно видѣть остатки амфоръ, стекла, кирпичей, костей животныхъ, костей людей и т. п. Къ юго-востоку отъ крѣпости, среди открытой степи, насыпаны три кургана, два въ одну линію, прямо противъ крѣпости, и одинъ нѣсколько въ сторону, но всѣ три, какъ кажется, для стратегическихъ цѣлей.

Въ 10 верстахъ отъ Геокъ-Тепе, по той же Іолотанской дорогѣ, имѣются развалины крѣпости Джюльбарсъ, представляющія изъ себя всхолмленную мѣстность, около $1^1/_2$ версты длины и около $^1/_2$ версты ширины, съ остатками глинобитныхъ стѣнъ, жженыхъ кирпичей, различныхъ черепковъ и разнаго рода костей. Время построенія этой крѣпости, какъ и время разрушенія ея, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Отъ Новаго-Мерва поѣздъ дѣлаетъ одинъ пролетъ въ 26 верстъ и останавливается у станціи Байрамъ-Али (порусски „Праздникъ Али“), какъ разъ въ виду развалинъ Древняго-Мерва.

II.

Древній-Мервъ. описаніе его по арабскимъ и персидскимъ источникамъ, городища Древняго-Мерва: Байрамъ-али-хань-кала Абдулла-ханъ-кала, Султанъ-Санджаръ-кала, Искандеръ кала, Гяуръ-кала; зданія и памятники: Малая-мечеть, могила „Двухъ-братьевъ, Султант-Санджаръ мечеть; развалины крѣпости Ауліе камбарь на Мургабѣ, имѣніе Государя Султанъ-бенть, порогъ Чохъ-локъ на Мургабѣ.

Древній-Мервъ. на языкѣ классическихъ писателей (Діодора. Страбона. Арріана. Квинта Курція) Меру, Муру. Мерви-шахъ. Маргія. Селевкія. Александрія, у современныхъ текинцевъ Куня-Мервъ (т. е. Старый-Мервъ).—одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азіи. Находясь на берегу прекрасной рѣки Мургаба, Мервъ нѣкогда считался богатой и цвѣтущей столицей Хорасана. теперь считается пентромъ всей Туркменіи. прежней Маргіаны. Объ немъ говорится уже въ извѣстномъ персидскомъ памятникѣ Вендидатѣ. писанномъ за 2500 лѣтъ до Р. Х. знаменитымъ персидскимъ законодателемъ. Зороастромъ: „Муру, твердая и чистая. было третье мѣсто благодати (послѣ Балха и Герата), созданное мною, Ормуздомъ". По мѣстному преданію. въ Древнемъ-Мервѣ прародитель Адамъ получилъ первыя наставленія въ земледѣліи отъ небеснаго ангела.

Въ качествѣ древнѣйшаго города Мервъ игралъ различныя роли во всѣ періоды исторической жизни Средней-Азіи.

Въ XIII до Р. Х. здѣсь проходилъ ассирійскій

царь Нинъ. осаждавшій Бактрію (теперь Балхъ) и женившійся на бактрійской принцессѣ Семирамидѣ; въ VI вѣкѣ до Р. Х. здѣсь былъ Киръ. царь персидскій. погибшій потомъ въ борьбѣ съ массагетами: въ IV вѣкѣ до Р. Х. Мервъ подвергался осадѣ со стороны македонскаго царя. Александра Великаго; въ III вѣкѣ по Р. Х. Мервъ перешелъ во владѣніе новоперсовъ: въ это время рядомъ съ религіей Зороастра стала пріобрѣтать здѣсь права гражданства религія Будды: съ V по VIII вѣкъ по Р. Х. здѣсь подвизались христіане несторіанскаго толка. сдѣлавшіе Мервъ (въ 420 году) резиденціей своего митрополита и направлявшіе чрезъ этотъ городъ во внутрь Средней Азіи и даже въ Китай своихъ миссіонеровъ: въ VII вѣкѣ здѣсь прославилась знаменитая красотой и храбростью Хатунъ. царица туранская: въ VII же вѣкѣ здѣсь воевали знаменитые арабскіе полководцы Могаллабъ и Кутайба. сдѣлавшіе Мервъ достояніемъ халифата; съ этого времени Мервъ пріобрѣлъ всемірную извѣстность. какъ знаменитый центръ наукъ и искусствъ во всей Средней Азіи; онъ славился своими великолѣпными дворцами. роскошными садами и многолюдными училищами; въ немъ устроены были астрономическая обсерваторія и обширная библіотека; въ немъ находилось много ученыхъ христіанъ. переведшихъ на сирійскій языкъ Платона. Аристотеля. Гиппократа и впервые познакомившихъ съ ними арабовъ. которые сдѣлались впослѣдствіи учителями Европы: въ IX вѣкѣ. во время господства арабовъ. здѣсь возвысилась мѣстная династія Саманидская; въ X и XI вѣкахъ здѣсь господствовали узбеки и сельджукиды: въ XII вѣкѣ Мервъ былъ столицею сельджукскаго хана Султанъ-Санджара и славился своими мечетями: въ XIII вѣкѣ (1219) Мервъ былъ покоренъ сыномъ Чингизъ-хана Тули-ханомъ,

истребившимъ въ немъ, по приказанію своего повелителя. около 1.300.000 человѣкъ жителей: въ XIV вѣкѣ Мервъ разрушенъ былъ Тимуръ-ханомъ и въ XV вѣкѣ (1409) снова возстановленъ сыномъ его Шахрухъ-ханомъ: въ XV вѣкѣ снова взятъ узбеками и въ XVIII вѣкѣ (1795) завоеванъ былъ бухарскимъ эмиромъ: съ тѣхъ поръ Древній-Мервъ обратился въ мертвую пустыню. въ которую только время отъ времени присылались. какъ въ каторжныя работы, ссыльные бухарцы.

У арабскихъ географовъ Ибнъ-Хаукала и Абульфеды о Древнемъ-Мервѣ находимъ слѣдующія, нелишенныя интереса. но къ сожалѣнію краткія. свѣдѣнія.

Мервъ — древнѣйшій городъ Хорасана: онъ стоитъ на ровномъ мѣстѣ, вдали отъ горъ; почва въ этомъ городѣ супесчаная, изрѣдка солонцеватая. но въ общемъ очень плодородная: въ немъ протекаетъ рѣка Васикъ[1]), по берегамъ которой ростутъ фруктовые сады: изъ этой рѣки проведена другая въ городскіе бассейны, которую пьютъ жители города. Кромѣ этого Мервъ имѣетъ еще три источника воды. Фрукты города Мерва отличаются особенно сладкимъ вкусомъ; когда они созрѣваютъ. то ихъ рѣжутъ небольшими ломтиками. сушатъ на солнцѣ и развозятъ въ другія страны; особенно превосходнымъ качествомъ отличается сушеный виноградъ (изюмъ). Городъ этотъ несравненный по своей чистотѣ. воздуху, расположенію, по своимъ зданіямъ. источникамъ воды, плантаціямъ и по красиво разбросаннымъ дорогамъ. Мервъ былъ резиденціей сына Гарунъ-ар-Рашида, вице-короля Мамуна, въ то время, когда онъ находился въ Хорасанѣ. Въ Мервѣ былъ убитъ Эзди-

---

[1]) По другимъ указаніямъ, это рѣка Мургабъ, она начинается за Баміяномъ и, не доходя до Мерва, распадается на нѣсколько рукавовъ, изъ коихъ одинъ течетъ въ Мервъ.

джаръ. послѣдній персидскій царь. Оттуда также произошла династія Аббассидовъ. Первые черные костюмы. въ которые одѣвались Черные (такъ назывались партизаны Аббассидовъ. потому что они носили цвѣтъ этой династіи), были сшиты въ домѣ одного мервскаго жителя. Въ Мервѣ было много секретарей калифата. а также много ученыхъ имамовъ. Оттуда былъ родомъ извѣстный Бурзуэ. философъ или докторъ. ѣздившій въ Индію собирать сочиненія Бидпая. Изъ Мерва вывозятъ большое количество шелку и бумаги.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Древнемъ-Мервѣ и его окрестностяхъ находимъ у персидскаго историка Гафизъ-Абру.

Мервъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Хорасана; онъ расположенъ въ степи. такъ что близъ него ни съ какой стороны не видно горъ; основанъ онъ царемъ Каганларомъ. сыномъ Теймураза, а обстроенъ Александромъ Македонскимъ: въ окружности имѣетъ одинъ фарсангъ (отъ 7 до 8 верстъ). И вслѣдствіе теченія вѣковъ. и вслѣдствіе опустошительныхъ произшествій городъ Мервъ издавна находился въ разореніи. заброшенности и упадкѣ. Опустошеніе его произошло такимъ образомъ.

Во время нашествія всемірнаго завоевателя Чингизъ-хана на Иранъ. онъ въ теченіе тридцати семи дней подрядъ сражался у воротъ Балха. пока не взялъ города и пока, по занятіи его, не произвелъ поголовнаго избіенія жителей. Послѣ этого въ Баміянѣ былъ убитъ Мутугэнъ. сынъ Джагатая, внукъ Чингизъ-хана. Разгнѣванный такимъ обстоятельствомъ на людей этихъ странъ, Чингизъ-ханъ назначилъ принца Тули-хана съ 80.000 войскомъ для покоренія хорасанскихъ провинцій и поручилъ ему безжалостно подвергнуть мечу всѣхъ поголовно отъ колыбельнаго ребенка до столѣтняго старца. Тули-ханъ въ поло-

винѣ Раби-уль-авваля 616 года (1219 по Р. Х.), двинувшись для покоренія Хорасана. пришелъ сперва въ Мервъ. Въ то время Хорасанъ процвѣталъ благосостояніемъ; въ особенности славилась столица Хорасана. городъ Мервъ. который, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ резиденціей Султанъ-Санджара, назывался Шахджанъ, т. е. Душа-шаха, и имѣлъ три большія соборныя мечети. изъ коихъ каждая въ пятничные дни наполнялась прихожанами.

Въ Мервѣ тогда было 90.000 человѣкъ войска. которые выступили на встрѣчу непріятелю и вошли съ ними въ бой, окончившійся. однако, тѣмъ. что Тули-ханъ взялъ городъ и разрушилъ его, а жителей, въ теченіе нѣсколькихъ дней. выводилъ въ поле и. отдѣливъ мужчинъ отъ женщинъ, подвергалъ всѣхъ смерти. Убитыхъ считали потомъ нѣсколько дней и, кромѣ не вошедшихъ въ списокъ, насчитали 130 тумановъ (туманъ равняется 10.000; слѣдовательно. всѣхъ убитыхъ было 1.300,000 [1]). Послѣ этого городъ, изукрашенный великолѣпіемъ всего міра, вслѣдствіе этого печальнаго событія, сдѣлался жилищемъ гіенъ и хищныхъ звѣрей. Изъ его деревьевъ не осталось ни одной зеленой вѣтви, а изъ его кіосковъ не уцѣлѣло ни одного крова: мѣсто. такъ прекрасно обстроенное. перевернулось вверхъ дномъ. Гнѣвъ божій подвергнулъ карѣ какъ жителей. такъ и самую страну: около 200 лѣтъ не было тамъ ни тѣни. подъ которой могъ бы отдохнуть путникъ, ни обитателя. который могъ бы разсказать о постигшемъ страну несчастьи.

---

[1]) Возможно, что эта цифра сильно преувеличена, но не слѣдуетъ забывать и того, что, въ виду страха, нагнаннаго Чингизъ-ханомъ на населеніе Хорасана подъ защиту крѣпости Мерва. собрались дѣйствительно большая масса народа, пришедшая изъ дальнихъ и ближнихъ окрестностей столицы.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ 812 году гиджры (1409 году по Р. Х.) благодѣтельный царь, Мирза-Шахрухъ, сынъ Тамерлана. не обратилъ вниманія на эту страну и не озаботился о благоустройствѣ ея. Воспослѣдовалъ фирманъ. чтобы со всѣхъ мѣстъ государства турки, таджики, высшіе и нисшіе, стекались въ эту страну. Такъ какъ Мервъ орошался водою изъ рѣки Мургаба и такъ какъ плотина, сдѣланная на этой рѣкѣ, была снесена водой. а канавы засыпаны землей, то признано было очистить канавы и возстановить разрушенную плотину. дабы, посредствомъ орошенія, безводныя и опустѣвшія земли, лишенныя всякой растительности, получили новую жизнь и покрылись зеленью и садами. Когда окончена была плотина и когда пущена была вода на поверхности земли. то люди со всѣхъ сторонъ охотно стали собираться и охотно селиться въ городѣ и. во время счастливаго царствованія Мирзы-Шахруха. устроили базары, мечети. дома. бани, школы, мосты. караванъ-сараи. Новопроведенная канава имѣла въ верховьяхъ 20 гязовъ (гязъ—$1^{3}/_{7}$ аршина): а ширина въ концѣ доходила до 15 гязовъ; глубина ея въ бугристыхъ мѣстахъ доходила до 30 гязовъ, а длина ея отъ плотины на Мургабѣ до воротъ города Мерва, называемыхъ Дарваза Алямдаръ, т. е. Воротами знаменосцевъ (такъ называются эти ворота потому, что у нихъ находятся могилы Бурейды и Гекама, знаменосцевъ пророка Могамета) была 12 фарсанговъ (отъ 84 до 96 верстъ).

Истокъ Мургабской воды идетъ изъ Баміянской горы. Близъ Баміяны есть ущелье. называемое Истиджабъ, въ которомъ бьетъ много родниковъ и которое большею частью года покрыто снѣгомъ; во время лѣтней жары снѣга таютъ и образуютъ большой источникъ. Этотъ-то источникъ есть начало Мургаба,

который, дойдя до Герревана, входитъ въ Герджистанъ, гдѣ отъ разныхъ ущельевъ вливаются въ Мургабъ разные ручьи; затѣмъ вода Мургаба, дойдя до предѣловъ Бадгиса, проходитъ сѣвернѣе его. Дойдя до города Мерва и пройдя самый городъ, вода выходитъ чрезъ ворота Кишминъ и послѣ того излишекъ ея дотекаетъ до хоразмійскихъ песковъ; на этомъ протяженіи въ селеніи Гендекъ, называвшемся Старымъ-Мервомъ, устроена была плотина. Въ настоящее время, говорятъ, когда дуетъ сильный вѣтеръ и уноситъ пески, то здѣсь выходятъ наружу стѣны и различныя постройки, указывающія на то, что это мѣсто въ древности было и застроено и заселено.

Во время Султанъ-Санджара Мервъ чрезмѣрно обстроился и дошелъ до высокой степени развитія и благосостоянія. Говорятъ, что при Султанъ-Санджарѣ 12.000 человѣкъ назначены были охранителями плотины и распорядителями дѣлъ водоснабженія, и жизнь ихъ была обезпечена остальными жителями Мерва. Въ концѣ царствованія Султанъ-Санджара городъ Мервъ много пострадалъ отъ опустошеній, произведенныхъ племенемъ Газъ. Послѣ смерти Султана-Санджара (въ 558 году гиджры или въ 1162 году по Р. Х.) плотина Мургаба была снесена водой и, сколько ни прилагали труда, немогли возстановить ее, такъ что въ три года вода Мерва совсѣмъ ушла; тогда многіе жители разошлись изъ города, и Мервъ пришелъ въ полное разстройство. Послѣ этого Харезмъ-шахъ отправилъ въ Мервъ людей, которые и возстановили плотину.

Мервъ производитъ хорошія сладкія дыни; ихъ сушатъ и въ сушеномъ видѣ называютъ „кахкъ“, а изъ сока дѣлаютъ особый сиропъ. Пшеница Мерва лучше пшеницы всѣхъ другихъ мѣстъ, а хлѣбъ изъ

этой пшеницы и бѣлѣе и пріятнѣе хлѣба другихъ мѣстъ. Изъ мервскихъ степей вывозятъ во всѣ страны свѣта особый корень уштуръ-гаръ. отличающійся какъ подкрѣпляющее средство.

Изъ мѣстечекъ Мерва славился Маханъ. который одно время былъ больше самаго Мерва; онъ былъ и родиной и резиденціей Абумъ-Гослума и отличался плодородными пашнями, на которыхъ разводили много прекрасныхъ дынь и сѣяли много хорошей пшеницы[1]).

Къ этому описанію Гафизъ-Абру можно добавить къ исторіи Древняго-Мерва слѣдующія строки изъ арабскаго историка Ибнъ-эль-Атсира, касавшагося собственно разгрома города страшнымъ завоевателемъ Чингизъ-ханомъ и бывшаго очевидцемъ этого событія.

„Предпріятіе мое содержитъ въ себѣ описаніе ужаснѣйшей катастрофы и величайшихъ бѣдствій, какія только могли совершиться и какія разразились вообще надъ всѣми народами, но въ особенности надъ мусульманами; и если кто-либо станетъ утверждать, что человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ Господь создалъ Адама. и до нашихъ дней не подвергалось бѣдствію, то онъ скажетъ истинную правду. И дѣйствительно. въ лѣтописяхъ не содержится ничего, что могло-бы сравниться съ этимъ погромомъ. Къ этой ужасной катастрофѣ, въ нихъ изображаемой, относится та, какую Навуходоносоръ нанесъ израильтянамъ, разбивъ ихъ и разрушивъ святой Іерусалимъ. Но что значитъ Іерусалимъ въ сравненіи съ областями, опустошенными этими варварами! Вѣдь главный городъ каждой изъ нихъ стоитъ двойнаго. тройнаго

---

[1]) Переводъ сдѣланъ изъ Гафизъ-Абру переводчикомъ милиціи А. Агамаловымъ.

РК 1427

Іерусалима! И что значатъ израильтяне въ сравненіи съ тѣми, что убиты татарами! Вѣдь въ каждомъ изъ разрушенныхъ ими городовъ было болѣе жителей, чѣмъ всѣхъ израильтянъ. Я думаю, народы никогда болѣе не увидятъ подобной катастрофы, пока человѣчество не предстанетъ предъ престоломъ Господа и пока міръ не распадется на ничто; ибо даже самъ антихристъ пощадитъ тѣхъ, которые пристанутъ къ нему, и погубитъ только тѣхъ, которые сопротивятся ему: тогда какъ эти варвары не щадили никого: они убивали женъ и дѣтей, они вскрывали чрева и умерщвляли неродившихся... Монголы—самый жестокій народъ, и ихъ величайшіе властители были самыми ужасными исчадіями человѣчества: они съ чрезвычайнымъ политическимъ искусствомъ, съ безпощадною энергіей обрекли полміра на спокойствіе кладбища“ [1]).

Все пространство, занимаемое развалинами Древняго-Мерва, заключаетъ въ себѣ 104 квадратныхъ версты и представляетъ собой цѣлое поле смерти со всевозможными на немъ остатками человѣческихъ пережитковъ, раскрывающими передъ зрителемъ длинныя страницы исторіи и представляющими собой настоящее живое слово, говорящее и уму и сердцу человѣка.

Система городищъ, расположенныхъ вокругъ Древняго—Мерва, указываетъ и на самую систему ихъ возникновенія: каждый завоеватель, взявъ городъ, садился не въ немъ самомъ, а рядомъ съ нимъ, какъ дѣлаемъ въ настоящее время и мы, русскіе, во всѣхъ покоренныхъ нами средне-азіатскихъ мусульманскихъ городахъ. Этимъ-то и объясняется какъ величина

---

[1]) Histoire des Mongols la Haye, 1834, I, trad Dosson.

пространства Древняго-Мерва. такъ и множество городищъ. вокругъ него расположенныхъ. Но гдѣ было городище перваго. самаго Древняго-Мерва. это вопросъ едва-ли разрѣшимый въ настоящее время. Дѣло въ томъ. что Древній-Мервъ. какъ и всѣ другіе города Средней Азіи, то разрушаемые, то вновь возобновляемые, нѣсколько разъ мѣнялъ свое мѣсто въ теченіе всей своей исторической жизни. почему отличить его городище отъ другихъ городищъ. съ нимъ смежныхъ, пока. безъ основательныхъ раскопокъ, едва-ли возможно.

Отъ станціи Байрамъ-Али расположеніе бывшихъ городовъ на мѣстѣ Древняго-Мерва представляется послѣдовательно въ такомъ порядкѣ: Байрамъ-Али-ханъ-кала. Султанъ-Санджаръ-ханъ-кала. Искандеръ-кала и Гяуръ-кала. Между этими главными городами идутъ второстепенные — Шаимъ-кала, Ходжа-кала. Акъ-кала. Хейль-абъ-кала. и другіе. Каждый изъ этихъ городовъ отдѣленъ одинъ отъ другаго особыми стѣнами съ бойницами. башнями и крытыми воротами. стиль которыхъ. какъ и самый матерьялъ строго отличаются другъ отъ друга.

Внутри городовъ безчисленное множество всякаго рода культурныхъ пережитковъ человѣка. Прежде всего бросаются въ глаза глубокіе высохшіе арыки, носящіе здѣсь общее названіе ябовъ (очевидно „абъ“ — вода): Абдулла-ханъ-ябъ. Юсупъ-ханъ-ябъ, Эль-Гаралъ-ябъ, Согеръ-ябъ. Хейльвадъ-ябъ. Байрамъ-Али-ябъ. Мыджауръ-ябъ, Кара-яны-ябъ. Яны-аркъ-ябъ. Шаимъ-ябъ. Чагтрикъ-ябъ. и другіе. Кромѣ того поражаютъ зрителя въ этихъ городахъ всевозможные черепки глиняной посуды. жженныхъ кирпичей и неисчислимыя развалины зданій — дворцовъ. мечетей. мадрасы. башенъ. домовъ. бань. холодиленъ.

подваловъ, колодцевъ. погребальныхъ камеръ. могильныхъ памятниковъ. мостовъ. караванъ-сараевъ. и т. п.

Первое изъ названныхъ городищъ. Байрамъ-Али-ханъ-кала. есть персидская крѣпость. возведенная въ XVIII вѣкѣ хакимомъ города Байрамъ-Али-ханомъ. Впрочемъ, въ какое именно время она возникла, съ точностью неизвѣстно: извѣстно лишь. что въ 1784 году она была вырвана изъ рукъ персовъ бухарскимъ эмиромъ Маасумомъ (иначе называемымъ Шахъ-Мурадомъ) и обращена въ развалины. Бухарцы долго, но безуспѣшно осаждавшіе Байрамъ-Али. взяли крѣпость только тѣмъ. что уничтожили на рѣкѣ Мургабѣ знаменитую Султанъ-бентскую плотину. питавшую своими водами все населеніе Мерва.

По внѣшнему виду крѣпость Байрамъ-Али-ханъ-кала представляетъ изъ себя правильный четыреугольникъ. имѣющій около трехъ четвертей версты длины и столько же ширины; она обнесена кругомъ высокими глинобитными стѣнами, сложенными въ два яруса. со множествомъ частію четырехъ-угольныхъ. частію круглыхъ башенъ и съ двумя, въѣздными и выѣздными. воротами. Въѣздныя ворота стоятъ между двухъ круглыхъ боевыхъ башенъ. имѣющихъ узкія для стрѣльбы отверстія: надъ этими воротами. въ поперечной ихъ аркѣ, вдѣланы были два натуральныхъ черепа—коня и человѣка.—не больше двухъ лѣтъ тому назадъ снятые передъ пріѣздомъ въ Мервъ итальянскаго принца. Выѣздныя ворота стоятъ также между двухъ боевыхъ башенъ. конической формы. характернаго персидскаго стиля, сложенныхъ изъ тонкихъ обожженныхъ кирпичиковъ и нѣкогда облицованныхъ цвѣтными изразцами. Изъ всѣхъ крѣпостей крѣпость Байрамъ-Али-ханъ-кала особенно сильно пострадала во время проложенія рельсовъ чрезъ развалины Древняго-Мерва и сооруженія желѣзнодорожной станціи

со всѣми необходимыми при ней постройками. а также при сооруженіи дворцовыхъ построекъ и при проведеніи шоссе въ имѣніи Государя. начинающемся отъ развалинъ Мерва и идущемъ вверхъ по рѣкѣ Мургабу. Теперь въ стѣнахъ Байрамъ-Али-ханъ-кала можно видѣть лишь одни черепки битой посуды. очень немного кирпичей и еще меньше того развалинъ зданій.

Крѣпость Абдулла-ханъ-кала вызываетъ на память имя Абдуллы-хана († 1597) изъ династіи Шейбанидовъ. господствовавшихъ въ Средней Азіи съ 1500 по 1597 годъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ Абдулла-ханъ былъ виновникомъ сооруженія этой крѣпости. остается пока вопросомъ гадательнымъ. По внѣшнему виду крѣпость эта представляетъ изъ себя совершенно правильный квадратъ. имѣющій три четверти версты въ длину и столько же въ ширину. Она непосредственно примыкаетъ къ крѣпости Байрамъ-Али и обнесена со всѣхъ сторонъ стѣнами. сложенными изъ жженаго на глинѣ кирпича. Русскіе меньше коснулись этой крѣпости. и потому здѣсь можно видѣть множество черепковъ различной посуды отъ самой грубой до самой тонкой работы, а также остатки разныхъ сооруженій, каковы: такъ называемая Малая мечеть, мадрасы. дома. башни, подвалы, холодильники. бани. колодцы. и т. п.

Изъ всѣхъ сооруженій крѣпости Абдуллы-ханъ-калы больше всего бросается въ глаза Малая мечеть. Малою она называется по сравненію съ мечетью Султанъ-Санджара. стоящею въ крѣпости этого-же имени. Эта мечеть сильно завалена вокругъ пескомъ и камнями и потому издали производитъ впечатлѣніе какъ бы ушедшаго въ землю зданія. Основа мечети— крестообразный осьмиугольникъ. на которомъ поставленъ низкій. сдѣланный изъ мелкихъ кирпичей. куполъ. Съ сѣвера къ зданію примыкаетъ полукруг-

лая. поставленная вплотную къ осьмиугольнику. но поднимающаяся нѣсколько выше купола и потому издали кажущаяся какъ-бы отошедшею отъ него въ сторону. полукруглая. съ острымъ гребнемъ. арка. лишенная всякихъ наружныхъ украшеній и отдѣланная лишь особыми. въ видѣ оконныхъ рамъ. выступами. съ каждой стороны по два числомъ. Снаружи, при самой землѣ. зданіе имѣетъ по три сквозныхъ и по одной глухой ниши съ южной и сѣверной сторонъ: кромѣ того. двѣ полукруглыхъ арки. съ восточной и западной стороны. служащихъ входомъ и выходомъ въ мечеть. Внутри зданія устроена высокая. съ круглымъ сводомъ. зала. а въ южной стѣнѣ [1]), прямо противъ зрителя. по обѣимъ сторонамъ выходной арки. съ каждой стороны по одной нишѣ. Въ куполѣ мечети оставлено четыре окна; кромѣ того, по угламъ купола сдѣланы большіе проломы. какъ кажется. слѣды разрушительнаго времени и нашего „культурнаго“ обращенія съ мечетью. Съ южной стороны украшеній на мечети нигдѣ не видно: видны лишь слабые слѣды рисунковъ на подобіе квадратовъ и треугольниковъ. сдѣланныхъ сухой синяго цвѣта краской по штукатуркѣ. внутри зданія, по стѣнѣ съ сѣверной стороны. на $3^1/_2$ аршина высоты отъ земли. Въ общемъ размѣръ мечети, кромѣ стѣнъ. 7 саженъ ширины и 8 саженъ съ аршиномъ длины. Противъ главной арки мечети устроенъ глубокій колодецъ, обложенный до самого основанія кирпичемъ.

Кромѣ Малой-мечети. называемой иногда мѣстными текинцами ханскимъ дворцомъ. въ крѣпости Абдуллы-хана сохранилось множество развалинъ и

---

[1]) Южная стѣна мечети. гдѣ обыкновенно устраивается михрабъ. называется „кыбла“.

другихъ зданій. Характерная особенность сооруженія этихъ зданій состоитъ въ томъ, что многія изъ нихъ построены въ нѣсколько ярусовъ и изъ различнаго матеріала—основаніе и средина изъ кирпича, верхъ и пристройки изъ глины, а каменные своды нерѣдко замѣнены деревянными балками. Отсюда позволительно думать, что всѣ такія постройки суть отпечатки нѣсколькихъ періодовъ времени, нѣсколькихъ народностей и нѣсколькихъ цивилизацій.

Къ сѣверу отъ развалинъ Абдулла-ханъ-калы раскинулось обширное кладбище, сплошь усѣянное могилами всевозможныхъ видовъ. Тутъ можно увидѣть простые глиняные холмики; небольшіе, обложенные кирпичемъ въ елку, ящики; каменныя гробницы; подземные склепы; круглые мавзолеи; купольныя часовеньки, и т. п. Среди всего этого некрополя выдѣляются такъ называемыя могилы двухъ братьевъ; онѣ уже издали бросаются въ глаза всякому путешественнику. И по преданію и по указанію историка Гафизъ-Абру, это—могилы Бурейды и Текама, знаменосцевъ и сподвижниковъ Мухаммада, первыхъ распространителей ислама въ Древнемъ-Мервѣ. Нѣкогда у этихъ двухъ могилъ стояли ворота Дарваза Алямдаръ („Ворота знаменосцевъ"), теперь передъ ними горы песку и груды камней. Надъ прахомъ каждаго изъ сподвижниковъ лежитъ сѣро-мраморная плита, испещренная куфическими надписями, огражденная высокой каменной, съ четырьмя съ каждой стороны воротами, оградой, 2 саж. и 14 верш. длины, и 1 саж. и 1½ арш. ширины. Одна изъ этихъ оградъ лишена всякихъ украшеній, другая украшена по внѣшней стѣнѣ (съ двухъ лицевыхъ сторонъ), въ видѣ треугольниковъ, синими и голубыми кубиками. Всѣ четверо воротъ въ каждой оградѣ заставлены деревянными рѣшетками, что сдѣлано лишь въ недавнее время и единственно въ ви-

ду того, чтобы предохранить могилы покойниковъ отъ варварскаго расхищенія со стороны людей. падкихъ до пріобрѣтенія всякаго рода древностей. Примѣръ подобнаго хищничества подали два какіе-то путешественника англичанина. которые воспользовались свободнымъ къ могиламъ доступомъ и поотбивали на нихъ углы вмѣстѣ съ надписями на память о Древнемъ-Мервѣ.

Противъ обѣихъ могилъ братьевъ знаменосцевъ возвышаются два высокихъ, съ глубокими нишами, каменныхъ фронтона. связанныхъ между собою общею аркой. но отъ времени наклонившихся въ противоположныя другъ отъ друга стороны,—правый направо. лѣвый налѣво. Оба эти фронтона украшены фигурами треугольниковъ и квадратовъ, состоящихъ изъ синяго, голубаго и розовато-блѣднаго цвѣта. Повидимому они составляли одну изъ стѣнъ цѣлаго двора. внутри котораго покоился прахъ дорогихъ мусульманамъ святыхъ: по крайней мѣрѣ, на это предположеніе наводятъ двѣ стѣны. въ обвалившемся видѣ, примыкающія непосредственно къ фронтонамъ, и одна стѣна. соединяющая первыя двѣ.

На разстояніи около двухъ верстъ къ сѣверу отъ могилъ двухъ братьевъ знаменосцевъ раскинулась Султанъ-кала. имѣющая въ длину двѣ съ половиной версты и въ ширину около двухъ верстъ. Названіе этой крѣпости вызываетъ на память имя Султанъ-Санджара (†1162), изъ династіи Сельджукидовъ. господствовавшихъ въ Средней Азіи съ 1004 по 1166 годъ; этотъ ханъ оставилъ по себѣ память, какъ строитель и благодѣтель народа.

На мѣстѣ города Султанъ-Санджара. какъ и другихъ городовъ Мерва, лежатъ цѣлыя горы всевозможнаго рода обрушившихся зданій. покрытыхъ собственнымъ мусоромъ и наноснымъ пескомъ. Изъ пес-

ла этихъ развалинъ возвышается массивная мечеть Султанъ-Санджара, называемая у мѣстныхъ обывателей Большою мечетью: она господствуетъ надъ всѣми развалинами отдѣльныхъ крѣпостей Древняго-Мерва и уже за много верстъ издали бросается въ глаза всякому путешественнику. Это—почтенный памятникъ сѣдой старины, проживший около 700 лѣтъ исторической жизни, видѣвшій подъ своими сводами и простыхъ людей и могущественныхъ царей, гордо сопротивлявшійся и разрушительнымъ силамъ стихіи и губительнымъ дѣйствіямъ войнъ, а теперь уныло стоящій среди пустынной, мертвой мѣстности, оглашаемой лишь зловѣщимъ крикомъ совъ да жалобнымъ воемъ шакаловъ.

Въ общемъ мечеть Султань-Санджара представляетъ изъ себя совершенно правильный квадратъ, поставленный углами по сторонамъ свѣта, подъ угломъ 45°/₀. Съ двухъ-третей всей высоты стѣнъ четырехъ-угольный квадратъ мечети переходитъ въ четырехъ-угольную съ пролетами, въ видѣ такъ называемыхъ итальянскихъ оконъ, каменную галлерею; по угламъ этой галлереи видны остатки четырехъ минаретовъ, нѣкогда отдѣланныхъ въ узорчатые, теперь только кое-гдѣ уцѣлѣвшіе, изразцы. Съ половины высоты галлереи поднимается вверхъ огромный, какъ бы нѣсколько придавленный, кирпичный куполъ, утвержденный на громадномъ кругломъ барабанѣ. Высота мечети 16½ саженъ; длина и ширина 12 саженъ и 84 сотыхъ: толщина стѣнъ, отъ основанія (не считая фундамента), до высоты семи саженъ, 2 сажени и 35 сотыхъ; до высоты галлереи—2½ сажени; цилиндрическая часть въ пятѣ—4 аршина, въ ключѣ до 60 сотыхъ, высота ниши 4½ сажени, ширина—1½ сажени, углубленіе—80 сотыхъ. По всѣмъ четыремъ угламъ зданія сдѣланы кирпичныя, съ просвѣтами, на подобіе ко-

саго переплета. рѣшетчатыя колонны. По всему куполу подѣланы глухія. въ видѣ оконъ. ниши. а между каждой парой нишъ. вверху и внизу. оставлены круглыя отверстія.

Особенность построенія зданія. по замѣчанію графини Уваровой. состоитъ въ томъ. что „куполъ его покоится на спарочныхъ сводахъ. исходящихъ одинъ изъ другаго и поддерживающихъ сводъ. подѣленный на нѣсколько частей перевитыми аретами. не выведенныхъ самостоятельно. какъ въ готическихъ сводахъ. но сложенныхъ отъ руки при самой кладкѣ: ключъ свода является въ видѣ правильнаго круглаго отверстія“ [1]).

Съ наружной стороны все зданіе обложено. посредствомъ длинныхъ косыхъ угловъ. тонкими. чрезвычайно крѣпкими. превосходно обожженными кирпичиками. за которыми. внутри стѣнъ. скрываются болѣе грубой работы и нѣсколько болѣе обыкновенныхъ размѣровъ кирпичи (6+9 вершковъ), извѣстные во всемъ краѣ подъ именемъ „санджаровскихъ“. Въ общемъ видѣ наружныя стѣны зданія. по удачному выраженію Евгенія Львовича Маркова. кажутся какъ бы мелко и тщательно расчерченными какимъ нибудь искуснымъ геометромъ [2]). Такое же впечатлѣніе производитъ и куполъ зданія. нѣкогда сплошь облицованный такими же кирпичиками и въ тѣ же длинные косые углы. но теперь сохранившій свою облицовку только въ нижнемъ поясѣ и вовсе лишенный ея на самой вершинѣ. Кладка кирпичей сдѣлана въ нижнихъ частяхъ на цементной массѣ съ примѣсью древеснаго угля и измельченнаго шлака. въ верхнихъ частяхъ—на известковомъ растворѣ.

---

[1]) Поѣздка въ Ташкентъ и Самаркандъ. Русская Мысль, 1891, XII, 20.

[2]) По Туркменіи. Русское Обозрѣніе, 1892, Іюнь. 466.

Во внутрь зданія ведутъ два прохода (съ сѣверной и южной стороны): въ самомъ центрѣ устроена огромная зала, покрытая вверху громаднымъ куполомъ: куполъ этотъ держится частію собственными перекрестными ребрами, частію вставленными по всѣмъ четыремъ угламъ его желѣзными скрѣпами; въ центрѣ купола вдѣланъ былъ металлическій четырехъ-угольный желтаго цвѣта ящикъ, существовавшій еще въ 1889 году по словамъ Циммермана[1]), но съ годъ тому назадъ похищенный какимъ-то странствовавшимъ по Средней Азіи англичаниномъ. По преданію, въ этомъ ящикѣ заключены были золотой гребень, поясь и другія драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія любимой женѣ Султанъ-Санджара, спрятанныя султаномъ въ ящикъ, послѣ ея смерти, и подвѣшанныя въ куполѣ мечети, построенной въ ея же воспоминаніе. Теперь на мѣстѣ ящика видно одно лишь пустое углубленіе. Въ двухъ стѣнахъ залы (восточной и западной) сдѣланы двѣ глубокія ниши, подъ одной изъ коихъ видны остатки арабскихъ письменъ, составлявшихъ, быть можетъ, цѣлый поясокъ всей средней части зданія: амбразуры этихъ нишъ украшены арабесками превосходной лѣпной работы изъ глины: такія же арабески старинной лѣпной работы видны вверху, по внутреннимъ угламъ зданія: въ другихъ мѣстахъ зданія замѣтны остатки различныхъ стѣнныхъ украшеній, сильно пострадавшихъ отъ позднѣйшей реставраціи мечети.

Солнечный свѣтъ проникаетъ въ зданіе посредствомъ оставленныхъ въ стѣнахъ мечети четырехъ оконъ, подъ которыми замѣтны остатки какихъ-то деревянныхъ балокъ: такія же деревянныя балки вид-

---

[1]) По Закаспійской желѣзной дорогѣ Русская Мысль, Мартъ, 1889, 37.

ны и по самому основанію залы. что. вмѣстѣ съ карнизами по тому же основанію зданія. даетъ основаніе допустить существованіе здѣсь склепа. нѣкогда скрывавшаго главную реликвію храма. прахъ Султанъ-Санджара. Этотъ прахъ Султанъ-Санджара скрытъ среди самой залы подъ большой гробницей. реставрированной уже въ послѣднее время текинскими мусульманами и поэтому представляющей собой нѣчто невозможно безобразное: это—подобіе огромнаго ящика. слѣпленнаго изъ сѣрой глины и обвѣшаннаго кусками разноцвѣтныхъ лоскутковъ матеріи. привязанныхъ къ толстому деревянному шесту.

Общій видъ мечети сильно теряетъ отъ собственнаго мусора. завалившаго вокругъ все зданіе болѣе. чѣмъ на сажень высоты; кромѣ того. общему виду мечети вредятъ проломанные углы купола и подбитое основаніе его.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мечети Султанъ-Санджара показываютъ еще три мечети—Ходжи-Юсупъ-Хамедана. Имамъ-Запаръ-Садыка и Ходжи-Палванъ-Ахмета.

Первой изъ этихъ мечетей муллы даютъ 117 лѣтъ исторической жизни; она стоитъ среди небольшаго двора. на которомъ погребены три сына и погонщикъ верблюдовъ св. Юсупа. а противъ сыновей. подъ особымъ мазаромъ. жена и выше нея—самъ Ходжа-Юсупъ-Хамеданъ. На куполѣ мазара надѣта шапка святаго и тутъ-же поднимается высокій шестъ съ бѣлымъ флагомъ. Съ лѣвой стороны. противъ мазара. стоитъ небольшая мечеть съ незначительной нишей. Всѣ постройки мечети сдѣланы изъ сѣрой глины и не представляютъ собой ровно ничего достойнаго вниманія въ архитектурномъ отношеніи.

Второй изъ названныхъ мечетей. Имамъ-Запаръ-Садыкъ. тѣже муллы даютъ 1200 лѣтъ. Внутрен-

ность этой мечети состоитъ изъ трехъ комнатъ. изъ коихъ двѣ совсѣмъ темныя. а третья освѣщена черезъ небольшія узкія окна; въ этой комнатѣ стоитъ гробница святаго съ мраморнымъ камнемъ надъ ней. имѣющимъ 5 четвертей длины и 1 четверть съ пятью вершками ширины. Въ другой комнатѣ лежитъ мать святаго Дурдугуль: надъ прахомъ ея положенъ мраморный камень. имѣющій $2^1/_2$ четверти длины и исписанный восточною надписью. Мечеть строилась будто-бы самимъ Запаръ-Садыкомъ при жизни.

Третьей мечети. Ходжи-Палванъ-Ахмета, даютъ около 1000 лѣтъ. Это – совсѣмъ ничтожное строеніе. состоящее изъ небольшаго дворика, среди котораго стоитъ памятникъ святаго, и двухъ крошечныхъ комнатокъ. Изъ реликвій святаго показываютъ круглый мраморный шаръ. которымъ святой будто-бы за много верстъ бросалъ то въ бухарцевъ, то въ русскихъ и который будто. истребивъ враговъ, самъ возвращался къ святому, пролетая по воздуху цѣлыя тысячи верстъ. Еще при жизни святаго этотъ шаръ треснулъ пополамъ. но самимъ-же святымъ вновь былъ склеенъ. Правдоподобнѣе-же будетъ сказать. что этотъ шаръ нѣкогда вѣнчалъ собой какую-нибудь колонну если не на мечети. то на какомъ—нибудь мазарѣ.

Отъ городища Султанъ-Санджара отдѣляется городище Искандеръ-кала. Оно имѣетъ почти двѣ версты длины и около одной версты ширины. Имя этого городища вызываетъ на память имя славнаго царя. Александра Македонскаго. Что Александръ. царь Македонскій, былъ въ Древнемъ-Мервѣ и оставилъ въ немъ слѣды своего пребыванія, въ томъ убѣждаетъ насъ его историкъ. Квинтъ Курцій. По словамъ Квинта Курція. Александръ. послѣ войны съ согдіанами. переправившись черезъ рѣку Оксусъ.

прибылъ къ городу Маргиніи: вокругъ этого города онъ выбралъ мѣсто для построенія шести (новыхъ) городовъ: двухъ съ юга и четырехъ съ востока. которые стояли не въ дальнемъ между собою разстояніи. чтобы по близости способнѣе было получать взаимную помощь. Всѣ эти города построены на высокихъ холмахъ: черезъ это они были какъ-бы уздой для побѣжденныхъ народовъ [1]). Въ настоящее время Искандеръ-кала — самое бѣдное изъ всѣхъ городищъ на развалинахъ Древняго-Мерва. Бывшія вокругъ него стѣны обрушились. уцѣлѣли только огромные земляные валы; внутри его можно видѣть лишь груды мусора, куски черепковъ, кирпичей. камней и множество, различныхъ ямъ. можетъ быть. оставшихся отъ древнихъ жилищъ. а можетъ быть вырытыхъ въ наше время различными любителями скрытыхъ въ землѣ сокровищъ. И незначительные размѣры городища и ничтожное количество оставшихся на немъ культурныхъ пережитковъ человѣка не позволяютъ принять его за городъ въ нашемъ смыслѣ слова,— скорѣе это кремль или крѣпость. но никакъ не городъ. Уже древнимъ историкамъ всѣ города. основанные Александромъ Македонскимъ, казались не городами, а скорѣе лагерями. населявшимися если не гарнизонами, то инвалидами или ветеранами царя [2]).

Рядомъ съ городищами Султанъ-Санджаръ-калы и Искандеръ-калы раскинулось городище Гяуръ-кала, имѣющее нѣсколько болѣе двухъ верстъ длины и нѣсколько менѣе двухъ верстъ ширины. Гяуръ-кала видимо есть городъ если не туземцевъ-язычниковъ до мусульманскаго періода. то безъ сомнѣнія городъ „невѣрныхъ“. т. е. христіанъ несторіанскаго

---

[1]) Quinti Curtii Rufi. De rebus Alexandri Magni. Lipsiae, MDCCXLV, 422.

[2]) Аррiанъ. Походы Александра, IV, 4, I.

толка. жившихъ въ Мервѣ съ V по VIII вѣка. имѣвшихъ здѣсь собственнаго митрополита и шесть подвѣдомственныхъ ему епископовъ. Число христіанъ въ Средней Азіи въ то время было такъ велико, что, по словамъ извѣстнаго путешественника Плано Карпини, писавшаго въ 1246 году. на всю численность Батыева войска въ 600.000 человѣкъ послѣдователей Христовой вѣры было 450.000. Тотъ-же Плано-Карпини. перечисляя всѣ земли и народы. покоренные Чингизъ-ханомъ. называетъ и землю Гуйуровъ (Huyur). которые центромъ своихъ поселеній считали городъ Мервъ. „Отдохнувъ нѣсколько (послѣ пораженія со стороны китайцевъ), Чингизъ началъ снова готовиться къ войнѣ и пошелъ въ землю Гуйуровъ (ferram Huyrorum), кои были христіяне несторіянскаго толка, и коихъ они также побѣдили и приняли ихъ грамоту; ибо до того не имѣли никакого письма: теперь же эту грамоту называютъ монгольскою“ [1]).

Городище Гяуръ-кала не имѣетъ никакихъ стѣнъ; въ замѣнъ того оно обнесено кругомъ земляными валами. составляющими характерное отличіе его отъ другихъ городищъ. Въ самомъ центрѣ его есть другое городище, окруженное со всѣхъ сторонъ канавами и составляюпее. повидимому, кремль или дѣтинецъ всего города. Въ этомъ кремлѣ имѣется особая вышка. называемая Эрке-Тепе, на которой видны развалины какого-то зданія, сложеннаго изъ сырцовыхъ плитъ. Все пространство городища Гяуръ-калы покрыто въ настоящее время множествомъ земляныхъ возвышеній и усѣяно массою разноцвѣтныхъ черепковъ. оставшихся отъ разбитой посуды и свидѣтельствующихъ о высокомъ развитіи керамическихъ издѣлій у бывшихъ обитателей Гяуръ-калы.

---

[1]) Собраніе путешествій къ татарамъ, С.-Петербургъ, 1828. 47, 129.

Помимо хечетей. домовъ. памятниковъ и другихъ остатковъ старины на мѣстѣ Древняго-Мерва. почти въ каждомъ изъ его городищъ можно видѣть еще особыя зданія, бросающіяся въ глаза оригинальностью своей постройки и не сразу понятнымъ для многихъ назначеніемъ. Это круглыя. иногда куполообразныя иногда конусовидныя или пирамидальныя башни. съ однимъ. въ видѣ дверей входомъ, съ тремя. при самой землѣ. на подобіе узкихъ оконъ. отверстіями и съ глубокимъ. уходящимъ въ землю, подваломъ. Башни эти ни больше. ни меньше какъ холодильники: онѣ устроены для скопленія въ нихъ дождевой воды (но не льда). всегда составлявшей и составляющей безцѣнную влагу въ жаркомъ климатѣ Средней Азіи. Протекая по поверхности земли. вода эта попадала въ глубокіе и крытые холодильники. хорошо въ нихъ отстаивалась, никогда не портилась и всегда оставалась холодною. Что это не были ледники для льда. какъ думаютъ нѣкоторые. а именно холодильники для воды. это видно изъ того, что всѣ ихъ отверстія всегда оставались открытыми для свободнаго прохожденія черезъ нихъ воды. чего никакъ нельзя допустить въ помѣщеніяхъ, предназначаемыхъ для храненія льда.

Изъ другихъ примѣчательностей Древняго-Мерва достойны вниманія еще многочисленные курганы. разбросанные вокругъ города. и одинъ огромный валъ, Гиляким-Чильбуртъ. замыкающій развалины съ сѣверной стороны.

Въ 65 верстахъ отъ станціи Байрамъ-Али. вверхъ по рѣкѣ Мургабу. въ такъ называемомъ Мургабскомъ Государевомъ имѣніи. можно видѣть мѣсто знаменитой Султанъ-бентской плотины (слово „бентъ" значитъ „плотина"). а въ 35 верстахъ отъ этой плотины, вверхъ по тому же Мургабу, можно найти разва-

лины шести небольшихъ мечетей и небольшаго около нихъ кладбища на мѣстѣ города Аулія-баба-Камбаръ. слуги Алія.

Первая изъ мечетей имѣетъ 6 саженъ длины, 11 саженъ ширины и состоитъ изъ пяти отдѣленій,— двухъ въ срединѣ и трехъ съ лѣвой стороны: въ первомъ отдѣленіи сдѣланы двѣ сквозныя арки, во второмъ одна сквозная; она отдѣлана внутри большими кирпичами. снаружи окрашенными красной краской, имѣетъ на верху небольшой куполъ, внизу подземный ходъ и одну лѣстницу для подъема на минаретъ; кладка мечети состоитъ частію изъ глины, частію изъ извести. Кирпичъ имѣетъ размѣръ 6+6 и 9+9 вершковъ. Подъ сводами этой мечети хранятся скелеты людей и огромные глиняные кувшины при нихъ.

Вторая мечеть имѣетъ 4 сажени длины и столько же ширины; устройство ея почти одинаково съ первой; разница состоитъ лишь въ небольшихъ кирпичныхъ колонкахъ. сдѣланныхъ по угламъ мечети. въ небольшой нишѣ внутри и кое-какихъ арабесокъ, уцѣлѣвшихъ подъ сводомъ ея.

Третья и четвертая мечети имѣютъ тѣ же размѣры, что и вторая (4+4), но отличаются отъ нея болѣе простой отдѣлкой и меньшей высотой. Онѣ стоятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ первыхъ двухъ, но зато гораздо лучше ихъ сохранились.

На развалинахъ Аулія-Камбаръ имѣются еще двѣ небольшихъ мечети, но онѣ совсѣмъ почти развалились и потому не могутъ подлежать даже самому поверхностному описанію.

Касательно мѣстности вдоль рѣки Мургаба нужно замѣтить вообще. что оба берега этой рѣки въ древности были очень густо заселены и потому въ настоящее время очень густо покрыты различнаго рода развалинами отъ большихъ городовъ и малыхъ селеній.

И это немудрено: близость большаго города. обилiе воды, богатство травы. лѣсной поросли, степной дичи—все это привлекало человѣка къ рѣкѣ Мургабу и ея прекрасной долинѣ. Здѣсь же и любитель природы могъ найти прелестный уголокъ для своихъ завѣтныхъ думъ и возвышенныхъ мечтанiй. Такими уголками могутъ служить два порога рѣки, находящiеся на двѣ версты выше развалинъ Аулiя-баба-Камбара.

Изъ этихъ пороговъ верхнiй, Чохъ-Локъ, имѣетъ до двухъ саженей паденiя и существуетъ искони вѣковъ, потому что основанiемъ его служитъ твердый, не поддающiйся дѣйствiю воды, грунтъ, пересѣкающiй рѣку поперекъ ея теченiя. Вода, падающая съ двухъ-саженной высоты внизъ. производитъ шумъ, слышный уже далеко не доходя до порога. Въ пустынной и безлюдной мѣстности этотъ шумъ – ни съ чѣмъ несравнимая и ничѣмъ незамѣнимая музыка. ласкающая слухъ, питающая воображенiе и возвышающая душу человѣка....

III.

Песчаная пустыня отъ станціи Равнины до Чарджуя; городъ Чарджуй и его краткая исторія; рѣка Аму-Дарья и значеніе ея имени; разсказъ Арріана о переправѣ черезъ Аму-Дарью царя Александра Македонскаго; деревянный мостъ черезъ Аму-Дарью; область древней Согдіаны; Бухара и значеніе ея названія; смѣсь народностей въ Бухарѣ; краткая исторія ея; болѣзнь ришта, ея зарожденіе и лѣченіе.

Удаляясь отъ станціи Байрамъ-Али и развалинъ Древняго-Мерва, поѣздъ постепенно оставляетъ мѣста обильныя водой и зеленью и постепенно вновь входитъ въ безводную и песчаную пустыню. страшно удручающую своимъ видомъ даже самаго равнодушнаго ко всему путешественника. Эта пустыня начинается отъ станціи Равнины и тянется на протяженіи 134 верстъ черезъ Учъ-Аджи, Пески, Репетекъ. Кара-кую и Барханы, не доходя одиннадцати верстъ до станціи Чарджуя. Особенно безотрадное впечатлѣніе производитъ шестая по счету отъ Байрамъ-Али станція Репетекъ (правильнѣе Рапатакъ отъ персидскихъ словъ „Ра“—дорога и „патакъ“—холстъ), стоящая среди зыбучихъ песковъ. всхолмленная песчаными буграми, называемыми здѣсь барханами. Барханы эти наносятся время отъ времени вѣтрами, которые такъ часто свирѣпствуютъ въ обнаженной пустынѣ, въ однихъ мѣстахъ выкручивая огромныя ложбины. за то въ другихъ мѣстахъ нанося цѣлыя горы песку. Впрочемъ, и барханы все же отраднѣе, чѣмъ ровныя песчаныя пространства; на нихъ есть, по

крайней мѣрѣ. чахлыя растенія—джиръ. колючникъ, гребенщикъ и всего чаще саксаулъ, достигающій здѣсь высоты всадника и толщины 3 вершковъ (въ горахъ до 25 футовъ высоты и до $1^1/_4$ фута толщины).

Но вотъ поѣздъ оставилъ пески и приблизился къ станціи Чарджую. получившей свое названіе отъ персидскихъ словъ: „чар“ сокращеннаго изъ „чахар“—четыре и „джуй“—рукавъ (отсюда Чарджуй—городъ у четырехъ рукавовъ рѣки). Чарджуй раскинулся среди обворожительной и цвѣтущей мѣстности. Уставшій сидѣть пассажиръ выходитъ на платформу и вдыхаетъ въ себя полною грудью пріятный. освѣжаемый зеленью деревьевъ и проточною водою. воздухъ

Въ исторіи Средней Азіи Чарджуй не игралъ такой выдающейся роли. какъ другіе большіе города. но все-же одно время, а именно въ 705 году по Р. Х.. онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ знаменитаго арабскаго завоевателя. Кутайбу-бинъ-Муслима. возвращавшагося послѣ покоренія Балха въ Мервъ. Гораздо позже означеннаго времени. а именно въ 1513 году. Шейбанидъ. Обейдуллахъ-ханъ. воюя съ персидскимъ визиремъ Шахъ-Измаиломъ, перешелъ рѣку Аму-Дарью у Чарджуя и. соединившись потомъ со своими союзниками. бросился на городъ Мешхедъ. Въ 1527 году тотъ-же Обейдуллахъ-ханъ отъ Чарджуя вновь ходилъ походомъ на Мешхедъ и одновременно съ тѣмъ на городъ Мервъ: походъ его окончился страшнымъ разореніемъ обоихъ этихъ городовъ. Въ 1740 году бухарскій ханъ Абулъфаизъ уступилъ городъ Чарджуй. вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами Цисоксанской области. знаменитому персидскому царю Шахъ-Надиру. и тѣмъ положилъ конецъ династіи Аштарханидовъ въ Трансоксаніи[1]).

[1]) Вамбери. Исторія Бохары, С.-Петербургъ, 1873, I, 26, II, 36. 38, 110, 111.

Изъ Чарджуя одинъ переѣздъ.—и тутъ открывается передъ взоромъ путешественника извѣстная и прославленная въ древнемъ мірѣ рѣка Оксусъ или Оксъ. теперь Аму-Дарья. получившая второе свое названіе отъ двухъ словъ. заимствованныхъ у двухъ различныхъ народовъ: турецкаго „Аму"—рѣка и таджикскаго или иранскаго „Дарья"—рѣка. отсюда Аму-Дарья значитъ Рѣка-Рѣка [1]). Впрочемъ, названіе рѣки объясняютъ и такъ, что Аму съ китайскаго на русскій значитъ „хлѣбъ"; отсюда Аму-Дарья значитъ Рѣка хлѣба. кормилица [2]). По словамъ извѣстнаго русскаго оріенталиста В. В. Григорьева, Аму-Дарья носила у различныхъ древнихъ народовъ различныя названія: у грековъ Оксусъ и Бактра. у китайцевъ Гуй-Хе, у аравитянъ Джейхунъ. у персіянъ Рудъ-Хане и Аму рѣка [3]).

Въ настоящее время Аму-Дарья очень широкая ($2^1/_2$ версты), очень глубокая (иногда свыше 3 саж. глубины) и страшно быстрая рѣка; по быстротѣ ея теченія съ ней не могутъ сравниться ни Днѣпръ. ни Волга. ни Нева. ни Сѣверная Двина. ни даже Дунай, кромѣ. можетъ быть, одного Днѣстра; эта рѣка не течетъ. а какъ будто рвется впередъ. Вмѣстѣ съ водой она несетъ массу различныхъ корней, множество прутьевъ. вѣтвей. камыша. травы. Вода въ ней на видъ совсѣмъ желто-глинистая, но на вкусъ, послѣ отстоя. необыкновенно пріятная. Берега ея покрыты невѣроятно высокимъ камышемъ и всякаго рода растительностью, въ которой скрываются, особенно близъ устья рѣки. постоянные обитатели ея страш-

---

[1]) Вамберн. Исторія Бохары, С.-Петербургъ, 1873, I, 13.

[2]) Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисъ-хапова, переводъ Іакинфа, С.-Петербургъ, 1829, 357.

[3]) Исторія монголовъ, переводъ съ персидскаго, С.-Петербургъ, 1834, 128.

ные тигры (по туземному джюлъ-барсы), дикіе кабаны и вѣчно голодные и оттого вѣчно воющіе шакалы; нѣдра ея обилуютъ невѣроятнымъ количествомъ рыбы, продаваемой здѣсь за баснословно дешевую цѣну.

Рѣка Оксусъ или Аму-Дарья уже древнимъ классическимъ писателямъ казалась величайшею и необыкновенно быстрою изъ всѣхъ извѣстныхъ имъ азіатскихъ рѣкъ: „Переправиться черезъ эту рѣку, пишетъ во II вѣкѣ по Р. Х. Арріанъ Флавій, не было никакого средства (для Александра Македонскаго): шириною она была въ шесть стадій; песчаное дно ея было еще глубже; теченіе столь быстрое, что сваи невозможно было утвердить въ ней; не было лѣса для сооруженія мостовъ, а привозка ихъ издалека потребовала бы много времени; тогда прибѣгли къ такому средству: наполнили соломою и сухими виноградными лозами кожи, изъ которыхъ дѣлались палатки для воиновъ; сшили ихъ такъ крѣпко, чтобы въ нихъ не могла проникать вода; связали вмѣстѣ, и потомъ войско перешло рѣку въ пять дней“ [1]).

Аму-Дарья падаетъ въ Аральское море, но древніе классическіе писатели, какъ напримѣръ, Арріанъ Флавій, Птоломей, Квинтъ Курцій и другіе[2]) заставляютъ ее впадать въ Каспійское море. Въ настоящее время по этому вопросу составилась цѣлая литература изслѣдователей, изъ коихъ одни отвергаютъ свидѣтельство древнихъ, другіе принимаютъ его, считая старымъ русломъ рѣки Аму-Дарьи русло такъ называемаго Узбоя[3]).

---

[1]) Арріанъ Флавій. Походы Александра, С.-Пет. 1837, 459, 535.

[2]) Походы Александра, 459; Quinti Curtii Rufi. De rebus Alexandri magni, Lipsiae MDCCXLV. 154

[3]) Чайковскій, Мейеръ, Григорьевъ, Бутаковъ, Лессаръ и другіе.

За рѣшеніе этого вопроса должны взяться люди не военнаго званія, а люди науки: историки, геологи, химики и археологи. Задача геологовъ должна состоять въ изслѣдованіи почвы ложа Узбоя, задача послѣднихъ должна состоять въ томъ, чтобы осмотрѣть берега его и установить отсутствіе или присутствіе на нихъ городищъ. Присутствіе древнѣйшихъ городищъ по берегамъ Узбоя едва ли не лучшимъ будетъ доказательствомъ того, былъ ли Узбой въ отдаленныя отъ насъ времена случайной водомоиной или же представлялъ изъ себя прѣсноводную рѣку, привлекавшую къ себѣ, и людей и животныхъ, поившей ихъ своими водами и доставлявшей имъ вкусную рыбу и сочныя травы.

Черезъ Аму-Дарью устроенъ въ настоящее время, на протяженіи двухъ съ половиной верстъ, деревянный мостъ, весьма сомнительнаго устоя и весьма сомнительной крѣпости. Поѣздъ при движеніи черезъ этотъ мостъ идетъ все время самымъ тихимъ ходомъ; ему предшествуетъ впереди оберъ-кондукторъ съ краснымъ флагомъ въ рукѣ, готовый каждую минуту остановить поѣздъ. Мостъ, даже и при самомъ тихомъ ходѣ поѣзда, и дрожитъ и скрипитъ, и слегка раскачивается. Пріятное ощущеніе въ то время испытываетъ пассажиръ!.... Среди самаго моста, у праваго перила, стоитъ доска и на той доскѣ начертана надпись: „998 верстъ“.—это разстояніе отъ Узунъ-ада до Аму-Дарьи.

Отъ рѣки Аму-Дарьи поѣздъ вступаетъ въ древнюю область Согдіану, простиравшуюся отъ праваго берега Окса до лѣваго берега Яксарта[1]). Эта Согдіа-

---

[1]) Quinti Curtii Rufi. De rebus Alexandri Magni, Lipsiae, MDCCXLV, карта III.

на составляла только часть Трансоксаніи, соприкасавшейся на западѣ съ Міанкалемъ. на югѣ съ Кешемъ, на сѣверѣ съ Осрушной и на востокѣ съ самымъ западнымъ отрогомъ Тянь-Шаня. Столицей этой Согдіаны былъ сперва городъ Самаркандъ, потомъ со времени знаменитаго Саманида, эмиръ-Измаила (въ IX вѣкѣ), городъ Бухара, но послѣ Бухары, со времени Тимура (въ XIV вѣкѣ) снова Самаркандъ.

Переѣхавъ рѣку Аму-Дарью, путешественникъ вновь вступаетъ, на короткое время, въ песчаную и голодную пустыню; она начинается на третьей верстѣ отъ первой послѣ Аму-Дарьи станціи Фараба, идетъ черезъ весь перегонъ нѣкогда бывшаго, теперь совершенно засыпаннаго пескомъ. города Ходжа-Давлета и оканчивается на половинѣ перегона (9-й верстѣ) между Ходжа-Давлетомъ и Кара-кулемъ. Станція Каракуль (съ тюркскаго на русскій Черное озеро) достойна вниманія въ томъ отношеніи, чтобы видѣть, какъ здѣсь постепенно надвигаются пески на плодородную долину и какъ они, также постепенно, заносятъ собой прекрасную зелень травъ и засыпаютъ канавы съ чистою проточною водой. Природа борется здѣсь съ человѣкомъ, и пока побѣда остается на сторонѣ первой.

Пройдя два перегона отъ Кара-куля, поѣздъ останавливается у станціи Бухары, получившей свое названіе, по однимъ, отъ монгольскаго слова „бухар“ — монастырь, по другимъ, отъ турецкаго слова „бухар“ — заброшенныя поля[2]).

У станціи Бухары пассажиръ обязательно выхо-

---

[2]) Вамбери. Исторія Бохары, С.-Петербургъ 1873. I, 15; Исторія первыхъ четырехъ хановъ дома Чингисова. пер. Іакинѳа, С.-Петербургъ 1829; указатель на букву Б.

дитъ изъ вагона и бросается на платформу. Тутъ прежде всего онъ поражается необыкновеннымъ разнообразіемъ собравшейся массы народа. Кого здѣсь нѣтъ! Вотъ гдѣ именно смѣсь „одеждъ, племенъ, нарѣчій, состояній“! Тутъ и узбеки, тутъ и киргизы и каракалпаки. тутъ и таджики, и аравитяне. и персы, и евреи, и цыгане; тутъ-же между всѣми этими народами кое-гдѣ мелькаютъ и русскіе: послѣдніе теряются здѣсь, какъ капля прѣсной воды въ соленомъ океанѣ. А костюмы? А пестрота этихъ костюмовъ! Чего только здѣсь нѣтъ? Халаты бумажные разныхъ цвѣтовъ: золотистаго, шеколаднаго. малиноваго, коричневаго, синяго, бѣлаго съ чернымъ. желтаго съ голубымъ или кирпичнымъ; халаты шелковые такихъ-же разнообразныхъ цвѣтовъ; бешметы, кафтаны, тюрбаны, тюбетейки, широчайшіе кушаки; разноцвѣтныя шаровары; съ кускомъ сафьяна назади, но безъ каблуковъ, зато непремѣнно даже въ сухое и жаркое время съ калошами или ичагами. сапоги. Но всего интереснѣе шапки: какихъ только здѣсь нѣтъ формъ и покроевъ! Есть совершенно островерхія, коническія, но съ вершиной тоньше и острѣе сахарной головы, безъ полей; есть такія-же островерхія, но съ полями обшитыми черной тесьмой и завернутыми кверху; есть съ тупой вершиной и съ полями, опущенными, въ видѣ козырька, на лбу и приподнятыми на затылкѣ; есть шапки со срѣзанной вершиной и съ совершенно ровными стѣнками, внизу слегка отороченными какимъ-то мѣхомъ, въ общемъ напоминающія собой кухонныя кострюли или, еще лучше, тѣ глиняныя формы, въ которыхъ въ Малороссіи пекутъ пасхи, а въ Великороссіи бабы; а есть шапки совершенно грибоподобныя, невѣроятной величины и потому невѣроятнаго эффекта: тогда какъ первыя всѣ сдѣланы большею частью изъ войлока, послѣдняя потребовала

цѣльнаго смушка барана.—выходитъ человѣкъ подъ бараньимъ колпакомъ. Вотъ здѣсь-то именно можно видѣть въ натурѣ ту самую шапку (если кто интересуется формой ея). которая такъ часто встрѣчается на фигурахъ такъ называемыхъ каменныхъ бабъ. особенно распространенныхъ въ нашемъ Новороссійскомъ краѣ.

О Бухарѣ. ея жителяхъ. естественныхъ богатствахъ, торговлѣ и промыслахъ много писано у насъ[1]), а потому, отсылая людей любознательныхъ къ трудамъ спеціалистовъ, такъ или иначе касавшихся бухарскаго ханства. мы сдѣлаемъ лишь самый краткій очеркъ Бухары. на сколько она извѣстна намъ изъ лучшихъ источниковъ.

По преданію, первоначальными насельниками Бухары были выходцы изъ Туркестана: появившись здѣсь съ незапамятныхъ временъ и основавъ цѣлый рядъ поселеній со столицей Бейкундомъ во главѣ, они выбрали себѣ какого-то князя Аберци. Но найдя въ первомъ своемъ властелинѣ не защитника и милостивца, а тирана и притѣснителя. одни изъ переселенцевъ бѣжали въ сѣверную страну турокъ и основали тамъ городъ Джемкентъ, а другіе остались на мѣстѣ. но подняли возстаніе. призвали къ себѣ турецкаго царевича Ширкавера и съ его помощью умертвили собственнаго князя. Этимъ данъ былъ поводъ туркамъ вторгнуться въ бухарскія владѣнія. распространить здѣсь свое вліяніе и положить начало турецкому періоду въ исторіи бухарскаго ханства. отъ VI по VII вѣкъ. Въ этотъ періодъ времени особенно прославилась знаменитая царица Хатунъ, прекрасная,

---

1) Вамбери, Борнса, Пашино, Макшеева, Залѣсова, Гельмерсена, Хапыкова, Татаринова, Попова, Нсбольсина. Бутыркина, Шубинскаго и др.

мудрая, справедливая. милостивая. храбрая и воинственная. правившая страной за малолѣтствомъ своего сына. Періодъ турецкаго владычества смѣнился періодомъ арабскимъ съ VII по IX вѣкъ: въ это время прославились знаменитые полководцы Саидъ-бинъ-Османъ, Могаллабъ и Кутайба; въ это-же время пустила корни и распространилась въ Бухарѣ вѣра Магомета. Періодъ арабскій смѣнился періодомъ саманидскимъ (873—1004). Саманиды возвысились въ странѣ еще при арабахъ: одинъ изъ лучшихъ представителей этой династіи. Измаилъ-ханъ. первый избралъ своей резиденціей городъ Бухару. вмѣсто бывшей до его времени столицы Самарканда. Съ паденіемъ послѣдняго Саманида. Бухара досталась туркамъ изъ племени югуры. и тогда наступилъ новый періодъ турецкій (1004—1133). Господствующей династіей этого періода была династія Сельджукидовъ. Изъ этой династіи. кромѣ самаго Сельджука, прославили себя знаменитые полководцы братья Тогруллъ и Чакаръ. племянникъ ихъ Алпъ-Арасланъ. плѣнившій византійскаго императора Романа и сдѣлавшій своею резиденціей вмѣсто Бухары городъ Нишапуръ: въ особенности-же сынъ Араслана. Мелишахъ, при которомъ могущество Сельджукидовъ достигло высшей точки въ бухарскомъ царствѣ. Послѣ непродолжительнаго господства въ Бухарѣ хорезмійскаго (хивинскаго) хана Мухаммадъ-Кутбеддина (съ 1209 г.). въ Бухарѣ наступилъ продолжительный монгольскій періодъ (1220—1500). во время котораго управляли страной сперва Чингизиды (1226—1363) и въ слѣдъ за ними Тимуриды (1405—1500), родоначальникъ которыхъ знаменитый Тимуръ сдѣлалъ своей столицей вмѣсто Бухары городъ Самаркандъ. Монгольскій періодъ смѣнился узбекскимъ (1500—1784), во время котораго верховная власть находилась сперва

въ рукахъ Шейбанидовъ (1500—1597), выдвинувшихъ изъ себя знаменитаго „строителя. завоевателя и народнаго благодѣтеля“ Абдулла-хана (XVI в.). а потомъ въ рукахъ Аштарханидовъ (1597 – 1787). Наконецъ съ 1784 года и по настоящее время является династія Мангыта, въ лицѣ перваго эмира Маасума. устранившаго отъ власти Абуль-Гази. послѣдняго Аштарханида[1]).

Оставляя Бухару, скажемъ, въ видѣ совѣта путешественнику, относительно такъ называемой риштьі. которая преимущественно распространена въ Бухарѣ. Риштой называется особаго рода червь или глистъ (мидійская филарія. philria midiensis). который заводится подъ кожей человѣка и достигаетъ иногда. какъ говорятъ. до полу-аршина и даже болѣе длины. Ришта получается человѣкомъ. въ видѣ яичекъ (дафніи), вмѣстѣ съ водой, которую онъ пьетъ изъ стоячихъ водоемовъ или заброшенныхъ арыковъ; изъ желудка яички. путемъ разноса крови. попадаютъ подъ кожу и подъ кожей уже развиваются въ червяковъ. Достигши полной зрѣлости. они производятъ страшный зудъ въ тѣлѣ человѣка, потомъ прорываютъ кожу и чрезъ отверстіе высовываютъ наружу свою бѣловатую головку. Тогда, чтобы извлечь ришту изъ-подъ кожи, конецъ ея схватываютъ щипчиками и потомъ постепенно и съ большою осторожностью наматываютъ червя на палочку. пока совсѣмъ не извлекутъ его изъ-подъ кожи человѣка. Все искусство въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы не прервать пополамъ червя, иначе оставшаяся часть его подъ кожей неимовѣрно быстро размножается и производитъ въ разныхъ мѣстахъ тѣла человѣка, опухоли, что вызы-

---

[1]) Вамберп. Исторія Бохары С.-Петербургъ 1873.

ваетъ у него ломъ въ костяхъ. сильную лихорадку и другія страданія, которыя могутъ прекратиться только послѣ разрѣза опухоли. Впрочемъ, бухарскіе гуземцы такъ привыкли къ этой риштѣ (неисключая, какъ говорятъ, даже и самого эмира). что почти каждый изъ нихъ много разъ на своемъ вѣку вынималъ ее изъ-подъ собственной кожи: сядетъ гдѣ-нибудь среди базара и прехладнокровно наматываетъ на палку своего мучителя-паразита. Единственное средство избавиться отъ риштѣ не пить неочищенной или, еще лучше. сырой воды въ Бухарѣ.

IV.

Городъ Самаркандъ, краткая исторія его, Самаркандъ въ эпоху Тимура по персидскимъ источникамъ, знаменитые дворцы, мечети и мавзолеи Самарканда: пріемный дворецъ Тимура, мечети—Тилля-кари, Улугъ-бекъ, Ширъ-даръ, Биби-ханымъ, Шахъ-зинда, Ходжа-Ахрарь, Намазга, мавзолей Гуръ-эмиръ могила Даньяра, лагерь Тимура, развалины Афросіаба.

Отъ Бухары поѣздъ идетъ большею частью по живописной мѣстности, освѣжаемой изумрудной зеленью и чистой водой: пройдя девять станцій. онъ останавливается у десятой, города Самарканда. Здѣсь путешественникъ совсѣмъ выходитъ изъ вагона, потому что дальше Самарканда желѣзной дороги совсѣмъ нѣтъ.

Самаркандъ стоитъ въ долинѣ рѣки Заравшана (Заравшанъ персидское слово:—„зарь“—золото и „авшан“—разносить, отсюда Заравшанъ значитъ Златоносная рѣка), вытекающаго изъ ледниковъ горнаго перевала Мура и впадающаго въ озеро Денгизъ. Это одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ во всей Средней Азіи. Основаніе его восточные историки приписываютъ то персидскому царю Кайкаусу (будто бы за 3000 лѣтъ до Р. Х.). то Александру Дзулькарнайну. т. е. Александру. царю македонскому (IV вѣка до Р. Х.), а народное преданіе—царю Афросіабу, жившему будто бы за 4000 лѣтъ до

Р. Х. [1])Сколько помнитъ достовѣрная исторія. Самаркандъ назывался у грековъ Маракандомъ. у китайцевъ Сѣмасыганемъ [2]). Слово „Маракандъ“ одни переводятъ словами „Городъ священнаго огня“ отъ „Меру“— священный и „кент“—городъ [3]); другіе переводятъ словами „Процвѣтающій городъ“ [4]). Историкъ Арріанъ. описывая Самаркандъ, говоритъ, что этотъ городъ былъ столицей всей Согдіаны и что онъ первый увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ македонскаго царя, Александра. послѣ переправы его черезъ рѣку Оксусъ [5]). А Квинтъ Курцій сообщаетъ, что Маракандъ обнесенъ былъ стѣною въ 70 стадій длины и имѣлъ въ центрѣ своемъ кремль, огражденный отъ города особой стѣной [6]).

Фактическая исторія города Самарканда начинается въ IV вѣкѣ до Р. Х. Въ IV вѣкѣ онъ завоеванъ былъ царемъ Александромъ Македонскимъ; съ VII по самый конецъ IX вѣка по Р. Х. онъ находился во власти арабовъ; по словамъ арабскихъ географовъ Якута и Казвинія. онъ завоеванъ былъ (въ 643 году) правителемъ арабской провинціи Ямена, Шамаромъ. отъ котораго будто-бы съ тѣхъ поръ получилъ прозваніе Шамарканда или, по теперешнему произношенію. Самарканда [7]). Въ IX вѣкѣ (съ 889—1004) Самаркандъ былъ столицею той обширной и богатой области. которая лежала между рѣ-

---

[1]) Труды восточнаго отдѣл. археологическаго общества, 1855, I. 32.
[2]) Исторія хановъ дома Чингисова, пер Іакинова, С.-Пет. 1829, 374.
[3]) Русскія древности Толстаго и Кондакова, С.-Петербургъ, 1890, III, 45.
[4]) Исторія первыхъ 4-хъ хановъ, переводъ Іакинова, 1829, 374.
[5]) Арріанъ. Походы Александра. С.-Петербургъ, 1837, 461. 473—465
[6]) О дѣяніяхъ Александра Македонскаго, VII, 6, 10.
[7]) Труды восточнаго отдѣленія археологическаго общества 1855, I, 32.

ками Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей съ ихъ притоками и которая именовалась Мауранагромъ или Трансоксаніей. Въ XI вѣкѣ Самаркандъ сдѣлался удѣломъ Сельджукидовъ: въ это-же время онъ видѣлъ кратковременное возвышеніе въ странѣ иранской династіи хорезмитовъ. Съ XIII вѣка (1221) Самаркандъ, не смотря на крѣпкія стѣны, высокіе бастіоны и глубокіе. наполненные водой рвы. не смотря на мужественную защиту его со стороны ста-десяти тысячъ-наго войска. сдѣлался добычею великаго завоевателя монгольскаго, Чингизъ-хана [1]). Съ XIV вѣка (1369) онъ сталъ столицею великаго Тимура, украсившаго Самаркандъ мечетями, прекрасными монументами, загородими садами и замками; въ 1499 году Самаркандъ былъ взятъ, подъ предводительствомъ Шейбани-хана, узбеками. Шейбаниды предпочли Самарканду Бухару и перенесли въ нее свою резиденцію. Въ 1784 году Самаркандъ сдѣлался достояніемъ бухарской династіи Мангытъ, и послѣдній ханъ кокандскаго ханства, Худаяръ, чтобы быть ближе къ своему покровителю, бухарскому эмиру, сдѣлалъ Самаркандъ своею столицею; наконецъ въ 1868 году, 2 мая, Самаркандъ достался во владѣніе русскимъ [2]).

Такимъ образомъ имя Самарканда тѣсно связано съ исторіей всей Средней Азіей; до возвышенія Саманидовъ это былъ величайшій городъ во всей Трансоксаніи, а со времени Тимура это была, по словамъ восточныхъ писателей, великолѣпнѣйшая. богатѣйшая, прелестнѣйшая и роскошнѣйшая резиденція всѣхъ Тимуридовъ и ближайшихъ хановъ Шей-

---

[1]) Рашидъ-Эддинъ. Исторія монголовъ: Труды восточн. отдѣленія, 1888, XV, 56.

[2]) У гр. Уваровой ошибочно сказано, что Самаркандъ взятъ русскими въ 1875 году.

банидовъ. Обиліе воды, роскошная растительность. здоровый воздухъ, неисчислимыя сокровища. чудные дворцы. мечети и мадрасы—все это вмѣстѣ дѣлали Самаркандъ въ высшей степени привлекательнымъ городомъ. Оттого на языкѣ мусульманскихъ писателей онъ назывался „эдемомъ древняго востока, драгоцѣнной жемчужиной восточно-магометанскаго міра, фокусомъ всего земнаго шара“ [1]).

Каковъ былъ городъ Самаркандъ въ отдаленныя отъ насъ времена, мы объ этомъ мало знаемъ; но что онъ представлялъ изъ себя во времена болѣе близкія къ намъ, въ вѣкъ Тимура. мы на этотъ счетъ имѣемъ болѣе или менѣе подробныя описанія какъ у западныхъ путешественниковъ [2]), такъ и у восточныхъ историковъ.

Городъ Самаркандъ состоялъ собственно изъ арки и калы, т. е. цитадели и кремля, и обширнаго предмѣстья, раскинувшагося вокругъ центра. Размѣры его превосходили размѣры города Севильи. какъ въ томъ увѣряютъ насъ послы кастильскаго короля Генриха III. бывшіе въ 1403 году въ столицѣ Тимура; число жителей его восходило до 150,000 человѣкъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Гонзальдъ Клавихо; они жили не только въ домахъ города, но ютились и подъ тѣнью деревьевъ и въ глубокихъ пещерахъ окрестностей. Больше всего городъ поражалъ своими великолѣпными обширными загородными садами (багъ) и воздвигнутыми среди нихъ замками и роскошными дворцами (касръ). Такихъ садовъ въ эпоху Тимура современники знали въ Самаркандѣ пять: Баги-Бегиштъ. Баги-Дилхушъ. Баги-Шималь. Баги-Чинаръ и Баги-Нау.

---

[1]) Heographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, II, 224.

[2]) Путешествія Марко Поло, Москва, 1863, 125.

Баги-Бегишть построенъ былъ въ 1377 году по слѣдующему поводу: Тимуръ женился на принцессѣ Туманъ-ака. дочери эмира Мусы; онъ питалъ къ ней страстную любовь и ни въ чемъ ей не отказывалъ: по ея просьбѣ. онъ украсилъ городъ Самаркандъ нѣсколькими чудесными монументами и, между прочимъ, приказалъ выстроить загородній дворецъ. къ западу отъ столицы; съ этою цѣлью онъ велѣлъ уничтожить двѣнадцать садовъ, которые были построены раньше его времени, на подобіе 12 знаковъ зодіака. для того, чтобы превратить ихъ въ одинъ большой садъ. Въ этомъ саду онъ приказалъ воздвигнуть превосходный дворецъ и украсить его всевозможной отдѣлкой и роскошью. Дворецъ этотъ производилъ такое впечатлѣніе великолѣпія и роскоши. что современники долго не могли придумать ему соотвѣтствующаго названія. но потомъ назвали его Баги-Бегишть, что значитъ „Райскій садъ“.

Баги-Дилхушъ построенъ Тимуромъ въ 1396 году, въ виду женитьбы его на дочери монгольскаго царя, Тукель-ханымъ. Осенью названнаго года Тимуръ приказалъ развести въ концѣ прекрасной равнины Канигель садъ. красота котораго превосходила бы красоты всѣхъ садовъ. до сихъ поръ существовавшихъ во всей имперіи Тимура. Астрологи выбрали часъ, въ который рабочіе должны были приступить къ разбивкѣ сада; инженеры начертали планъ. чтобъ обозначить въ немъ аллеи и куртины; каменьщики приготовили свои снасти. а художники собирались украсить строющійся дворецъ небывалымъ великолѣпіемъ. Самые искусные азіатскіе архитекторы. жившіе въ Самаркандѣ. обвели фундаментомъ большой квадратъ. каждая сторона котораго имѣла 1500 шаговъ. и въ серединѣ каждой изъ этихъ сторонъ оставили по одной, необыкновенной высоты. двери; плафоны дворца украшены были

многочисленными лампами. мозаичными и скульптурными украшеніями: стѣны были обиты кашанскимъ cachan) фарфоромъ. Въ каждомъ изъ четырехъ угловъ этого сада былъ выстроенъ высокій павильонъ. отдѣланный такимъ же фарфоромъ съ замѣчательно изящными деталями, поражавшими зрителей своей великолѣпной отдѣлкой. Земля въ саду была распланирована удивительно симметрично на аллеи, четырехъугольники и на маленькіе фруктовые сады различныхъ формъ; вдоль аллей были разсажены сикоморы. а противъ входовъ каждой изъ сторонъ—фруктовыя и цвѣточныя деревья. Когда садъ былъ оконченъ, то Тимуръ приказалъ назвать его именемъ Баги-Дильхушъ. т. е. Садъ увеселенія. По срединѣ этого сада былъ выстроенъ трехъ-этажный дворецъ. Дворецъ этотъ художники украсили всѣми красотами. чарующими глазъ человѣка: онъ былъ сооруженъ съ вѣковѣчною прочностью и окруженъ мраморною колоннадой. придававшей ему особенное великолѣпіе. Такъ какъ въ то время существовалъ обычай посвящать замокъ какой-нибудь дамѣ. то Тимуръ посвятилъ его своей новой невѣстѣ Тукель-ханымъ. дочери Кефера Койя Агленъ. царя монгольскаго.

Баги-Шималь построенъ въ началѣ весны 1397 года на сѣверной окраинѣ столицы. почему и получилъ свое названіе. которое означаетъ Садъ сѣвера. Тимуръ приказалъ сперва развести въ этомъ мѣстѣ садъ. а въ саду выстроить дворецъ, красота и великолѣпіе котораго привели бы въ восхищеніе весь міръ и который бы могъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить мѣстомъ для игръ и увеселеній въ праздничные дни. Архитекторы Персіи и Багдада. присланные для этой цѣли въ Самаркандъ, представили Тимуру начертанные ими планы; въ этихъ планахъ они проявили тончайшій вкусъ и глубокое знаніе своего дѣла. Тимуръ

выбралъ одинъ изъ присланныхъ плановъ и приказалъ по нему выстроить дворецъ. Тотъ же часъ явились астрологи, выбрали счастливую минуту. и работа немедленно закипѣла; благодаря четыремъ эмирамъ. назначеннымъ для наблюденія за дѣйствіями рабочихъ. постройка дворца въ скоромъ времени была приведена къ желанному концу. Въ основаніе каждаго угла зданія положенъ былъ тавризскій мраморъ, нарочно для этого привезенный изъ Тавриза[1]). Стѣны дворца были расписаны аль-фреско самыми извѣстными художниками съ такимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла, что всѣ работы Артенкъ-Мани. извѣстнаго въ Китаѣ и въ Персіи въ древнее время художника. которыя Тимуръ бережно хранилъ въ своемъ кабинетѣ рѣдкостей. много уступали твореніямъ этихъ художниковъ. Дворъ былъ вымощенъ мраморомъ и талькомъ, а нижняя часть стѣнъ. какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, была обложена фарфоромъ. Нѣкоторые путешественники. при видѣ этихъ работъ. невольно воскликнули. что Негіаръ-хана. столь извѣстный въ старыхъ книгахъ, несравненный дворецъ въ Китаѣ. вошедшій. вслѣдствіе своего великолѣпія. въ поговорку. ничто въ сравненіи съ Баги-Шималемъ. Этотъ дворецъ былъ посвященъ принцессѣ Бегхиси-султанъ, дочери Мирзы-Мираншаха.

Баги-Чинаръ, т. е. Садъ чинаровъ. находился къ югу отъ города. Въ немъ разбиты были великолѣпныя аллеи. состоявшія изъ столѣтнихъ чинаровъ. поражавшихъ зрителя своею необыкновенною высотою и стройностью. Среди этого сада насыпанъ былъ холмъ. а на холмѣ воздвигнутъ былъ. въ формѣ креста, превосходный замокъ, снаружи отдѣланный при-

---

1) Городъ въ персидской области Аджарбиджанѣ.

чудливыми архитектурными украшеніями въ сирійскомъ стилѣ. а внутри расписанный фресками и обставленный сказочной роскошью.

Баги-Нау. т. е. Новый садъ. устроенъ былъ въ 1405 году и находился къ югу отъ Баги-Шималь. Среди этого сада воздвигнутъ былъ дамасскими архитекторами огромный квадратный дворецъ. имѣвшій по 1500 шаговъ въ каждой сторонѣ. Онъ былъ отдѣланъ мраморомъ. фарфоромъ и мозаикой самой тонкой работы и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. подобно работѣ по гебеновому дереву и по слоновой кости; кромѣ того, онъ украшенъ былъ многими фонтанами съ безконечными струями воды различныхъ формъ.

Кромѣ описаныхъ садовъ съ ихъ дворцами и замками въ самой столицѣ и ея окрестностяхъ было нѣсколько другихъ дворцовъ и замковъ, каковы: старинный дворецъ Арекъ, Гекъ-сарай, Баги-баландъ. (т. е. Высокій садъ), къ востоку отъ города. Накнидъ-джеганъ. Доледъ-абадъ. Баги-джаганъ-нама, Баги-чахаръ и другіе[1]).

„Судя по настоящимъ, лишь скуднымъ остаткамъ отъ блестящаго періода Самарканда. описанія прежнихъ великолѣпныхъ зданій, дошедшія до насъ. вовсе не преувеличены.“ замѣчаетъ на этотъ счетъ Германъ Вамбери.

„Подобное слѣдуетъ сказать и по отношенію къ его промышленности. По повелѣнію Тимура, въ Самаркандъ должны были переселиться и самые искусные ткачи шелка изъ Дамаска. и знаменитые хлоп-

---

1) Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Tradute de la Croix, 1723, I, 298, II, 406, 423 -425, 408 -411, IV, 175, 176, 179. 204; III. 176, 177. Самаркандъ, Абу-Тагиръ-Ходжа 1834, изданіе Остроумова, Ташкентъ, 1884.

чато-бумажные фабриканты изъ Алеппо, и фабриканты суконъ изъ Энгюрю. и золотыхъ дѣлъ мастера изъ Турціи и Грузіи; словомъ, все, что только было искуснаго въ промышлянности обрабатывающей. Поэтому здѣсь, въ Самаркандѣ, были представители всѣхъ націй и религій... Легко понять, что вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ Самаркандъ скоро сдѣлался также складочнымъ пунктомъ для всѣхъ статей азіатской торговли. Особенно процвѣтала въ немъ внутренняя торговля, достигшая громадныхъ размѣровъ и важности. Сюда приходили изъ Индіи богатые караваны съ пряностями и красками; Китай присылалъ шелковыя издѣлія, фарфоровые сосуды, мускусъ, агатъ и дорогіе камни, а изъ сѣверной части гигантской имперіи доставлялись чрезъ пустыню большіе грузы самыхъ дорогихъ мѣховъ. На рынкѣ самаркандскомъ эти продукты самыхъ разнообразныхъ поясовъ укладывались въ тюки и не только разсылались по главнымъ городамъ западной Азіи, но даже перевозились въ Европу по двумъ главнымъ направленіямъ. По одному изъ нихъ торговля шла черезъ Харезмъ, Астрабадъ, Нижній-Новгородъ и Москву въ руки Ганзы, а по другому—чрезъ Гератъ, Казвинъ, Тавризъ и Трапезундъ, потомъ на купеческихъ судахъ генуэзцевъ, венеціанцевъ и пизанцевъ въ Европу. И торговыя сношенія, не смотря на весьма тревожное воинственное время, были оживленыя и совершенно безопасныя вездѣ, куда только доходила тѣнь Тимурова владычества".[1])

Отъ времени славнаго прошлаго Самарканда сохранилось до нашей поры нѣсколько превосходныхъ историческихъ памятниковъ, преимущественно, впро-

---

[1]) Вамбери. Исторія Бохары, С.-Петербургъ, 1873, I, 232.

чемъ. татарскаго и узбекскаго періодовъ, каковы: площади. дворцы. мадрасы, мечети и мавзолеи.

Изъ площадей города Самарканда особою славою пользовался такъ называемый ригистанъ: это — центральная городская площадь. 35 саженъ длины и около 30 саженъ ширины, вокругъ которой стояли три большія мечети (Тилля-кари, Ширъ-даръ и Улугъ-бекъ) и которая вѣчно кишѣла народомъ, какъ мѣстными торговцами и любителями мірской суетолоки, такъ и иногородними, пріѣзжавшими сюда и на лошадяхъ. и на ишакахъ, и на верблюдахъ. то верхомъ. то на допотопныхъ арбахъ.

Изъ ханскихъ дворцовъ въ Самаркандѣ извѣстенъ былъ пріемный дворецъ Тимура, находившійся подъ цитаделью. теперь обращенный русскими въ артилерійскій складъ. нѣкогда славившійся своимъ тронным камнемъ. извѣстнымъ подъ именемъ „кокъ-таша“. Въ былыя времена этотъ дворецъ раздѣлялся на два отдѣленія: въ одномъ находились помѣщенія для придворныхъ; въ другомъ была такъ называемая Талари-Тимуръ. т. е. пріемная зала Тимура. Въ послѣдней собственно и состоялъ главный интересъ царскаго дворца: Талари-Тимуръ представляла изъ себя длинный. обнесенный со всѣхъ сторонъ крытой галлереей дворъ. въ которомъ происходила церемонія представленія великому завоевателю всѣхъ покоренныхъ имъ вассаловъ. Въ глубинѣ Талари-Тимуръ стоялъ знаменитый камень кокъ-ташъ. замѣнявшій Тимуру царственный тронъ. По формѣ. этотъ камень представляетъ изъ себя правильный параллелипипедъ, 4 аршина и 9 вершковъ длины. 2 аршина и $1^1/_2$ вершка ширины и 1 аршинъ безъ $1^1/_2$ вершка вышины: по матеріалу — это мраморъ сѣроватаго съ темными полосками. но отнюдь не зеленаго. цвѣта. какъ можно было бы думать по эпитету „кокъ“,

что значитъ зеленый; по бокамъ камня сдѣланы разныя украшенія. а по угламъ—рѣзныя круглыя колонки.

Въ виду особенной высоты камня. представлявшей затрудненіе для поднятія на него, въ дни торжественныхъ пріемовъ, передъ камнемъ обыкновенно изгибалось нѣсколько человѣкъ знатнѣйшаго происхожденія плѣнниковъ, на спины которыхъ всесильный владыка ставилъ свои ноги, сидя на тронномъ камнѣ. Въ стѣнѣ залы, выше камня, висѣли два фирмана, присланные въ Самаркандъ изъ Константинополя отъ двухъ султановъ, писанные золотыми буквами и заключавшіе въ себѣ оффиціальное позволеніе возносить молитвы Аллаху и оффиціальное введеніе раиса (общественнаго охранителя религіи и нравственности) въ его обязанности. Въ той же стѣнѣ, справа отъ камня, вдѣланъ овальный, на подобіе продольно разрѣзанной пополамъ дыни, кусокъ желѣза [1]), $7^1/_4$ вершковъ высоты и $3^1/_2$ вершка ширины, также присланный будто бы изъ Константинополя въ Самаркандъ и служившій калифамъ драгоцѣннымъ талисманомъ. На этомъ желѣзѣ сдѣлана куфическими буквами какая-то надпись. до сихъ поръ, сколько извѣстно, никѣмъ не прочитанная. Сзади камня, въ стѣнѣ, устроена ниша, украшенная вверху арабесками и имѣющая 5 аршинъ безъ четверти длины и 4 аршина съ вершкомъ ширины. Въ эту залу съѣзжались со всѣхъ концовъ свѣта побѣжденные Тимуромъ властители разныхъ странъ и народовъ. Выстроившись рядами, одинъ за другимъ. смотря по знатности. богатству и могуществу. они съ благоговѣніемъ и трепетомъ взирали на непобѣдимаго и грознаго завоева-

---

[1]) Указаніе Маева, будто это кусокъ камня—певѣрно: Ежегодникъ, 1873, II, 386.

теля. Тутъ же, среди двора, стояли верхомъ на лошадяхъ три царскихъ герольда, готовые разнести слова побѣдителя міра во всѣ концы обширнаго Талари-Тимуръ [1]). И самый дворецъ великаго Тимура и тронный камень его всегда возбуждали, какъ и теперь возбуждаютъ, благоговѣйное чувство у набожныхъ и вѣрующихъ мусульманъ. У отдаленныхъ преемниковъ Тимура. Аштарханидовъ, вошло даже въ обычай (съ конца XVI столѣтія), при воцареніи новыхъ властителей, возсѣдать на священный камень, „чтобы не оставить сомнѣнія въ своемъ эмирствѣ“. Для этого придворные разстилали у камня бѣлую кошму, садили на нее избраннаго владыку и, осторожно приподнявъ кошму за четыре угла, поднимали ее вмѣстѣ съ царемъ на тронный камень, предварительно устланный бархатомъ и дорогими коврами.

Изъ мечетей и мадраса, сохранились въ городѣ Самаркандѣ до нашего времени пять: Тилля-кари, Ширъ-даръ, Улугъ-бекъ, Биби-ханымъ и Шахъ-зинда.

Мечеть Тилля-кари построена въ 1618 году христіанской эры Ялангтушемъ Багадуромъ изъ узбекскаго рода Алчина; строитель усердно украсилъ зданіе золотомъ, почему мечеть и получила свое названіе (поперсидски „тилля“—золото, съ приставкой „кяр“—золоченый).

Главный фасадъ мечети Тилля-кари открывается высокой квадратной аркой, нѣкогда превосходно отдѣланной разнаго рода украшеніями, теперь и сильно вылущившимися и сильно опавшими: часть этихъ украшеній, въ видѣ синихъ и голубыхъ поясковъ и пестрыхъ треугольниковъ, сохранилась только по верхней полосѣ арки. По обѣ стороны арки идутъ длинныя.

---

[1]) Вамбери Путешествіе по Средней Азіи. С.-Петербургъ, 1865, 105.

съ остатками различнаго рода украшеній. стѣны. а въ концѣ обѣихъ стѣнъ круглые. на подобіе башенъ. минареты, на которые поднимались только главные муллы для призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ. Каждый изъ минаретовъ имѣетъ семь оконъ и въ два ряда по нѣсколько нишъ (правый 6. лѣвый 8) съ одним окномъ и одной деревянной рѣзной дверью въ каждой нишѣ. Оба минарета отдѣланы разноцвѣтными изразцовыми плитками, а самыя стѣны. стоящія между минаретами, изукрашены такими же разноцвѣтными плитками и. кромѣ того, голубыми. синими. бѣлыми и желтыми, въ видѣ цвѣтовъ и листьевъ, украшеніями. Съ лѣвой стороны. за минаретомъ. выдѣляется громадное (неизвѣстнаго назначенія) зданіе съ обрушившимся надъ нимъ куполомъ. исписанное большими кругами. состоящими изъ синихъ. голубыхъ и желтыхъ плитокъ по срединѣ и зеленаго бордюра вверху.

Изъ-подъ главной арки ведутъ трое воротъ (одни большія и двое малыхъ) въ небольшой квадратный (63 аршина длины и 60 аршинъ ширины) мощенный камнемъ дворъ. Этотъ дворъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, расписанными красками и обложенными плитками синяго, голубаго. бѣлаго и желтаго цвѣтовъ. Въ стѣнахъ двора подѣланы глубокія ниши. а въ нишахъ устроены небольшія полутемныя, числомъ 25. кельи (худжра) для ученыхъ муллъ и ихъ учениковъ. въ такомъ порядкѣ: 8 малыхъ и 1 большая прямо передъ зрителемъ, противъ воротъ: 6 малыхъ и 1 большая vis a-vis съ первыми девятью: 8 малыхъ и 1 большая въ правой стѣнѣ двора. Въ каждой комнатѣ оставлено по одному небольшому окну и по одной деревянной двери.

Самая мечеть, увѣнчанная высокимъ круглымъ куполомъ. расположена съ лѣвой стороны квадратнаго

двора; въ нее ведетъ деревянная рѣзной работы дверь. за которой открывается высокая центральная зала съ небольшимъ. прямо противъ зрителя. михрабомъ и невысокимъ. изъ 11 ступеней. съ правой стороны. минбаромъ сѣраго мрамора для всхода на него хатиба во время проповѣди. По обѣ стороны главной залы устроены особыя. для слушанія молитвы. ханака. нѣчто въ родѣ длинныхъ и широкихъ. съ низкими сводами, на кирпичныхъ колоннахъ, корридоровъ, отдѣленныя отъ залы особыми деревянными съ дверьми рѣшетками и имѣющія особые во дворъ выходы; въ нижнемъ поясѣ стѣны главной залы отдѣланы сѣрымъ мраморомъ: вверху купола пущено три окна. а въ средней части его сдѣлано, также на подобіе оконъ. два просвѣта. Сводъ и ниша главной залы. а также и часть стѣнъ его, расписаны различными. въ видѣ цвѣтовъ и кружковъ. украшеніями и отдѣланы густо позолоченными арабесками; стѣны и отчасти колонны обоихъ ханака выложены по мѣстамъ цвѣтными изразцами. а полъ залы и ханака всегда застланъ циновками.

Мечеть Улугъ-бека построена въ 1434 году внукомъ знаменитаго Тимура. извѣстнымъ въ свое время во всей Азіи Средней любителемъ астрономіи, Мирзой-Улугъ-бекомъ. Главное зданіе этой мечети сохранилось до нашего времени въ нѣсколько разрушенномъ видѣ: оно не имѣетъ ни одного купола и лишено нѣкоторыхъ надворныхъ построекъ. Съ наружной стороны этой мечети возвышается огромная тріумфальная арка. по бокамъ которой взбѣгаютъ кверху два совершенно уцѣлѣвшихъ высокихъ и стройныхъ минарета. по обыкновенію наклонныхъ въ разныя стороны отъ зданія.—правый вправо. лѣвый влѣво. Наружная отдѣлка этой мечети, въ особенности главной арки и двухъ минаретовъ. выполнена со всѣми тонкостями восточ-

наго зодчества; тутъ представлены всевозможные мозаичные рисунки изъ звѣздъ. трилиственниковъ, кружковъ. треугольниковъ, лепестковъ. квадратовъ. плитокъ синяго, голубаго и зеленаго цвѣтовъ. На главной аркѣ. съ обѣихъ сторонъ ея. сдѣлано, въ два яруса. по три ниши. а закраины нишъ обведены витыми рампами: вверху арки. надъ входною дверью. сдѣлана надпись почеркомъ сюльси. въ которой правильно чередуются буквы голубаго съ бѣлымъ цвѣтомъ. Надпись эта заключаетъ въ себѣ имена Бога. стихи корана. изреченія пророка и молитвы; стѣны главнаго зданія сложены изъ обожженной розовато-желтой глины. отливающей мягкимъ для глаза свѣтомъ. Ворота главной арки ведутъ въ небольшой квадратный (48 аршинъ длины и 48 аршинъ ширины). мощенный камнемъ дворъ. обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами съ 28 худжра (по шести малыхъ и по одной большой въ каждой стѣнѣ) во всемъ дворѣ; всѣ стѣны двора выведены на сѣро-мраморномъ фундаментѣ, около 2 аршинъ высотою.

Съ именемъ этой мечети связанъ печальный конецъ жизни самаго строителя ея. Мирзы-Улугъ-бека: противъ Улугъ-бека поднялся. въ 1449 году. его мятежный сынъ. Абдуллатифъ; побѣдивъ отца. онъ приказалъ собственному рабу убить его, а голову повѣсить на фронтонѣ выстроенной отцомъ мечети. что и было исполнено въ точности[1]).

Съ лѣвой стороны двора мечети Улугъ-бека виденъ одинъ неполный минаретъ. а близъ него развалины какой-то башни. Мѣстное преданіе связываетъ эту башню съ обсерваторіей, устроенной тѣмъ-же Улугъ-бекомъ питавшимъ особенную страсть къ астро-

---

[1]) Самаркандъ. Сочиненіе Абу-Тахири-ходжа собраніе Мирзы-Барата, изданіе Остроумова Ташкентъ. 1884.

номіи. Обсерваторія эта была заложена въ 1440 году. при ханѣ Улугъ-бекѣ, а окончена уже при ханѣ Аликушджи. Это была извѣстная въ свое время всему восточному міру обсерваторія. вторая и послѣдняя въ Средней Азіи[1]). Видъ съ этой башни. даже въ ея обрушенномъ видѣ, превосходный. Близъ этой же мечети. по словамъ Абу-Тагиръ-ходжи, находилось зданіе съ троннымъ камнемъ. кокъ-ташемъ, Тимура: въ смутное время узбеки. сдѣлавъ набѣгъ на Самаркандъ. повалили одинъ минаретъ этого зданія съ тою цѣлью. чтобы разрушить тронъ Тимура. Какъ кажется этому зданію соотвѣтствуетъ теперь зданіе съ обрушившимся минаретомъ. стоящее за сѣверно-западной стѣной мечети Улукъ-бека. подлѣ южной стѣны мечети Тилля-кари. Впрочемъ. тотъ-же Абу-Тагиръ-ходжа говоритъ, что рядомъ съ мечетью Улугъ-бека была еще мечеть Абдуллы. сына халифа Омара.

Мечеть Ширъ-даръ построена въ 1616 году, по увѣренію Абу-Тагиръ-ходжи. названнымъ выше Ялангтушемъ Багадуромъ. изъ узбекскаго рода Алчина. и представляетъ собой самое великолѣпное зданіе изъ всѣхъ трехъ мечетей. стоящихъ на ригистанѣ. Свое названіе она получила отъ персидскаго слова „ширъ“-барсъ съ приставкою „даръ“. что въ общемъ означаетъ „имѣющая барса или украшенная изображеніемъ барса“. Лицевая сторона этой мечети. какъ и первыхъ двухъ. украшена великолѣпной аркой. на высотѣ которой. съ каждой стороны, сдѣлано по одной сернѣ, а за ними изъ желтыхъ изразцовъ — два огромныхъ. съ раскрытыми пастями и большими глазами. барса. очевидно и давшихъ поводъ туземцамъ прозвать мечеть именемъ „Ширъ-даръ“. Фигуры барсовъ на мечети тѣмъ болѣе поражали мусуль-

---

[1]) Вамбери Путешествіе по Средней Азіи, С.-Петербургъ, 1865, 107.

манъ. что. по закону Магомета. изображеніе какихъ-бы то ни было животныхъ на зданіяхъ вовсе не допускается. По обѣ стороны главной арки стоятъ высокія стѣны. а въ концѣ стѣнъ возвышаются два прекрасныхъ, по обыкновенію нѣсколько наклоненныхъ въ стороны —правый вправо. лѣвый влѣво—отъ главнаго зданія. За обѣими стѣнами. стоящими между главной аркой и двумя минаретами. поднимаются вверхъ два малыхъ дынеобразныхъ. съ остатками украшеній. купола. въ замѣнъ главнаго купола, уже давно несуществующаго. Къ лицевой стѣнѣ мечети примыкаютъ двѣ боковыя стѣны. а къ двумъ боковымъ—одна задняя стѣна. Въ общемъ мечеть Ширъ-даръ представляетъ изъ себя неприступную квадратную крѣпость съ невѣроятно высокими. хотя въ настоящее время и угрожающими своимъ паденіемъ. стѣнами

Наружная отдѣлка мечети Ширъ-даръ поражаетъ яркостью и разнообразіемъ своихъ цвѣтовъ. На главной аркѣ прежде всего бросаются въ глаза огромные квадраты. служащіе рампами стѣнъ. а по бокамъ ихъ, въ углубленіи тамбура. длинные пояски бѣлаго съ синими цвѣтами. представляющіе собой изреченія изъ корана. молитвы. имена Бога. изреченія пророка. Кромѣ того. таже главная арка. а за ней оба минарета и всѣ наружнія стѣны мечети, обложены по кирпичу сплошь плитками синяго. желтаго и зеленаго цвѣта; зеленый цвѣтъ служитъ каймой для краевъ всѣхъ нишъ арки.

Трое дверей, устроенныхъ въ главной аркѣ. ведутъ въ самую мечеть. въ ея боковыя помѣщенія и небольшой квадратный (53 53 аршина), мощенный. обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами. дворъ. Во всѣхъ стѣнахъ двора устроены глубокія съ одной дверью и однимъ окномъ ниши. и въ ни-

шахъ полутемныя и низкія кельи (худжра) для помѣщенія въ нихъ муллъ. молодыхъ. зрѣлыхъ и перезрѣлыхъ учениковъ. Въ одномъ изъ боковыхъ помѣщеній воздвигнута гробница. имѣющая 17 четвертей длины, надъ прахомъ имама Гафтума. по обыкновенію увѣшанная лоскутками различной матеріи и у изголовья обложенная рогами дикихъ козловъ. Какъ разъ противъ этой гробницы приходится одинъ изъ куполовъ. поднимающійся о-бокъ съ главной аркой мечети. Всѣ стѣны какъ самой мечети. такъ и двора ея, частью изукрашены надписями. частью сплошь облицованы по кирпичу разноцвѣтной мозаикой.

Съ высоты одного изъ минаретовъ (если смотрѣть съ площади—это лѣвый минаретъ) открывается великолѣпный и далекій видъ на весь городъ Самаркандъ. утопающій въ зелени садовъ и тѣнистыхъ рощъ. на далекія. окутанныя прозрачной синевой. горы и на развалины древнихъ городовъ и зданій. каковы: Биби-ханымъ. Шахъ-зинда. Афросіабъ. пріемный дворецъ Тимура и многія другія. Но для того. чтобы взобраться на этотъ минаретъ. нужно подняться по темной, почти лишенной всякаго воздуха. узкой и высокой, изъ 54 низкихъ ступенекъ. лѣстницѣ. что для людей. страдающихъ болѣзнью сердца. грозитъ серьезною опасностью лишиться жизни.

На четверть версты разстоянія отъ трехъ описанныхъ мечетей, среди базарной площади. устроенной уже со времени взятія города русскими. возвышается огромная мечеть Биби-ханымъ. Мечеть Биби-ханымъ („Биби“—мать. „ханымъ“—старшая или главная ханша) построена знаменитымъ Тимуромъ въ 1399 (801) году въ честь любимой жены Сарай-Мулькъ-ханымъ. дочери Казанъ-султанъ-хана. сестры эмира Мусы. носившей прозвище Михрбанъ. т. е. Благотворительницы. О построеніи этой мечети мы находимъ у Али-Шере-

феддина и Абу-Тагиръ-ходжи слѣдующія весьма любопытныя подробности. Въ 801 году Тимуръ возвратился изъ похода на Индостанъ и привезъ съ собой на 91 слонѣ множество денегъ и драгоцѣнныхъ камней, рубиновъ. бирюзы. изумрудовъ. яхонтовъ. и тотъ часъ же рѣшилъ построить въ Самаркандѣ огромнѣйшую мечеть, которая могла бы вмѣстить въ себя правовѣрныхъ всей столицы. приходящихъ въ пятничные дни для молитвы; архитекторы и инженеры выбрали 4-й день мѣсяца Рамадана для закладки мечети; искусные каменьщики. прибывшіе изъ иностранныхъ земель. готовились показать свѣту шедевры своего искусства и знаній. обѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ придать прочность и крѣпость угламъ и всему фундаменту этого прекраснаго зданія; нѣсколько другихъ спеціалистовъ различныхъ ремеслъ. также прибывшихъ для этой цѣли изъ другихъ мѣстностей. наперерывъ одинъ передъ другимъ. старались проявить свои знанія. Въ серединѣ этой мечети работало 200 каменьщиковъ. прибывшихъ изъ Индіи, Персіи и Аджарбаджана: 500 человѣкъ занимались въ горахъ рѣзкой. тесаніемъ и отправкой камней въ Самаркандъ. Для перевозки этихъ громадныхъ камней понадобилось 95 каравановъ слоновъ. которые тащили ихъ при помощи колесъ и машинъ, по закону механики двигательныхъ силъ. А для того. чтобы не терять дорогаго времени и привести къ скорѣйшему окончанію эту грандіозную постройку, возложена была обязанность на принцевъ крови и эмировъ слѣдить за рабочими и понукать ихъ. Самъ Тимуръ. когда былъ въ столицѣ, строго слѣдилъ за рабочими и собственнымъ присутствіемъ поощрялъ ихъ; его можно было видѣть или подлѣ мадрасы Ханымъ, находившейся возлѣ строившейся мечети. или подлѣ госпиталя Туманъ-ака. Наконецъ, это громадное зданіе

было окончено и. благодаря стараніямъ Тимура. доведено до страшной высоты: оно имѣло 480 коломнъ (colomne) каменныхъ плитъ. а каждая плита заключала въ себѣ 7 локтей высоты; каждая колонна этой мечети сдѣлана была изъ чистаго мрамора и имѣла 5 аршинъ высоты и 2 аршина ширины: сводъ мечети былъ разукрашенъ громадными мраморными. превосходно очищенными и отполлированными, плитами: отъ перекладины верхней части стѣны до высоты свода было девять локтей. Сверху мечети. кругомъ ея купола. въ почеркахъ куфи и моаккали. сдѣлана была надпись: „Царство—Богу и постоянство—Богу“. На внутреннемъ фронтонѣ мечети. по мрамору, почеркомъ сюльси. вырѣзаны были слова: „Это есть блестящая и священная мечеть царя эмира Тимура Гурягана. сына эмира Тургая... сына эмира Алангира. сына эмира Бахаля; въ году 801“. На внѣшнемъ фронтонѣ мечети. по мрамору. въ томъ же почеркѣ. вырѣзана была надпись: „Сія мечеть величайшаго султана. столба міра и вѣры. эмира Тимура Гурягана. сына эмира Тургая. сына эмира Бергеля. сына эмира Алангира. сына эмира Бахаля, сына Карахана. Да увѣковѣчитъ его Всевышній Богъ: въ году 806“. Подобныя же надписи сдѣланы были и на малыхъ куполахъ мечети. которыхъ здѣсь очень много было. Входная дверь мечети была бронзовая; на обѣихъ сторонахъ этой двери отлиты были изъ формы украшенія въ трехъ почеркахъ куфи. моаккали и корани. Вся поверхность стѣнъ. какъ снаружи. такъ и внутри. равно какъ и своды купола. были украшены рельефными позолоченными. вырѣзанными по мрамору. надписями. въ которыхъ можно было прочесть слова изъ главы корана, называемой „Пещера“, также молитвы, имена Бога и изреченія пророка; каѳедра для проповѣдника и амвонъ. гдѣ читаютъ

молитву за царя, представляли изъ себя крайнее великолѣпіе; ниша мечети была изукрашена пластинами вызолоченнаго желѣза и представляла собой образецъ совершеннѣйшей красоты. Снаружи на каждомъ углу мечети поставленъ былъ минаретъ. Тимуръ не все время при постройкѣ мечети могъ находиться въ Самаркандѣ. и потому когда онъ вернулся въ столицу, то нашелъ, что трибуна, сдѣланная въ мечети, слишкомъ мала. Тогда онъ приказалъ немедленно разрушить ее и въ замѣнъ разрушенной воздвигнуть новую. гораздо выше прежней, а архитектору Кай-Махмуду-Дауду сдѣлалъ строгій выговоръ за оплошность. Впослѣдствіи, во время случившагося въ странѣ голода, неимущіе жители города Самарканда всѣ драгоцѣнности и украшенія мечети разграбили, ея бронзовыя двери совсѣмъ унесли безслѣдно[1]).

Мечеть Биби-ханымъ дѣйствительно одна изъ самыхъ большихъ и самыхъ великолѣпныхъ мечетей во всемъ Самаркандѣ. Къ сожалѣнію, она сильно пострадала отъ времени, отъ землетрясенія и отъ русскихъ ядеръ во время взятія Самарканда. такъ что въ настоящее время на половину обратилась въ развалины и грозитъ въ самомъ близкомъ времени полнымъ паденіемъ: арки ея обвалились, минареты полуразрушились, куполъ на половину осунулся. Однако, при всемъ томъ великолѣпіе этой мечети видно даже и подъ развалинами, какъ видно величіе царицы въ лохмотьяхъ нищей.

Мечеть Биби-ханымъ стоитъ среди огромнаго двора, 44 сажени длины. 35 саженъ ширины, по пре-

---

1) Cherefeddin Ali. Histoire de Temur-bec, Traduite de la Croix, 1723, III, 173; VI, 177; I, 225, 193, 290; Самаркандъ. Сочиненіе Абу-Тагиръ-ходжи, переводъ съ персидскаго на тюркскій Мирзы Барата, изданіе Остроумова, Ташкентъ, 1884, 1².

данію, нѣкогда вымощеннаго мраморомъ. усаженнаго роскошными деревьями и снабженнаго обширными водоемами-хаузами. Расположеніе зданій въ этомъ дворѣ таково, что въ южномъ концѣ его возвышается самая мечеть, а въ сѣверномъ концѣ, противъ мечети, поднимается тріумфальная арка: кромѣ того, съ восточной стороны мечети стоитъ еще боковая арка. Стѣны мечети сложены изъ кирпича; нижняя часть ихъ, около 2 аршинъ ширины, обложена сѣрымъ мраморомъ; на верху мечети воздвигнутъ огромнѣйшій куполъ, весь отдѣланный голубыми плитками, въ яркую солнечную погоду отдѣляющими отъ себя необыкновенно пріятный и мягкій свѣтъ, сливающійся съ небесною лазурью. Преданіе говоритъ, будто-бы нѣкогда весь куполъ мечети снаружи обтягивался кожами, для предохраненія великолѣпной отдѣлки его, и открывался лишь въ дни пятницъ и великихъ праздниковъ у мусульманъ. Тоже преданіе передаетъ, будто внутри этого купола вдѣлано было семь золотыхъ колокольчиковъ, въ которые звонили во время самаго усерднаго воззванія молящихся къ Аллаху.

Внутренность мечети оштукатурена алебастромъ, а по алебастру великолѣпно отдѣлана громадными кругами кирпичнаго цвѣта, квадратиками, звѣздочками, своеобразными, на подобіе двухъ перекрестныхъ стрѣлъ, крестиками и неизбѣжно лѣпными, тончайшей работы, арабесками. Наружность мечети обведена, въ видѣ оконъ, огромными рампами и изукрашена плитками, звѣздочками, квадратиками разныхъ цвѣтовъ: голубаго, синяго, бѣлаго и зеленаго. Такою-же отдѣлкой изукрашены и всѣ полуразвалившіеся минареты, стоящіе близъ мечети.

Съ обѣихъ сторонъ мечети видны остатки какихъ-то круглыхъ башенъ и упавшаго минарета, а за оградой двора, съ правой стороны, бросается въ глаза

высокій, по обыкновенію, нѣсколько склоненный въ сторону, минаретъ, разукрашенный всѣми украшеніями мечети и сверхъ того фигурами совершенно правильныхъ паралелограмовъ и превосходнѣйшими арабесками на самой капители.

Тріумфальная арка мечети сложена также. какъ и мечеть, изъ кирпича. но отдѣлка ея великолѣпнѣе отдѣлки самой мечети: тутъ чередуются мозаика гранатнаго цвѣта съ терракотой розоватаго цвѣта и арабскими письменами бѣлаго съ синимъ цвѣтомъ: низъ ея обшитъ мраморомъ; ворота, ведущія черезъ нее во дворъ мечети. всѣ мраморныя. изукрашенныя арабесками, съ разноцвѣтными плитными украшеніями: лавки, поставленныя вдоль арки передъ воротами. также изъ чистаго мрамора.

Остается лишь пожалѣть о томъ, что это дивное произведеніе архитектуры мусульманскаго востока съ каждымъ годомъ разрушается и превращается въ груды камней и мусора. Зато это самое разрушеніе болѣе, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо зданіи, обнажаетъ передъ зрителемъ и самый способъ построенія его: кладка его производилась рядами, по два кирпича. самые ряды скрѣплялись поперечными бревнами, проходящими черезъ всю толщину стѣнъ, а скрѣпляющимъ матерьяломъ была глина.

Среди двора мечети Биби-ханымъ стоитъ огромный. въ $3^1/_2$ аршина длины (по откосу $1^1/_2$ аршина. а въ основаніи 3 аршина и 2 вершка ширины). рѣзной, съ арабскими письменами по краямъ. сѣро-мраморный пюпитръ, который нѣкогда служилъ подставкой для корана. Пюпитръ этотъ имѣетъ такую форму, какая необходима для того. чтобы положить на него полураскрытый и несовсѣмъ разогнутый коранъ. До 1875 года этотъ пюпитръ стоялъ въ

самой мечети. а потомъ, въ виду ежеминутно грозящаго своимъ паденіемъ зданія, перенесенъ изъ мечети во дворъ. Въ настоящее время для мѣстныхъ мусульманъ онъ имѣетъ цѣлительное значеніе: подъ него подлазятъ всѣ страдающіе спинными болѣзнями мужчины и всѣ неимѣющія дѣтей женщины и. говорятъ, первые получаютъ исцѣленіе, а вторыя — дѣтей.

Во ста саженяхъ по прямому направленію отъ главной арки мечети Биби ханымъ стоитъ небольшой, но полуразвалившійся мавзолей или часовня надъ прахомъ самой ханши, въ честь которой воздвигнуто зданіе мечети. Мавзолей украшенъ внутри арабесками и разноцвѣтными плитками и вмѣщаетъ подъ своими сводами пять могилъ съ надгробными сѣро-мраморными плитами. въ числѣ коихъ главное мѣсто занимаетъ могила Биби-ханымъ.

Не въ далекомъ разстояніи отъ описаннаго мавзолея, между мечетью Биби-ханымъ и Ригистаномъ. стоитъ памятникъ Шейбани-хана. Онъ находится во дворѣ мадрасы имени этого-же хана и представляетъ изъ себя огромный четырехъ-угольникъ изъ темносѣраго мрамора, 9 аршинъ длины. 8 аршинъ ширины и $3^1/_4$ аршина высоты: на верху его положено нѣсколько (числомъ 31) надгробныхъ плитъ. испещренныхъ различными надписями и скрывающихъ подъ собой прахъ какъ самого Шейбани-хана, такъ и его ближайшихъ родственниковъ. Памятникъ этотъ нѣкогда стоялъ среди самой улицы Биби-ханымъ, но при разбивкѣ города (1872—1877) былъ снятъ съ мѣста и вмѣстѣ съ костями покойниковъ перенесенъ въ сосѣдній дворъ мадрасы Шейбани-хана. Было бы. кажется, цѣлесообразнѣе оставить этотъ памятникъ на мѣстѣ. среди самой улицы. оградивъ его лишь новою рѣшеткой для предупрежденія отъ насильственнаго разрушенія; тогда-бы. по крайней мѣрѣ, и

улица и наука не только ничего не потеряли, а напротивъ того, даже выиграли—первая въ красотѣ, а вторая въ точности.

О мѣстѣ погребенія Шейбани-хана Абу-Тагиръ-ходжа сообщаетъ слѣдующія, не лишенныя интереса, подробности. Шахидъ Шейбани-ханъ умеръ въ 1510 году (христіанской эры); тѣло его было погребено сыновьями въ Самаркандѣ, въ мечети, построенной святымъ Багди-Улья [1]). Впослѣдствіи, въ смутное время, эта мечеть была разрушена, и Шейбани-ханъ былъ похороненъ посреди двора мадрасы, сооруженной эмиромъ Маасумомъ-Гази на развалинахъ прежней мечети и называемой теперь мадрасой Шейбани-хана.

Главный намогильный камень изъ этого памятника, по взятіи русскими города Самарканда, найденъ былъ, вмѣстѣ съ развалинами воротъ Акъ-Дарваза, въ цитадели города и отправленъ въ С.-Петербургъ, въ Императорскій Эрмитажъ. На этомъ камнѣ высѣчена слѣдующая, въ переводѣ на русскій языкъ, надпись: „Небо счастія, Шейбани-Мухаммадъ-ханъ, царь вселенной, котораго красотѣ и нѣжности завидовалъ небесный мѣсяцъ. Судьба сожалѣетъ о своей жестокости и несправедливости. Сердце стонетъ отъ криводушія неправосуднаго неба, отъ котораго населенный міръ повернулся лицемъ къ сторонѣ разрушенія. Если умъ спроситъ тебя о годѣ его смерти, отвѣчай: „о, сто сожалѣній о Мухаммадъ-ханѣ-Шейбани“. Начальныя буквы словъ, составляющихъ это послѣднее восклицаніе, по замѣчанію г-на Мас-

---

[1]) По другимъ источникамъ Шейбани-ханъ былъ убитъ во время войны съ эмиромъ Исмаиломъ; послѣдній отдѣлилъ голову съ тѣла врага отъ туловища и, оправивъ въ золото, употреблялъ черепъ вмѣсто кубка.

ва. составляютъ цифру 977 (1569). т. е. годъ смерти Шейбани-хана[1]). Но въ толкованіи Маева очевидная ошибка: изъ исторіи Бохары Германа Вамбери мы узнаемъ. что Шейбани-ханъ былъ убитъ въ 916 (1510) году, имѣя отъ роду 61 годъ [2]). а не въ 977 году. Въ послѣднемъ случаѣ ему было-бы отъ роду 120 лѣтъ.

На разстояніи четверти версты внизъ отъ мечети Биби-ханымъ стоитъ мечеть Шахъ-зинда. Основаніе мечети Шахъ-зинда („Шахъ“—царь, „зинда“ – живой; отсюда Шахъ-зинда—живой царь) положено знаменитымъ Тимуромъ построеніемъ мазара въ честь главы арабовъ. насадителей ислама въ Самаркандѣ, Касыма-ибнъ-Аббаса.

О построеніи этой мечети мы находимъ у Абу-Тагиръ-ходжи слѣдующія указанія. Изъ всѣхъ зданій. существовавшихъ при Тимурѣ. первое зданіе было мазаръ (мавзолей) царевича Касыма-ибнъ-Аббаса. Для сооруженія этого зданія вызваны были изъ Тегерана и разныхъ городовъ другихъ странъ искусные каллиграфы. съ хорошими идеями люди и умные поэты. Они украсили купола и фронтонъ этого мазара разноцвѣтными кирпичами—краснаго, бѣлаго. желтаго, синяго, чернаго цвѣтовъ и расписали зданіе надписями, въ почеркахъ—куфи. моаккали, сюльси. корани и китаби. Надписи эти изображаютъ имена Бога, молитвы, стихи корана. изреченія пророка. имена царицъ. царевичей. Въ немъ. кромѣ главнаго святаго, погребены дѣти и сподвижники Тимура[3]).

Названіе мечети мѣстное преданіе объясняетъ тѣмъ.

---

[1]) Ежегодникъ, С.-Петербургъ, 1873, II, 285.

[2]) Исторія Бохары, С.-Петербургъ, 1873. II. 28.

[3]) Самаркандъ. Сочиненіе Абу Тагиръ-ходжи, переведено съ персидскаго на тюркскій Мирзой-Баратомъ, издано Остроумовымъ, Ташкентъ, 1884, 10.

что будто-бы подъ ней скрытъ какой-то живой царь. Этотъ царь такъ былъ праведенъ и оттого такъ сдѣлался угоденъ Богу, что когда онъ прожилъ положенный срокъ своей земной жизни. то вмѣсто того, чтобы умереть. онъ сошелъ подъ своды мечети и тутъ въ разступившейся передъ нимъ во всѣ стороны землѣ остался жить навсегда живымъ. Отъ него-то мечеть и получила свое названіе мечети „Живого царя“ — „Шахъ-зинда“. Мечеть Шахъ-зинда—самая великолѣпная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая оригинальная изъ всѣхъ мечетей Самарканда. а можетъ быть и всего Туркестанскаго края. Она поставлена на взгорьѣ развалинъ древняго города Афросіаба и представляетъ собой цѣлую систему отдѣльныхъ строеній. соединенныхъ между собою въ одно общее зданіе и. какъ кажется, возникшихъ не одновременно, а постепенно въ разное время, путемъ пристройки одного зданія къ другому. Связующимъ звѣномъ всѣхъ строеній мечети Шахъ-зинда служитъ открытая. уходящая вверхъ галлерея. болѣе 29 саженъ длины при различной ширинѣ (вверху—пять аршинъ и три четверти. по срединѣ—шесть аршинъ и двѣ четверти. внизу—пять аршинъ съ шестью вершками), имѣющая почти на половинѣ своей длины широкую, въ 37 ступеней. изъ жженаго кирпича, лѣстницу. По обѣ стороны этой длинной галлереи идутъ различныя зданія—часовни. молельни. мадрасы, стѣнныя ниши. а самый конецъ ея, противоположный входной аркѣ и главной двери. оканчивается круглымъ. безъ покрова зданіемъ.

Всѣхъ такихъ помѣщеній. не считая нишъ для сосудовъ съ водой, съ обѣихъ сторонъ галлереи, счетомъ одиннадцать. Большинство изъ этихъ помѣщеній занято могилами родственниковъ и близкихъ людей Тимура—его кормилицы. дочерей. сестеръ. женъ. племянницъ. министровъ. командировъ. и т. п.

Изъ надписей, сдѣланныхъ частію на часовняхъ, частію на намогильныхъ камняхъ, видно, что здѣсь покоятся: какая-то (безъ имени) царскаго рода женщина, умершая въ 1477 (880) году; потомъ жена Тимура, дочь „праведнаго“ эмира Мусы, по имени Туманъ-ака; затѣмъ Ширинъ-бинъ-бекъ-ака[1]), умершій въ 1485 (788) году; потомъ Чучукъ-бинъ-ака; далѣе эмиръ Хасанъ и другіе. Изъ надписей, сдѣланныхъ на стѣнахъ зданій, видны и имена самыхъ мастеровъ или строителей ихъ: шейха Мухаммада, сына Ходжи изъ Тавриза: Шамсъ-уд-дина и Зайнъ-уд-дина въ 1270 (773) году; какихъ-то неизвѣстныхъ строителей 1359 (762), 1484 (787) и 1485 (788) годовъ гиджры.

Если войти черезъ главную арку въ галлерею Шахъ-зинда, то первое зданіе съ лѣвой стороны будетъ мечеть; мечеть эта небольшихъ размѣровъ, безъ всякихъ украшеній извнѣ, сильно испорчена реставраціей нашего времени внутри. Выше этой мечети, съ той-же лѣвой стороны, слѣдуетъ открытая молельня или, правильнѣе сказать, небольшой навѣсъ, всегда устланный кошмами и барданами или циновками, подъ которымъ правовѣрные возносятъ свои молитвы Аллаху. Противъ этой открытой молельни, съ правой стороны, устроенъ небольшой квадратный дворикъ, въ трехъ стѣнахъ котораго подѣланы маленькія полутемныя худжра (кельи), числомъ 10, для зимняго помѣщенія муллъ; эти худжры вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и мадрасой для учениковъ; у одной изъ стѣнъ двора (восточной) устроенъ круглый колодецъ, обложенный до дна кирпичемъ.

Пройдя отъ молельни и мадрасы нѣкоторое раз-

---

[1]) „Бинъ по арабски „сынъ“ „ака“—старшій братъ

стояніе по галлереѣ и поднявшись вверхъ по широкой кирпичной лѣстницѣ, приходящейся почти на половинѣ длины всей галлереи (длина галлереи отъ лѣстницы внизъ 37 аршинъ. отъ лѣстницы вверхъ 51 аршинъ и 11 вершковъ). съ лѣвой стороны увидимъ превосходнѣйшей отдѣлки часовню съ пятью могилами—Ширимъ-бинъ-бека-ака. одной сестры Тимура и трехъ дѣтей ея; за этой часовней. съ той же стороны. увидимъ другую. почти столь-же великолѣпную, часовню съ могилами двухъ погребенныхъ въ ней покойниковъ—Чучукъ-бин-ака и другой сестры Тимура. Прямо противъ этихъ двухъ часовенъ, только съ правой стороны. воздвигнуты еще двѣ часовни, одна надъ прахомъ дочери Тимура. другая надъ прахомъ министра Тимура. эмиръ-Хасанъ-багадура. Выше этой ниши. съ той-же стороны, идутъ небольшія ниши со вмазанными въ нихъ глиняными для воды сосудами.

Минуя ниши съ сосудами съ правой стороны и одну часовню съ лѣвой и поднявшись выше по галлереѣ, мы увидимъ сперва крытую широкую арку, перекинутую съ одного конца галлереи на другой. а подъ аркой слѣва—помѣщеніе для муллъ. справа—превосходную рѣзной работы деревянную съ бронзовыми петлями и желѣзнымъ оригинальнѣйшимъ замкомъ дверь и поверхъ двери надпись съ именемъ Хазрета-Касымъ-ибнъ-Аббаса. За этой дверью идетъ небольшой. почти квадратный корридоръ; изъ корридора направо слѣдуетъ комната. въ которой лежатъ. за деревянной перегородкой. на особыхъ пюпитрахъ. два корана, одинъ шести футовъ длины и четырехъ футовъ ширины. другой около двухъ вершковъ величины, оба разрисованные по полямъ цвѣтами и оба написанные всего лишь 34 года тому назадъ. За комнатой корановъ слѣдуетъ небольшая. устланная ков-

рами, украшенная висячей люстрой. слабо освѣщенная свѣтомъ мечеть съ слѣдами живописи и арабесковъ по всѣмъ стѣнамъ. Отъ этой мечети отдѣлена особая усыпальница святаго Хазрета-Касымъ-ибнъ-Аббаса. въ честь котораго названо зданіе мечети. Усыпальница эта задѣлана деревянной. вставленной въ большое окно. рѣшеткой. которая отпирается только черезъ каждые 10 лѣтъ и то лишь для того. чтобы привести въ порядокъ могилу святаго; въ другое время ни одинъ мусульманинъ. не говоря уже объ иновѣрцѣ. не смѣетъ проникнуть въ завѣтное святилище праведника. Надъ рѣшеткой окна подняты одинъ бунчукъ и два знамени зеленое и красное — и надъ знаменами деревянная съ пятью пальцами рука, въ знакъ того. что пророкъ зналъ все. какъ свои пять пальцевъ. Съ правой стороны усыпальницы сдѣлана небольшая комнатка. въ которой поставлена бѣлая мраморная плита, ширины почти 3 аршина, высоты около $1^1/_2$ аршина; у плиты поднятъ бунчукъ. увѣшанный разноцвѣтными лоскутками матеріи. которые прикрѣпляются правовѣрными въ чаяніи исцѣленія ихъ отъ физическихъ и душевныхъ недуговъ; а на самой плитѣ положены огромные рога дикихъ козловъ (кіиковъ) и архаровъ (аргали). Самая комната устроена для помѣщенія въ нее различныхъ приношеній отъ усердныхъ мусульманъ. высоко чтущихъ святаго Касымъ-Аббаса и за много верстъ стекающихся на поклоненіе праху его.

Выше помѣщенія славнаго святаго. по той же галлереѣ и съ той же правой стороны, слѣдуетъ послѣдняя часовня съ обвалившимся куполомъ и съ выросшимъ въ самой срединѣ строенія вѣтвистымъ деревомъ. Кто погребенъ въ этой часовнѣ да и былъ ли кто погребенъ въ ней. остается совершенно неизвѣстнымъ. Судя по уцѣлѣвшимъ въ ней украшеніямъ мож-

но думать, что эта часовня нисколько не уступала другимъ ни по богатству, ни по своей великолѣпной отдѣлкѣ.

Конецъ галлереи упирается въ открытое, безъ свода, круглое зданіе, значительно попорченное и временемъ и человѣкомъ, но и въ своемъ увѣчьѣ носящее слѣды превосходной отдѣлки. Въ лѣвой сторонѣ этого зданія продѣлана небольшая калитка, ведущая за стѣны Шахъ-зинда на обширныя развалины мертваго города Афросіаба. Нужно думать, что это круглое, теперь открытое, но нѣкогда закрытое, зданіе и было главною мечетью Шахъ-зинда.

Надъ отдѣльными зданіями мечети Шахъ-зинда сохранилось восемь небольшихъ куполовъ, на коихъ два дынеобразные, два формы небеснаго свода, два формы шатра и одинъ формы усѣченнаго конуса. Самый эффектный изъ нихъ куполъ надъ часовней Ширимъ-бина-бекъ-ака, изукрашенный зеленаго, синяго и бѣлаго цвѣтовъ изразцами, кружками, квадратиками, мелкими звѣздочками и треугольниками.

Излишне говорить о томъ великолѣпіи и роскоши, которыми поражаетъ всякаго зрителя мечеть Шахъ-зинда. Мечеть Шахъ-зинда есть дѣйствительно великое архитектурное произведеніе восточнаго генія и для точнаго описанія его, говоря арабской пословицей, языку не достанетъ слова, а воображенію — красокъ. Въ наружной отдѣлкѣ ея сочетались всевозможные цвѣта—зеленый, голубой, бѣлый, синій, красный, лиловый, розоватый, черный, гранатовый — и во всевозможныхъ фигурахъ—звѣздочкахъ, пятилиственникахъ, цвѣтахъ, травахъ, чередующихся съ превосходными арабесками, мраморными плитами и куфическими надписями. Особеннымъ великолѣпіемъ поражаютъ здѣсь изразцовыя, вогнутыя во внутрь, колонны съ превосходными капителями вверху и чуд-

ной работы подушками внизу. Описаніе всѣхъ этихъ украшеній составило бы особое изслѣдованіе и все-таки могло бы дать лишь самое слабое представленіе о тѣхъ красотахъ, которыми блеститъ знаменитая мечеть.

„Зданіе мечети Шахъ-зинда, замѣчаетъ на этотъ счетъ графиня Уварова, уже издалека побѣждаетъ ваше воображеніе; переступая же его порогъ, вы на первыхъ порахъ такъ поражены и очарованы, что сидите и не знаете, чѣмъ больше любоваться—синевой ли непроницаемаго неба, силуэтами ли и профилями зданій, блескомъ ли голубыхъ изразцовъ, сѣроватой ли листвой деревьевъ, распустившихся подъ сѣнью этихъ стѣнъ и куполовъ, сонными ли муллами, перебирающими четки во дворахъ и на ступеняхъ мечети. Вы сидите и смотрите.... и только мало-по-малу начинаете разбираться въ формахъ, рисункахъ, цвѣтахъ. Тогда только вы понимате, что приказать построить подобное зданіе могъ только великій, могущественный повелитель, что построить его могъ только художникъ-архитекторъ съ массою такихъ-же художниковъ-помощниковъ въ лицѣ строителей, рисовальщиковъ, химиковъ, формовщиковъ. Разсмотрите на самомъ дѣлѣ всѣ эти зданія и вы увидите, что на каждую колонну, на каждую капитель, на арку, на стѣнку, поясокъ,—на все требовалась отдѣльная форма, отдѣльная отливка: на колонкахъ то годъ, то имя мастера, на всѣхъ аркахъ, поясахъ, гробницахъ то имя основателя, то имя покойника, то благочестивое изреченіе, и вездѣ свое особое, оригинальное. Любовь къ текстамъ и изреченіямъ доведена до того, что все покрыто ими: шейки куполовъ, арки, цѣлыя громадныя стѣны; изреченія и надписи эти или вылиты отдѣльными кусками, или составляютъ изъ удлиненныхъ изразцовъ цѣлую сѣть рисунковъ, которые неопытный глазъ, незнакомый съ восточнымъ алфавитомъ,

расположенъ постоянно принимать за простой восточный орнаментъ“ [1]).

Всего поразительнѣе здѣсь, какъ и въ другихъ мечетяхъ, разнообразные изразцы, которыми отдѣлано зданіе: свѣжесть ихъ красокъ и пѣльность самой композиціи заставляютъ удивляться искусству мусульманскихъ зодчихъ даже и въ настоящее время. Наши, даже самые лучшіе, изразцы уже по истеченіи 2—3 лѣтъ даютъ наружнія трещины и облущиваются; тогда какъ изразцы средне-азіатскихъ зодчихъ прошлыхъ вѣковъ, не смотря ни на время, ни на рѣзкую перемѣну погоды зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью, сохранились до нашего времени совершенно безъ всякихъ трещинъ и облущиваній. Порча всякихъ изразцовъ, какъ извѣстно, происходитъ отъ неодинаковой степени расширенія, вслѣдствіе дѣйствія теплоты, глины и композиціи на глинѣ намазанной. Искусство же мастера состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать одинаковымъ соотношеніе коэффиціэнта глинянной массы къ массѣ композиціи; вотъ это-то знаніе соотношеній и поразительно въ восточномъ зодчемъ, совсѣмъ, очевидно, неизвѣстное нашимъ архитекторамъ. При такихъ, по истинѣ замѣчательныхъ, знаніяхъ восточныхъ архитекторовъ физики и химіи тѣмъ болѣе удивительно незнаніе съ ихъ стороны основнаго закона при возведеніи всякаго капитальнаго зданія: они построили большинство мечетей, не исключая въ томъ числѣ и самой Шахъ-зинда, безъ всякаго фундамента.

Къ мечети Шахъ-зинда въ былое время примыкалъ обширный дворъ, усаженный тѣнистыми деревьями и снабженный прохладными прудами. Этотъ

---

[1]) Русская Мысль, 1891, XII, 4.

дворъ приходился какъ разъ противъ главной подъѣздной арки зданія: теперь онъ отдѣленъ отъ мечети проѣзжей дорогой, проложенной со времени взятія Самарканда русскими. Къ нему ведетъ широкая, въ нѣсколько ступеней, каменная лѣстница, сильно пострадавшая отъ рестарваціи послѣдняго времени.

Этой рестарваціи подвергаются и самыя зданія мечетей Самарканда. Конечно, эта мѣра необходима для сохраненія великихъ произведеній восточнаго зодчества, но нельзя не сказать по этому поводу и того, что подобная реставрація производитъ одно лишь грустное впечатлѣніе на зрителя: каждая заплатка на мечети тоже, что грязное пятно на прекрасномъ платьѣ невѣсты.

Величіе, красота и грандіозность мечети Шахъ-зинда, говорятъ, были причиною того, что самъ знаменитый Тимуръ не разъ избиралъ ее въ качествѣ лѣтней резиденціи своей и однажды въ бытность свою въ мечети, начерталъ будто-бы собственноручно какую-то надпись у стѣны усыпальницы главнаго святаго. Впрочемъ, этой надписи никто изъ муллъ не можетъ указать въ настоящее время.

Заканчивая описаніе мечети Шахъ-зинда, не можемъ не поставить на видъ описаніе этой-же мечети, сдѣланное извѣстнымъ ученымъ, профессоромъ восточныхъ языковъ въ Пештѣ, Германомъ Вамбери. Это описаніе представляетъ собой лишь одну путаницу, не дающую ровно никакого представленія о дивномъ произведеніи восточнаго генія и объяснимую только тѣмъ положеніемъ, въ которомъ былъ этотъ ученый во время своего путешествія по Средней Азіи: скрывая свое настоящее имя и происхожденіе подъ рубищами странствующаго дервиша, онъ ежеминутно опасался за собственную жизнь и потому не могъ ни вести подробнаго дневника, ни останав-

ливаться съ должнымъ вниманіемъ на главныхъ достопримѣчательностяхъ города, къ числу коихъ принадлежитъ и Шахъ-зинда. Вотъ его слова во всей ихъ полнотѣ и точности объ этой мечети: „Въ этомъ дворцѣ (Хазрети-Шахъ-зинда) до сихъ поръ сохранилось много прежней роскоши и великолѣпія. Онъ помѣщается на значительной возвышенности и къ нему(!) ведутъ сорокъ (!). довольно широкихъ мраморныхъ(!) ступеней. Самое зданіе находится въ концѣ маленькаго садика. Нѣсколько (!) маленькихъ корридоровъ (!) ведутъ къ большой комнатѣ, а отсюда маленькой, мрачной тропинкой (!!) можно пройти къ могилѣ святаго. Кромѣ вышепомянутой комнаты тамъ есть еще нѣсколько комнатъ съ пестрыми кирпичными стѣнами и мозаичными полами, потому комнаты и до сихъ поръ кажутся совершенно новыми“ [1]).

Изъ другихъ мечетей, внутри города Самарканда слѣдуетъ упомянуть о мечети халифа Касыма, впрочемъ, единственно лишь потому, что рядомъ съ ней, во дворѣ сарта Суфи-Разыка, сохранилось два надгробныхъ мраморныхъ камня, подъ которыми погребены какіе-то мусульманскіе святые Самаръ и Камаръ: имена этихъ святыхъ интересны собственно гѣмъ, что народное преданіе приписываетъ имъ основаніе самого города Самарканда. Но такое преданіе, разумѣется, не имѣетъ никакой исторической правды, такъ какъ городъ Самаркандъ существовалъ гораздо раньше появленія въ Средней Азіи самого мусульманства.

Изъ мечетей, находящихся въ окрестностяхъ города Самарканда, слѣдуетъ отмѣтить двѣ—мечеть Ходжи-Ахраръ и мечеть Надиръ-Мухаммада, иначе мечеть Намазга.

---

1) Путешествіе по Средней Азіи, С.-Петербургъ 1865, 104.

Мечеть Ходжи-Ахраръ находится въ 4 верстахъ отъ русской части города Самарканда; она построена около 400 лѣтъ тому назадъ Надиръ-Мухаммадомъ-диванъ-беги. рядомъ съ мазаромъ благочестиваго Ходжи-Ахрара. потомка Омара. уроженца города Ташкента (онъ-же Убайдулла). почему и была прозвана мечетью Ходжи-Ахрара. Ходжа-Ахраръ былъ вызванъ въ Самаркандъ (1442). для жительства, Абу-Саидомъ и умеръ въ 1489 году. Такъ разсказывается объ немъ въ описаніи Самарканда Абу-Тагиръ-ходжи[1]) и въ книгѣ „Мавляна Суфи“. писанной однимъ изъ муридовъ Ходжи-Ахрара.

Главное зданіе этой мечети представляетъ изъ себя правильный. безъ купола, осьмигранникъ. съ тупыми углами. съ высокой аркой противъ двери. съ просторнымъ дворомъ (60 арш. длины и 43 арш. ширины) и съ обширной тагаратъ-ханой для омовенія зимой. Въ срединѣ двора. по всѣмъ четыремъ сторонамъ и по всѣмъ четыремъ угламъ его. по планы глубокія въ одинъ этажъ ниши съ чердаками. а въ нишахъ устроены помѣщенія для муллъ и ихъ учениковъ. числомъ 30. По обыкновенію. стѣны этой мечети изукрашены разноцвѣтными плитками. большими треугольниками. а также бѣлыми. синими. голубыми и золотистыми цвѣтами. и на самыхъ видныхъ мѣстахъ испещрены различными надписями. Эта мечеть славилась своимъ кораномъ. писаннымъ почеркомъ куфи рукою сподвижника Магомета, Османа. Этотъ коранъ представляетъ собой единственный и точный списокъ вѣроучительной книги Магомета. написанной на бараньихъ лопаткахъ и хранившихся у вдовы умер-

[1] Самаркандъ, Мирзы-Барата, изданіе Н Остроумова. Ташкентъ, 1884 22.

шаго пророка. На немъ видны слѣды крови самаго калифа Османа, который былъ убитъ взбунтовавшеюся чернью, въ собственномъ дворцѣ, во время чтенія имъ священной книги. Изъ всѣхъ преданій, указывающихъ на время занесенія корана въ Туркестанъ, наиболѣе правдоподобнымъ кажется то преданіе, которое связываетъ это дѣло съ именемъ Тимура: коранъ Османа, какъ говорятъ, есть одинъ изъ манускриптовъ, которые Тимуръ, будучи самъ писателемъ, старательно собиралъ отовсюду въ свою столицу, Самаркандъ. Послѣ взятія русскими города Самарканда этотъ коранъ былъ купленъ губернаторомъ Абрамовымъ у мѣстныхъ имамовъ за 125 рублей и отправленъ въ Императорскую С.-Петербургскую публичную библіотеку[1]).

Могила самаго святаго находится внѣ мечети, въ концѣ двухъ небольшихъ, усаженныхъ деревьями, двориковъ; въ послѣднемъ изъ этихъ двориковъ имѣется прекрасный, также небольшой, прудикъ съ превосходною, чистою, какъ хрусталь, водою. За этимъ прудикомъ возвышается квадратный черно-сѣрый мраморный памятникъ, $14^1/_2$ аршинъ длины и ширины, и нѣсколько меньше 2 аршинъ высоты; къ нему, справа, придѣланъ такой же памятникъ, 4 аршина съ 6 вершками ширины и шестью аршинъ съ шестью вершками длины. На обоихъ этихъ памятникахъ имѣется 16 мраморныхъ, испещренныхъ различными надписями, плитъ, изъ коихъ 8 подняты на памятникѣ вертикально, а 8 положены горизонтально. Между этими плитами есть одна плита надъ прахомъ Ходжи-Ахра-ра, неизбѣжно обложенная рогами сайгаковъ. Рядомъ съ памятникомъ раскинулось древнее кладбище, также съ остатками различныхъ намогильныхъ плитъ.

---

[1]) Ежегодникъ Маева, С.-Петербургъ, 1874, III, 401.

Вправо отъ памятника стоитъ еще одна небольшая съ голыми стѣнами, но съ раскрашеннымъ потолкомъ. мечеть: рядомъ съ ней имѣются 4 комнаты. а за ней особое помѣщеніе для мутавалія. т. е. эконома мечети и школы.

Мечеть Намазга построена тѣмъ же Надиромъ-Мухаммадомъ-Диванъ-беги и имѣла въ окружности 50 танаповъ (каждый танапъ равняется 400 саж.). Это самая бѣдная изъ всѣхъ мечетей Самарканда. Хотя она сохранилась сравнительно съ другими весьма хорошо. но служба въ ней происходитъ одинъ разъ въ годъ. ранней весной. около времени нашего праздника Пасхи. Мечеть эта увѣнчана большимъ куполомъ. украшеннымъ полосами изъ синихъ. голубыхъ и желтыхъ плитокъ. Противъ этой мечети стоитъ большая арка, а близь нея по три малыхъ. справа и слѣва, отъ арки. Внутри мечети сдѣланъ небольшой. изъ 7 мраморныхъ ступеней. минбаръ для проповѣди муллы. Ни арки, ни внутреннія помѣщенія этой мечети не имѣютъ никакихъ украшеній. Все богатство ея состоитъ въ обширномъ. въ нѣсколько десятинъ. дворѣ. съ тѣнистыми деревьями и тремя. однимъ большимъ и двумя малыми, прудами (хаузами). Стоящія передъ мечетью ворота сдѣланы всего лишь около полугода тому назадъ.

Слѣдуетъ замѣтить вообще. что каждая изъ описанныхъ мечетей въ одно и тоже время была и мадрасой: въ ней отведены были помѣщенія для ученыхъ и учащихся мусульманъ. Помѣщенія эти дѣлались во всѣхъ стѣнахъ. окружавшихъ дворъ мечети: тутъ размѣщались ученые, учащіеся. благочестивые муллы. имамы, предававшіеся и по днямъ и по ночамъ тихому религіозному міросозерцанію. Усѣвшись въ восточной позѣ, поджавши подъ себя ноги. кто среди комнаты. кто во дворѣ. у какой—нибудь колонны,

кто у одной изъ арокъ. муллы тихо шептали стихи изъ корана; совершенно закрывъ свои глаза и вполнѣ отрѣшившись отъ видимаго земнаго міра. они слегка покачивали своими головами то въ одну. то въ другую сторону и медленно перебирали навѣшанными на рукахъ четками.

Изъ мавзолеевъ города Самарканда самый замѣчательный мавзолей надъ прахомъ Тимура, извѣстный у туземцевъ подъ именемъ Гуръ-эмира („Могила повелителя“) и неправильно называемый у нѣкоторыхъ туристовъ мечетью. Гуръ-эмиръ находится неподалеку отъ почтовой станціи и превосходнаго такъ называемаго Абрамовскаго парка.

Передъ фасадомъ Гуръ-эмира стоитъ невысокій порталъ съ двумя выступающими впередъ колонками. украшенными кубиками, изразцами. звѣздами. цвѣтами; верхъ портала исписанъ надписями голубаго. синяго. зеленаго. бѣлаго и золотистаго. теперь уже нѣсколько поблекшаго. цвѣта: по угламъ портала видны слѣды арабесковъ. За порталомъ слѣдуетъ небольшой квадратный (50 аршинъ длины и 50 ширины) дворикъ, вымощенный плитнякомъ и обнесенный невысокою кирпичною оградою. сдѣланною уже въ послѣднее время. послѣ взятія города русскими. Въ концѣ дворика. прямо противъ портала. возвышается самый мавзолей. Съ правой стороны его (передъ зрителемъ) отдѣляется великолѣпный. съ полуразрушенной верхушкой. минаретъ; средняя часть минарета украшена громадными витыми. зеленаго съ синимъ цвѣтомъ, полосами:; остатокъ капители отдѣланъ синимъ, зеленымъ и бѣлымъ цвѣтами.

Правая сторона фронтона самаго мавзолея мѣстами изукрашена шестилиственниками голубаго съ бѣлымъ цвѣтомъ. разноцвѣтными съ осьмью концами звѣздами. голубыми кубиками, большими кружками

бѣлаго. зеленаго и голубаго цвѣтовъ: мѣстами отдѣлана рѣшетчатымъ (въ родѣ спинки англійскихъ желѣзныхъ кроватей) украшеніемъ; вдоль всей стѣны протянута колонка. украшенная шестилиственниками голубаго съ бѣлымъ цвѣтомъ. а во всю ширь ея сдѣланы три арки, заложенныя въ настоящее время кирпичемъ. кромѣ одной средней, дверь которой ведетъ въ особое боковое помѣщеніе, усыпальницу отдаленныхъ родственниковъ Тимура. счетомъ восемь человѣкъ. скрытыхъ подъ осьмью сѣро-мраморными надгробными плитами.

Къ средней части фронтона ведетъ небольшая мраморная лѣстница, за которой слѣдуютъ двѣ деревянныя двери, изъ коихъ одна совершенно новая, а другая древняя карагачевая. изумительно тонкой рѣзьбы съ инкрустаціей и оригинальнѣйшими петлями и замками; надъ дверью сдѣлано два окна, изъ коихъ одно совсѣмъ открыто, другое задѣлано бѣлыми звѣздочками и треугольниками: вокругъ дверей протянута надпись, открывающая имя строителя мавзолея: „Бѣдный Абдулла, сынъ Махмуда Испаганскаго“. По увѣренію мѣстныхъ муллъ зданіе мавзолея построено за 34 года раньше смерти Тимура. Надъ центральною частью мавзолея поднятъ огромный куполъ. освѣщенный четырьмя открытыми окнами и изукрашенный. по обыкновенію, сочетаніемъ пяти различныхъ цвѣтовъ. Верхняя часть этого купола опоясана сверху внизъ. на подобіе огромныхъ полудугъ. толстыми полосами; за этими полосами идутъ треугольники синяго. голубаго и оранжеваго цвѣтовъ; за треугольниками слѣдуютъ четыре пояса: первый голубой съ синимъ: второй голубой съ зеленымъ: третій зеленый съ преобладаніемъ надъ голубымъ; четвертый. самый широкій изъ поясовъ. зеленаго. бѣлаго и синяго цвѣтовъ.

Лѣвая сторона фронтона изукрашена изразцами зеленаго и бѣлаго и надписями голубаго и бѣлаго цвѣта; въ ней сдѣлана деревянная рѣзная дверь, ведущая въ небольшую, въ родѣ передней, комнату, и за ней въ длинное, въ родѣ корридора, полутемное помѣщеніе, называемое по арабски Раграви-да-раматъ[1]). Надъ лѣвой стороной фронтона нѣкогда возвышался высокій минаретъ, теперь совершенно развалившійся. Въ одну линію съ дверью въ лѣвой сторонѣ фронтона, но только нѣсколько дальше отъ самой двери, сдѣлана глубокая камера, подъ сводами которой погребено пять покойниковъ. одинъ внукъ Тимура и четыре товарища друга Тимура, Миръ-Берке-Саида. Надъ тремя изъ этихъ покойниковъ лежатъ мраморныя плиты, надъ двумя - кирпичныя.

Въ общемъ мавзолей Тимура представляетъ собой правильный осьмигранникъ, вѣнчающійся на верху огромнымъ куполомъ, нѣкогда обставленный съ обѣихъ сторонъ минаретами и превосходно разукрашенный разными цвѣтами съ преобладаніемъ, однако, надъ всѣми другими голубаго цвѣта; на самыхъ видныхъ мѣстахъ этого мавзолея, по дорогому камню яшмѣ. вырѣзаны стальными и алмазными инструментами. въ почеркѣ сюльси, имена Тимура, его отца и предковъ[2]). Подъ сводами этого мавзолея покоится если не половина. то цѣлая треть исторіи всей Средней Азіи.

Внутренность мавзолея Тимура раздѣлена на два помѣщенія, верхнее и нижнее. Верхнее помѣщеніе

---

1) Порусски собственно значитъ дорога для входа, въ отдаленномъ значеніи корридоръ для входа; здѣсь муллы читаютъ коранъ

2) Самаркандъ. Сочиненіе Абу-Тагиръ-ходжа, собрано Мирзой-Баратомъ. издано Остроумовымъ, Ташкентъ, 1884.

въ самомъ центрѣ имѣетъ одну большую комнату, въ которой лежитъ девять различной величины намогильныхъ камней; изъ этихъ камней восемь приходятся въ самомъ центрѣ комнаты, одинъ у правой стѣны. противъ михраба; первые восемь камней ограждены одною общею невысокою мраморною четырехъ-стороннею рѣшетчатою оградой; послѣдній девятый камень огражденъ особою, также низкой мраморной оградой.

Главное мѣсто между всѣми камнями принадлежитъ намогильному камню Тимура. Это большой, прекрасно отполлированный, чистый, почти безъ всякихъ постороннихъ включеній. темно-зеленый нефритъ, состоящій изъ двухъ вмѣстѣ сложенныхъ. плотно другъ къ другу пригнанныхъ и почти равныхъ по длинѣ половинъ. У туземцевъ онъ извѣстенъ подъ именемъ камня Сіотопа или Таша. На камнѣ поарабски и поперсидски сдѣлана надпись, которая. по словамъ академика барона Розена, содержитъ въ себѣ: „Во-первыхъ, генеалогію Тимура до Туманай-хана; во-вторыхъ. генеалогію Чингизъ-хана до Бузанджара, сына Аланкува; въ-третьихъ. разсказъ о томъ, какъ Аланкува забеременѣла отъ луча солнца, проникшаго въ ея палатку черезъ верхнее отверстіе; въ четвертыхъ. точное указаніе дня смерти Тимура — 14 числа мѣсяца Шаабана. года 807; тутъ упоминается еще, что по другимъ свѣдѣніямъ Тимуръ происходилъ отъ Алія, сына Абу-Талиба“ [1]).

Камень этотъ привезенъ былъ, какъ доказываетъ профессоръ Мушкетовъ, изъ области Хотана, лежащей у сѣверной подошвы западнаго конца Куэнь-Луня; считая его за цѣльный камень, проф. Муш-

---

[1]) Мушкетовъ. Туркестанъ, С.-Петербургъ, 1866. I, 377.

кетовъ называетъ его единственнымъ изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ образцовъ монолитовъ нефрита; по его измѣренію. камень имѣетъ длины 1, 92 метра. ширины сверху 36. 75 сантиметровъ, снизу 34 сантиметра. высоты 30 сантиметровъ; по нашему измѣренію, 11 четвертей длины. 2 четверти съ ½ вершкомъ ширины и 2 четверти высоты. Камень лежитъ на фундаментѣ бѣлаго известняка и направленъ изголовьемъ въ сторону священнаго для мусульманъ города Мекки. Надпись. сдѣланная на немъ, по замѣчанію Абу-Тагиръ-ходжи. вырѣзана стальными и алмазными инструментами

Относительно того, кто и какъ разбилъ этотъ камень Сіотопъ, существуетъ два преданія: по одному. это дѣло рукъ персидскаго царя Шахъ-Надира. который, завоевавъ Самаркандъ. приказалъ снять и привезти въ свою столицу дорогой камень или только съ цѣлью посмотрѣть на него, или же надѣясь найти въ немъ сокровища: въ это именно время и былъ разбитъ завѣтный камень.

По другому преданію, это сдѣлали неизвѣстные воры уже въ то время когда камень былъ привезенъ въ Самаркандъ для укладки его на могилѣ Тимура: они прослышали. будто онъ внутри состоитъ изъ золота, и потому ночью похитили его и стали навьючивать на верблюда, но въ это время случайно разбили и, не найдя въ немъ золота. бросили на мѣстѣ. а сами безслѣдно скрылись. Тогда двѣ половины камня сложены были въ одно цѣлое. отдѣланы и установлены на мѣстѣ. противъ могилы Тимура.

Соотвѣтствуетъ ли приведенное преданіе дѣйствительности. этотъ вопросъ. разумѣется, излишній. Неизлишне. однако же. сказать. вопреки мнѣнію профессора Мушкетова. что едва ли оба куска этого камня нѣкогда составляли одно цѣлое. Къ тому приво-

дитъ внимательный осмотръ обѣихъ половинъ камня: ни общій рисунокъ, ни мелкія пятна, ни отдѣльныя жилки одной половины камня не соотвѣтствуютъ тому же другой половинѣ его; даже больше того: усматривая длинную жилку на самой срединѣ одной половины камня въ мѣстѣ надлома его, мы вовсе не видимъ продолженія той же жилки въ изломѣ другой половины его.

Также позволительно сдѣлать замѣчаніе и относительно мѣста родины знаменитаго камня. Дѣло въ томъ, что совершенно одинаковая порода нефрита съ породой Сіотопа имѣется не только въ мѣстахъ далекаго Хотана, но и въ мѣстахъ болѣе близкихъ къ Самарканду, какъ напримѣръ въ Бухарѣ. Это подтверждаютъ образцы нефрита, найденные жителемъ города Самарканда, капитаномъ Л. С. Барщевскимъ, много лѣтъ путешествовавшимъ по Бухарѣ и составившимъ у себя прекрасную коллекцію минераловъ бухарскаго ханства. Отсюда возможно предположеніе о вывозѣ камня Сіотопа не изъ Хотана, а изъ Бухары. Но если о цѣльности и мѣстѣ родины камня Сіотопа можно говорить разнорѣчиво, то о мѣстѣ обработки его не можетъ быть никакого разнорѣчія: шлифовка его происходила несомнѣнно уже по доставкѣ на мѣсто, близъ самаго мавзолея Тимура. Дѣло въ томъ, что при распланировкѣ города Самарканда, послѣ взятія его русскими, въ улицѣ, ведущей къ Гуръ-Эмиру, найдено было руководителемъ работъ З. Э. Кижемскимъ цѣлое гнѣздо нефритовыхъ обломковъ, однородныхъ съ камнемъ Сіотопомъ.

Вокругъ камня Тимура лежатъ семь другихъ камней: надъ прахомъ его друга Миръ-Саида-Берке (сѣромраморный), старшаго сына Тимура[1]) Мухаммадъ-

[1]) По указанію историка Шерефеддина, у Тимура было 36 сыновей и 17 дочерей: Исторія Тимуръ-бека, IV, 301

Джагангира (сѣромраморный). внука Тимура (сына Джагангира) Мирзы-Пиръ-Мухаммадъ-Султана. умершаго 19 лѣтъ отъ роду, въ 1385 году (алебастровый). седьмаго сына Тимура Мираншаха (сѣромраморный). министра Кумаръ-Инака (алебастровый). двухъ малолѣтнихъ дѣтей Саидъ-Берке (оба алебастровые); кромѣ этого, за особой оградой, у самаго михраба. лежитъ отдѣльно сѣро-мраморный камень надъ прахомъ министра Аттумъ-Умара[1]).

У камня Тимура подняты бунчукъ и бѣлое знамя, какъ знакъ его чистоты и правдивости, и тутъ же поставленъ „чирагъ-минаръ“ для зажиганія свѣчей, а у камня Умара водруженъ большой бунчукъ. по обыкновенію, увѣшанный маленькими лоскутками разноцвѣтной матеріи.

Разсказываютъ. будто Гуръ-эмиръ построенъ Тимуромъ собственно для его друга Миръ-Саида-Берке (правильнѣе Баракъ), къ которому великій завоеватель питалъ во всю жизнь глубокое уваженіе за его святость, происхожденіе, первое привѣтствіе Тимура титуломъ „султана“ и за предсказаніе въ пользу Тимура нѣкоторыхъ побѣдъ надъ его заклятыми и самыми страшными врагами. Объ отношеніяхъ Тимура къ Миръ-Саиду-Берке находимъ слѣдующія указанія у персидскаго историка, современника Тимура, Али Шерефеддина. Въ 1367 (769) году Тимуръ, во время войны съ Хусайномъ, недалеко отъ Термиза, впервые познакомился съ благочестивымъ турецкимъ монахомъ. потомкомъ Мухаммада. Шерифомъ-Саидъ-Берке, считавшимся за его убѣжденія святымъ человѣкомъ. Саидъ-Берке находился здѣсь случайно[2]); онъ подошелъ

---

[1]) По другимъ указаніямъ это какой-то богатый бухарскій купецъ; Ежегодникъ Маева, С.-Петербургъ, 1873, II, 287.

[2]) По замѣчанію Абу-Тагира-ходжи, Миръ Саидъ-Берке былъ родомъ изъ Балха.

къ Тимуру, подалъ ему тамбуръ и знамя и запѣлъ съ вдохновеннымъ видомъ священный гимнъ, гласившій о побѣдѣ, а вслѣдъ за этимъ предсказалъ Тимуру царскій тронъ. Съ тѣхъ поръ Тимуръ заключилъ съ нимъ неразрывную дружбу. и Берке навсегда поселился съ Тимуромъ. Тимуръ тогда же рѣшилъ, что послѣ смерти они оба должны быть вмѣстѣ погребены подъ однимъ мавзолеемъ и что его лицо должно быть обращено въ сторону Берке съ тою цѣлью, чтобы въ день страшнаго суда, когда всякій подниметъ руки къ небу и будетъ умолять близъ лежащихъ людей о ходатайствѣ передъ Богомъ, то чтобы руки Тимура могли цѣпляться за платье святаго человѣка. потомка пророка Мухаммада. Эта дружба продолжалась до самой смерти Саидъ-Берке, послѣдовавшей въ 1403 (806) году. Саидъ-Берке заболѣлъ во время зимовки въ Карабагѣ; болѣзнь его была такъ тяжела, что, сколько ни старались возлѣ него врачи, онъ не могъ встать съ постели и съ полной покорностью волѣ божіей перешелъ въ иной міръ. Тимуръ горько оплакивалъ смерть своего лучшаго въ мірѣ друга, затѣмъ приказалъ перевезти дорогой прахъ покойника въ Андкудъ. откуда впослѣдствіи. послѣ смерти Тимура. остатки Саидъ-Берке перенесены были въ Самаркандъ и погребены рядомъ съ Тимуромъ и его внукомъ Мирзой-Пиръ-Мухаммадъ-Султаномъ. подъ однимъ мавзолеемъ: съ одной стороны Тимура лежитъ Саидъ-Берке. а съ другой Мухаммадъ-Султанъ [1]).

Внутреннее помѣщеніе Гуръ-эмира носитъ на себѣ слѣды великолѣпныхъ украшеній: стѣны его. въ нижнихъ частяхъ. облицованы мавританскимъ

---

1) Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix, 1723. a Delf, I, 182, IV, 141, 284.

алебастромъ. въ солнечный день переливающимъ всѣми цвѣтами небесной радуги; средняя часть стѣнъ изукрашена разноцвѣтными изразцами, плитками и золотыми изъ корана надписями; углы сводовъ отдѣланы сталактито-образными арабесками; полъ по самой срединѣ выложенъ мѣстнымъ мраморомъ. а по бокамъ известнякомъ мраморовидной породы.

Таково верхнее помѣщеніе Гуръ-эмира. Что касается нижняго, то оно представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Въ него ведетъ изъ верхняго помѣщенія небольшая, всего лишь изъ 7 ступеней, темная мраморная лѣстница. По устройству своему—это обыкновенный подвалъ, неимѣющій никакихъ украшеній. но устланной мраморными плитами[2]). Въ немъ-то именно и погребены останки Тимура и всѣхъ близкихъ ему. выше названныхъ лицъ. Надъ каждымъ изъ покойниковъ положены длинныя намогильныя плиты, пять мраморныхъ и четыре алебастровыхъ; онѣ расположены въ такомъ-же порядкѣ. какъ и въ верхнемъ помѣщеніи и также, какъ и тамъ, исписаны кругомъ надписями.

Ко всему сказанному о Гуръ-эмирѣ нужно добавить еще то. что внутренность этого прекраснаго архитектурнаго произведенія. къ немалому сожалѣнію, постоянно загаживается навозомъ египетскихъ голубей. которыхъ такъ много во всемъ Туркестанскомъ краѣ и къ которымъ туземцы питаютъ какое-то благоговѣйное уваженіе. а потому и не рѣжутъ и не употребляютъ ихъ въ пищу: отъ этого они вездѣ гнѣздятся: и на крышахъ домовъ. и подъ крышами дво-

---

2) У Вамбери лѣстница, ведущая изъ верхняго помѣщенія въ нижнее, названа „длинною", а о самомъ помѣщеніи сказано, будто бы оно очень похоже на верхнее своими арабесками: Путешествіе, С.П.Б., 1865, 106.

ровъ и подъ куполами мечетей, и внутри могильныхъ памятниковъ. Отъ этого-же всѣ зданія въ городахъ Туркестанскаго края, особенно тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ карнизы, положительно обезображены этой птицей, къ тому-же страшно раздражающей своимъ безпрерывнымъ турчаньемъ слухъ даже и не особенно нервнаго человѣка.

Кромѣ перечисленныхъ мечетей и памятниковъ въ самомъ городѣ Самаркандѣ въ окрестностяхъ его есть также нѣсколько памятниковъ старины, каковы: подвижническія кельи, народныя училища (числомъ до 20) и могилы разныхъ святыхъ (числомъ до 200). Между послѣдними особенно славится могила святаго Даньяра (Даніила), сподвижника Касымъ-ибнъ-Аббаса, находящаяся въ тѣсной долинѣ, у подошвы Афросіаба, и славящаяся непомѣрнымъ ростомъ погребеннаго въ ней святаго. По словамъ простыхъ мусульманъ, этотъ святой постоянно прибавляется въ своемъ ростѣ по мѣрѣ усердія къ нему правовѣрныхъ. По словамъ ученыхъ мусульманъ, ростетъ не самъ Даньяръ, а его могила, потому что у ногъ его постепенно хоронятъ его ближайшихъ родственниковъ и тѣмъ постепенно же удлиняютъ могилу святаго. Въ настоящее время она имѣетъ безъ одной четверти 26 аршинъ длины, почти 3 аршина ширины и $2^1/_2$ аршина (у изголовья) высоты.

Особенное множество могилъ святыхъ какъ въ самомъ городѣ, такъ еще больше того въ его окрестностяхъ, подало поводъ туземцамъ назвать городъ Самаркандъ именемъ „Чарбаги-Бузрукана“, т. е. „Садомъ угодниковъ“.

Изъ памятниковъ нерелигіознаго характера въ окрестностяхъ Самарканда имѣются еще такъ называемый лагерь Тимура и развалины Афросіаба.

Лагерь Тимура (скорѣе одинъ изъ загородныхъ

замковъ). находится въ 9 верстахъ отъ русскаго Самарканда, за Даргомомъ. въ степи, орошавшейся въ древнее время Манашемъ. близь Шахрисябскаго ущелья. на лѣвой сторонѣ ущелья Агалыка, противъ киплака Чанака. По своей формѣ этотъ лагерь представляетъ изъ себя четыреугольникъ около полуторы версты длины и одной версты ширины. Въ самомъ центрѣ его возвышается бугоръ Чунъ-чуль. господствующій надъ всей мѣстностью. На этомъ бугрѣ, говорятъ, стояла палатка Тимура, изъ которой онъ смотрѣлъ на парадировавшія передъ нимъ войска. Все пространство лагеря обнесено высокими глинобитными стѣнами. въ однихъ мѣстахъ совершенно уцѣлѣвшими. въ другихъ совершенно обвалившимися. Центральный бугоръ лагеря подвергался раскопкамъ извѣстнымъ романистомъ Всеволодомъ Крестовскимъ и, какъ говорятъ, раскрылъ передъ копателемъ фундаментъ какого-то зданія очень древней кладки.

Развалины Афросіаба находятся между арыками Сіабомъ и Сіабчей и представляютъ собой видъ неправильнаго четыреугольника. имѣющаго окого 5 верстъ въ окружности. Думаютъ. что городъ Афросіабъ это тоже, что городъ Мараканд. переименованный въ Афросіабъ. по имени своего строителя. иранскаго царя Афросіаба. хотя въ имени этого города нельзя не видѣть имени арыка Сіабъ, означающаго съ персидскаго на русскій языкъ черную воду („сія“—черный. „абъ“—вода). Но въ какомъ вѣкѣ жилъ этотъ царь и на сколько его существованіе неоспоримо. объ этомъ фактическихъ данныхъ мы не имѣемъ. Правда. туземные мусульманскіе ученые говорятъ. что, онъ царствовалъ за 4000 лѣтъ до Р. Х.; но тѣже туземные ученые утверждаютъ, что Афросіабъ былъ современникомъ Моисея и Александра Дзулькарнайна. т. е. Александра царя македонскаго. Говорятъ также. что Аф-

росіабъ уже черезъ 500 лѣтъ послѣ своего основанія былъ разрушенъ какимъ-то народомъ и съ тѣхъ поръ никогда болѣе не поднимался изъ подъ своихъ развалинъ. Но кто не знаетъ, какъ широка и какъ богата фантазія восточнаго человѣка, живущаго всегда больше воображеніемъ и творчествомъ, чѣмъ разсудкомъ и критикой? Одно здѣсь несомнѣнно, что тутъ дѣйствительно былъ нѣкогда городъ, судя по находимымъ въ городищѣ пережиткамъ человѣка. каковы: кремневыя стрѣлки. бронзовыя зеркала[1]), бронзовые предметы мужскихъ и женскихъ уборовъ. различные. металлическіе и глиняные, сосуды. всевозможныя монеты, разноцвѣтныя стекла. морскія раковины, погребальныя урны. глиняные свѣтильники. куски слюды. терракотовыя, съ изображеніемъ людей и животныхъ. фигурки. куски кирпича. древніе колодцы. развалившіеся могильники. намогильныя плиты. земляные валы. каменныя стѣны (близь мечети Шахъ-зинда), а также вблизи Афросіаба подземныя пещеры съ многочисленными внутри ихъ ходами. Произведенныя на развалинахъ Афросіаба археологическія изысканія привели пока къ открытію здѣсь двухъ эпохъ: эпохѣ греко-восточной послѣ Александра Македонскаго и эпохѣ Тимура[2]).

Не вдалекѣ отъ Афросіба. на лѣвомъ берегу рѣки Заравшана. имѣется еще такъ называемый мостъ Тимура. Мостъ этотъ состоитъ изъ двухъ кирпичныхъ арокъ. поставленныхъ подъ угломъ одна къ другой и, по совершенно справедливому объясненію начальника ирригаціи въ Самаркандѣ З. Э. Жижемскаго,

---

[1]) У капитана Л. С. Барщевскаго имѣется бронзовое зеркало, выкопанное имъ лично въ Афросіабѣ и имѣющее въ діаметрѣ 22 сантиметра. или безъ осьмой одну четверть аршина

[2]) *Русскія древности* Толстаго и Кондакова, С.П.Б., 1890, III, 26·

представляетъ изъ себя въ дѣйствительности не мостъ. а водораздѣлъ для упорядоченія теченія рѣки Зарав-шана. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что ниже этихъ арокъ открытъ былъ тѣмъ-же г-мъ Жижемскимъ въ руслѣ рѣки водосливъ. уничтоженный уже въ самое послѣд-нее время. Есть указаніе. что арки эти были возведены въ 1571 году при ханѣ Шадманъ-Маликѣ. изъ династіи Шейбанидовъ.

V.

Путь отъ Самарканда до Ташкента; переправа черезъ рѣку Заравшанъ; арбы, верблюды, ишаки: почва окружающей мѣстности, жилища обитателей. народность и значеніе слова сартъ, характеристика сартовъ, замкнутость женщинъ, значеніе поѣздки въ Среднюю Азію для всякаго русскаго ученаго человѣка, вліяніе востока на жизнь людей древней Руси.

Отъ Самарканда до Ташкента путешественникъ долженъ проѣхать на лошадяхъ 13 станцій—Джамбай. Каменный-мостъ. Сарайлыкъ, Яны-курганъ. Джизакъ. Учъ-Тюбе. Агачлы. Мурзарабадъ. Малекъ, Чиназъ. Иски-Ташкентъ и Ніазбашъ—на протяженіи 285 верстъ. за 25 рублей одинъ или за $12^1/_2$ съ попутчикомъ. если такой найдется. что. впрочемъ. всегда возможно. если объявить о томъ на станціи вольныхъ почтъ, находящейся рядомъ съ почтамтомъ и телеграфомъ. Всего лучше отправляться изъ Самарканда въ путь около 5 часовъ утра, въ тѣхъ видахъ. чтобы переправиться черезъ рѣку Заравшанъ. находящуюся верстахъ въ 8 выше Самарканда, во время незначительнаго въ нее прилива воды изъ горъ. Дѣло состоитъ здѣсь въ томъ. что эта рѣка. получая свои воды отъ таящихъ снѣговъ въ горахъ, въ жаркое время дня бываетъ полноводнѣе, въ прохладное мелководнѣе: за ночь она значительно понижается, и потому къ утру дѣлается болѣе удобною для переправы. чѣмъ въ другое время дня.

Пріятно путешественнику вылѣзти изъ закупореннаго ящика, называемаго вагономъ. и пересѣсть въ открытый тарантасъ. запряженный бойкою тройкой степныхъ азіатскихъ лошадей; при всемъ томъ и поѣздка въ открытомъ экипажѣ. если впереди предстоитъ перспектива проскакать 285 верстъ. едва-ли можетъ доставить пріятное удовольствіе. особенно въ лѣтній зной и подъ неумолимо палящими лучами средне-азіатскаго солнца. Но вся такая прелесть познается путешественникомъ только подъ конецъ дороги, а до тѣхъ поръ онъ весело вваливается въ крытый сзади и совершенно открытый спереди тарантасъ и со словомъ „айда“ пускается въ путь. Впереди тарантаса сидитъ ямщикъ. типичный киргизъ. въ типичной войлочной шапкѣ, покроя шапки на каменной бабѣ въ Новороссіи. Время отъ времени этотъ ямщикъ берется за небольшую темнаго цвѣта тыковку или синій пузырекъ, чаще всего висящій у него за поясомъ. рѣже спрятанный за пазухой. вытряхиваетъ изъ него на ладонь темно-зеленаго цвѣта табакъ и запихиваетъ этотъ табакъ въ ротъ подъ языкъ. долго жуетъ его во рту и потомъ выбрасываетъ вонъ изо рта. Эта страсть жеванія табаку между туземцами распространена повсемѣстно и вызываетъ у непривыкшаго къ такому зрѣлищу человѣка положительное отвращеніе.

Первое. что обращаетъ на себя особенное вниманіе путешественника. отъѣхавшаго нѣсколько верстъ отъ Самарканда. это переправа черезъ рѣку Заравшанъ. Рѣка Заравшанъ. у древнихъ писателей[1]) Политиметъ. т. е. Многопочтенная. имѣетъ

---

[1]) Страбонъ. Географія, Москва, 1879, 528; Арріанъ. Походы Александра, С П Б., 1837, 465; Quinti Curtii Rufi De rebus Alexandri Magni, Lipsiae. MDCCXLV, VII. 10, 1—3.

очень быстрое теченіе и разливается не однимъ, а нѣсколькими рукавами, съ значительными между ними промежутками совершенно свободными отъ воды. Доѣхавъ до рѣки, ямщикъ останавливается, приглашаетъ проѣзжающихъ вылѣзти изъ тарантаса и вынуть наружу всѣ свои вещи. Путешественники выходятъ изъ тарантаса и видятъ передъ собой необыкновенной высоты двухъ-колесныя арбы и возлѣ этихъ арбъ нѣсколько человѣкъ арбакешей. Арбакешъ бросается къ вещамъ путешественниковъ, поднимаетъ ихъ по лѣстницѣ на одну изъ арбъ, укладываетъ возможно плотнѣе одну возлѣ другой, увязываетъ тщательно веревками и потомъ, втиснувши лошадь въ оглобли, а самъ взобравшись ей на хребетъ, пускается вплавь черезъ рѣку. Вода въ рѣкѣ несется съ неимовѣрной быстротой и хотя нѣсколько относитъ арбу внизъ по теченію, но все-же не дѣлаетъ ей никакого вреда. Дѣло въ томъ, что арба эта, будучи поставлена на два колеса, изъ коихъ каждое имѣетъ въ окружности 15 аршинъ (въ обыкновенномъ колесѣ арбы 9 аршинъ) и надѣто на ось не прямо, а такъ, что нижняя часть его нѣсколько выступаетъ наружу, а верхняя вдавливается во внутрь.— такая арба и прекрасно сопротивляется теченію и прекрасно сохраняетъ вещи отъ подмочки водой. Въ слѣдъ за арбой плыветъ по рѣкѣ и тройка съ тарантасомъ, который почти подъ самую будку иногда заливается водой. Послѣ четверти часа времени путешественникъ переплываетъ рѣку Заравшанъ уплачиваетъ за переправу арбакешу 30 копѣекъ, вновь складываетъ свои вещи въ тарантасъ и продолжаетъ свой дальнѣйшій путь уже безпрепятственно до самого Ташкента. Зато сѣвши въ тарантасъ, онъ чувствуетъ себя нѣкоторое время въ чрезвычайно томительномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что отъ во-

ды, попавшей въ тарантасъ во время переправы, вслѣдствіе дѣйствія жгучаго солнца, отдѣляются пары, которые наполняютъ собой будку и поднимаютъ температуру, и безъ того высокую, до того предѣла, когда человѣкъ совсѣмъ задыхается и чувствуетъ какое-то особенно безпокойное томленіе во всемъ тѣлѣ. Но такое состояніе, къ счастью, продолжается неболѣе часу, послѣ чего путешественникъ приходитъ въ нормальное состояніе: тѣмъ болѣе, что теперь съ каждымъ шагомъ для него открывается масса новыхъ и любопытныхъ явленій.

Прежде всего бросается въ глаза путешественнику то, что онъ ѣдетъ нѣсколько верстъ по превосходнѣйшей аллеѣ, окаймленной глубокими арыками съ обѣихъ сторонъ, обсаженной съ обѣихъ же сторонъ двумя рядами тѣнистыхъ деревъ и въ добавокъ усердно политой арычною водой. Поливку эту производятъ, черпая воду желѣзными ведрами изъ арыковъ и выбрасывая ее на дорогу, босые, полуголые, совершенно бронзоваго цвѣта туземцы, одѣтые только отъ поясницы внизъ до колѣнъ, всегда съ гладковыбритыми головами, покрытыми такъ называемыми тюбетейками, по формѣ совершенно схожими со скуфьями нашихъ православныхъ священниковъ. Пріятная свѣжесть отъ воды и густая отъ деревьевъ тѣнь дѣлаютъ совершенно нечувствительною жару, дающую страшно себя знать въ открытой мѣстности Средней Азіи уже съ 9—10 часовъ утра. Особеенно цѣнно въ этомъ отношеніи дерево, носящее названіе карагача („кара“ —черный, „агач“ —дерево). По своему виду карагачи бываютъ двухъ родовъ — сада и бюджимъ: сада—это дерево съ круглой, въ видѣ шапки, но огромной по размѣрамъ коронкой; бюджимъ съ конусообразной, обращенной книзу, коронкой, нѣсколько меньшей по размѣрамъ:

но оба вида этого дерева отличаются такимъ обилі-емъ темнозеленыхъ листьевъ и такою густотою ихъ, что чрезъ вѣтви карагача не проникаютъ ни лучи солнца, ни капли дождя. Ставъ подъ вѣтви карагача, человѣкъ становится точно подъ зонтикъ огромныхъ размѣровъ и совершенно не боится здѣсь ни солнца, ни дождя.

Затѣмъ не менѣе самой аллеи, по которой несется путешественникъ отъ Самарканда впередъ къ Ташкенту, бросаются ему въ глаза цѣлыя вереницы библейскихъ животныхъ, излюбленныхъ всѣми восточными людьми, благородныхъ, смирныхъ и невзыскательныхъ верблюдовъ. Верблюды попадаются путешественнику и гораздо раньше не доѣзжая города Самарканда, но тамъ изъ оконъ вагоновъ всматриваться въ нихъ не столь удобно, какъ здѣсь, когда путешественникъ ѣдетъ на перекладныхъ, въ открытомъ тарантасѣ. Въ степной равнинѣ Средней Азіи преобладаютъ двугорбые верблюды, айры: одногорбые же, такъ называемые арды, составляютъ здѣсь рѣдкость: они, какъ говорятъ, употребляются для передвиженія тяжестей только въ горахъ. Двугорбые верблюды идутъ длиннѣйшими вереницами, одинъ за другимъ, обвѣшанные съ обоихъ боковъ квадратными тюками и различными товарами, всего чаще тюками хлопка, и предводимые вожатымъ (лауча), ѣдущимъ впереди верблюжьяго каравана на лошади или на ослѣ. Всѣ верблюды привязаны одинъ къ другому посредствомъ веревокъ, прикрѣпленныхъ однимъ концомъ или къ тюку или къ хвосту верблюда, а другимъ къ палкѣ, продѣтой поперекъ въ носовой хрящъ несчастнаго животнаго. Для того, чтобы сдѣлать дырку въ носу верблюда, ему съ раннихъ лѣтъ протыкаютъ раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ хрящъ и въ прожженную дырку вставляютъ палочку, которая

навсегда остается въ его носу и къ которой потомъ привязываютъ веревку для управленія имъ въ пути. Безъ сомнѣнія это—дикій и варварскій способъ приученія верблюда къ человѣку; несчастное животное, всегда по натурѣ своей пугливое, часто, идя въ караванѣ, бросается отъ боязни къ какому-нибудь невиданному имъ предмету и разрываетъ пополамъ весь свой хрящъ вмѣстѣ съ переносицей. Въ Бухарѣ прожиганіе переносицы верблюдамъ строго воспрещено, и виновники такого варварскаго способа приученія животныхъ наказываются тамъ лишеніемъ собственныхъ носовъ. Отъ того въ Бухарѣ на всѣхъ верблюдахъ имѣются вмѣсто палокъ уздечки, изукрашенныя иногда бляхами, обмотанныя ленточками и сверху увѣнчанныя, въ видѣ небольшихъ кисточекъ, конскими волосами и пучками травы.

Вереницы верблюдовъ то-и-дѣло тянутся по дорогѣ на встрѣчу проѣзжающимъ: уже издали можно узнать движеніе каравана верблюдовъ по особому, какому-то тупому и унылому, звону большихъ и длинныхъ (до полуторы четверти аршина длины) красной мѣди колоколовъ, подвѣшанныхъ подъ шеи верблюдовъ. Верблюды двигаются нескоро: тяжело передвигая свои ноги-толкачи съ мѣста на мѣсто, они какъ-то особенно важно выступаютъ, поднявъ кверху свои небольшія морды и нѣсколько вытянувъ впередъ свои длинныя шеи. Въ песчаной и голодной пустынѣ Средней Азіи верблюдъ съ его раздвоеннымъ копытомъ, съ его терпѣніемъ и удивительною выносливостью никѣмъ и ничѣмъ незамѣнимъ; пески—для него родная стихія, гдѣ онъ находитъ себѣ и мягкое ложе и вкусную пищу, а именно полынь и джантакъ—колючку; чрезъ эти-же пески онъ несетъ огромную тяжесть, совсѣмъ непосильную другимъ животнымъ. Одно только непріятно для культурнаго человѣка въ верблюдѣ: это

тотъ рѣзкій и специфическій запахъ. который онъ распространяетъ вокругъ себя.

Но на встрѣчу путешественника ѣдутъ по дорогѣ не только верблюды. но и лошади, и ишаки. Лошади здѣсь вовсе не отличаются тою породистостью, красотой и граціей. которую мы привыкли соединять съ представленіемъ среднеазіатскихъ коней; напротивъ того. невзрачный видъ мѣстныхъ лошадей даже поражаетъ европейца. Но еще больше того поражаетъ европейца обычай туземцевъ ѣздить верхомъ по два. даже иногда по три человѣка на одной лошади. Въ сѣдлѣ обыкновенно сидитъ одинъ человѣкъ. а за спиной его, держась за халатъ. сидитъ другой. чаще всего подростокъ 14. 15, 17 лѣтъ; оба въ длинно-полыхъ полосатыхъ халатахъ; оба въ тюбетейкахъ или въ коническихъ шапкахъ. а не то въ огромныхъ цвѣтныхъ чалмахъ. Не мало ѣдетъ людей и на ишакахъ. т. е. ослахъ. На это маленькое крохотное. но съ длинными ушами животное взберется огромнѣйшаго роста сартище въ длинномъ по самыя пятки халатѣ и въ огромной, точно половина ржанаго снопа. чалмѣ и ѣдетъ по дорогѣ. чуть не касаясь земли своими ногами: мало того, онъ посадитъ сзади себя еще порядочнаго мальчугана, пуда въ полтора тяжестью. и шествуетъ библейскимъ способомъ по узкой дорогѣ, стараясь ѣхать не только шагомъ, а даже и рысью. точно на какомъ-нибудь скакунѣ.

Двигаются на встрѣчу путешественника и двухъколесныя арбы, запряженныя всегда въ одну лошадь. Арба въ Средней Азіи вовсе не то, что арба въ Новороссіи или Малороссіи. Устройство ея слишкомъ просто: дѣлается обыкновенная деревянная лѣстница, три аршина длины и полтора (спереди) или два (сзади) ширины: одинъ конецъ этой лѣстницы переплетается хворостомъ. другой оставляется свободнымъ

отъ переплета; свободный конецъ служитъ вмѣсто оглобель, куда впрягается лошадь: переплетенный конецъ кладется на деревянную ось съ надѣтыми на нее двумя очень высокими (девять аршинъ въ окружности) колесами,—и арба готова. Для защиты отъ жары на такую арбу ставится иногда сквозная будка, открытая спереди и сзади, но защищенная сверху, а для красоты въ ней расписываются разными узорами и разными красками, преимущественно красной съ черной, наружнія стороны оглобель. Къ арбѣ не полагается ни дуги, ни шлеи, ни черезсѣдельника, ни длинныхъ возжей; самъ возница всегда помѣщается не на арбѣ, а непремѣнно на спинѣ лошади, гдѣ онъ устраиваетъ себѣ особое, въ видѣ сѣдла, углубленіе, а объ ноги уставляетъ на оглобли арбы. Устройство и форма арбы, какъ это можно положительно утверждать, не измѣнились въ Средней Азіи со времени потопа.—другого экипажа (ни фаэтона, ни брички, ни тарантаса, ни воза, ни телѣги) здѣсь нѣтъ и никогда не было: самъ ханъ передвигался со своимъ дворомъ и со всѣмъ своимъ гаремомъ въ тойже арбѣ первобытнаго устройства.

Отъ людей и животныхъ, встрѣчающихся по дорогѣ, путешественникъ переноситъ свое вниманіе на самую почву мѣстности. Почва эта—плодороднѣйшій, превосходнаго качества и невѣроятной глубины, лессъ. Онъ залегаетъ здѣсь иногда не только на нѣсколько аршинъ, а даже на нѣсколько саженъ (2—4) глубины. Отсюда понятно изумительное плодородіе этого лесса, если только онъ орошенъ посредствомъ арыковъ или искусственныхъ каналовъ проведенною изъ горъ водою. Какъ великъ бываетъ здѣсь урожай, видно изъ того, что туземецъ, обработавшій и засѣявшій свою миніатюрную полосу, собираетъ въ одинъ разъ столько хлѣба, что запаса отъ него стаетъ не

только на одинъ годъ. а на два и даже на три года. Превосходныя поля риса. сорго. хлопка, разнаго рода пшеницы (кизилъ-бугдай, акъ-бугдай, кара-сюллю. яцликъ), проса. джугары. кунака. джунушки (родъ люцерны). кунжута: прекрасные сады винограда. урюка, (абрикоса). тута. смоковницы. персиковъ. гранатовъ. яблокъ. грушъ. вишенъ. сливъ. сиджида, волошскихъ орѣховъ; изумительные лѣса тополей. карагачей. илимовъ, айлантусовъ (китайскій ясень), таловъ. шунгьи—все это свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ богатствѣ и плодородіи лесса.

Однако лессъ самъ по себѣ, безъ воды, былъ-бы мертвымъ капиталомъ въ этой странѣ. лишенной небесной и атмосферной влаги. Дѣло въ томъ. что страна эта съ начала апрѣля и по начало октября совершенно лишена всякаго дождя. и если въ это время случится дождь. то такое явленіе составляетъ событіе первой важности. которое бываетъ предметомъ разговора въ теченіи долгаго времени людей всякаго званія и состоянія. По этому естественная влага замѣняется въ Средней Азіи искусственной: здѣсь человѣкъ похитилъ воду съ горъ. какъ похитилъ онъ. по греческимъ миѳамъ. съ неба огонь: пропустивъ ее въ искуственныя канавы. величиной иногда съ цѣлую рѣку. обыкновенно же не болѣе 3 четвертей глубины и около одной четверти ширины, и опутавъ землю цѣлою системою этихъ канавъ. подобно живому организму со всѣми его кровеносными сосудами. венами и артеріями. человѣкъ обратилъ лессъ въ богатѣйшую и ничѣмъ незамѣнимую ниву. Это поистинѣ гигантская работа. стоющая сооруженія всѣхъ египетскихъ пирамидъ и дающая полное право сказать. что человѣкъ побѣдилъ природу въ Средней Азіи.

На почвѣ благодатнѣйшаго лесса. въ тѣни роскошной растительности. у свѣтлыхъ текучихъ водъ

Заравшанской долины уже во время Александра Македонскаго (IV в. до Р. Х.) существовало множество городовъ и селеній. Теперь въ тѣхъ же мѣстахъ. по дорогѣ отъ Самарканда до Ташкента. существуетъ также не малое число селеній. называемыхъ на туземномъ языкѣ кишлаками. Кишлаки эти обилуютъ довольствомъ. обилуютъ населеніемъ. но при всемъ томъ производятъ на человѣка. выросшаго въ европейской культурѣ. и мрачное и давящее впечатлѣніе. Дворы въ кишлакахъ обнесены высокими дувалами, т. е. глинобитными сѣраго цвѣта стѣнами; дома спрятаны въ самомъ концѣ дворовъ и на улицу вмѣсто домовъ выдвинуты конюшни: крыши жилья вмѣсто теса. желѣза. черепицы или соломы. всѣ безъ исключенія, покрыты сѣрой глиной; ворота (совершенный прототипъ великорусскихъ досчатыхъ съ крышей воротъ) подняты выше дуваловъ и поверхъ покрыты деревянной крышей; улицы протянуты до невозможности криво. стороны улицъ сходятся до невозможности близко.

Такое-же впечатлѣніе, какъ жилища. производятъ, за немногими исключеніями, и самые обитатели ихъ; недаромъ-же говорятъ. что на архитектурѣ народа сказывается характеръ его. Обитатели эти носятъ названіе сартовъ.

Русскій путешественникъ, изъѣздившій сѣверную, среднюю. южную и западную Россію. побывавшій въ Финляндіи, Польшѣ. Малороссіи, на Кавказѣ и въ Сибири. нигдѣ не услышитъ слова „сартъ“.—впервые онъ встрѣтитъ это слово, въ примѣненіи къ пѣлому народу, только въ Средней Азіи.

Корень и значеніе этого слова остается до сихъ поръ неразгаданнымъ, не смотря на то. что въ объясненіи его принимали участіе люди какъ спеціально призванные къ тому наукой. такъ и случайно заявив-

шіе себя въ ней. Но намъ кажется, что этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ единственно потому, что ни одинъ изъ тѣхъ, кто пытался объяснить значеніе слова „сартъ“, не приложилъ въ этомъ случаѣ надлежащаго пріема. Пріемъ-же этотъ долженъ быть чисто историческій: мы обязаны прежде всего допросить на этотъ счетъ древнихъ писателей, и потомъ уже, на основаніи ихъ показаній, дѣлать такія или иныя заключенія.

Изъ древнѣйшихъ писателей, жившихъ до Р.Х. и нѣсколько спустя послѣ Р. Х.. Страбонъ, Арріанъ, Птоломей и Марцеллинъ, даютъ намъ указанія о рѣкѣ Яксартѣ и о народахъ яксартахъ, жившихъ по берегамъ этой рѣки[1]). Страбонъ говоритъ, что рѣка Яксартъ служила границей между согдіанами и номадами: Арріанъ передаетъ, что названіе рѣки Яксартъ не греческое, а заимствованное греками отъ туземцевъ—варваровъ; Птоломей разсказываетъ, что по рѣкѣ Яксарту жилъ большой народъ яксарты, доходившій до того мѣста рѣки, гдѣ она, близъ Тапурскихъ горъ, уклоняется отъ своего теченія: „Потомъ послѣ (аорсовъ) живетъ великій народъ яксартовъ, возлѣ рѣки этого-же имени, вплоть до того мѣста, гдѣ она, вблизи Тапурскихъ горъ, уклоняется отъ своего теченія“. Амміанъ Марцеллинъ, говоря о рѣкѣ Яксартѣ, протекающей вдоль области Согдіаны, въ тоже время говоритъ и о народахъ, жившихъ въ бассейнѣ этой рѣки, каковы: яксарты, саки, галактофаги и другіе.

Обращаясь къ источникамъ послѣ Р.Х., а именно

---

[1]) Арріанъ. Походы Александра, С.П.Б., 1837, 461; Claudii Ptolemaei Geographiae, Edit Vilberg, 1838, 427; Географія Страбона, Москва, 1879, 517, 521, 524, 527, 523.

начиная съ XIII вѣка, мы находимъ въ примѣненіи къ народу уже слово не „як-сарты“, а короче „сарты“. Первое извѣстіе (1246) о сартахъ находимъ у итальянскаго путешественника Плано Карпини, который, перечисляя имена туземцевъ. живших въ Средней Азіи и покоренныхъ татарами, называетъ между прочими и сартовъ[1]); затѣмъ названіе „сартъ“ мы встрѣчаемъ послѣдовательно какъ у многихъ восточно-мусульманскихъ, такъ и у нѣкоторыхъ православно-русскихъ писателей[2]): Рашидъ-Эддина (XIII), Тимуръ-хана или Тамерлана (XIV), Миръ-Ашира (XV), Захируддинъ-Бабура (XV—XVI). Абуль-Гази (XVII), Романа Старова и Ивана Гречанинова (XVII). Шубая Арасланова, Мансура Юсупова и Семена Дроздова (начала XVIII), врача Бланкеннагеля (конца XVIII) и наконецъ полковника Данилевскаго (начала XIX).

О племенномъ происхожденіи сартовъ существуетъ нѣсколько, болѣе или менѣе приближающихся одно къ другому, мнѣній. Таковы: 1) сарты—это таджики, издавна обитавшіе въ Туркестанскомъ краѣ, жившіе главнымъ образомъ въ равнинѣ праваго берега рѣки Сыра, перемѣнившіе свой родной языкъ иранскій на турецкій и отъ турокъ усвоившіе себѣ названіе: 2) сарты—осѣдлый народъ. включавшій въ себя арійскихъ таджиковъ. татарскихъ узбековъ и другихъ народовъ; 3) сарты—осѣдлое населеніе городовъ и деревень Туркестанскаго края, безъ различія ихъ народности; 4) сарты - горожане, строго отличающіеся отъ казаковъ, кочующаго племени, занимающіеся земледѣліемъ, торговлею и ремеслами: 5) сарты—собира-

---

[1]) Плано Карпини. Путешествія къ татарамъ. С.П.Б , 1825, 191.

[2]) Остроумовъ. Сарты, Ташкентъ, 1890, 4—9; Автобіографія Тамерлана, переводъ Лыкошина, Ташкентъ, 1892.

тельное имя, подъ которымъ скрываются таджики. узбеки, татары, киргизы, таранчи, перемѣнившіе свой кочевой образъ жизни на осѣдлый; 6) сарты — смѣсь иранцевъ съ узбеками и киргизами, совершенно отличающіеся отъ таджиковъ; 7) сарты—это смѣшанный типъ, большею частью съ монгольскою кровью: 8) сарты — это смѣшанная раса съ преобладаніемъ, однако, иранскаго элемента.

Сводя къ общему всѣ мнѣнія о народности сартовъ, мы видимъ. что большинство этихъ мнѣній и притомъ мнѣній, принадлежащихъ людямъ наиболѣе авторитетнымъ, говоритъ за арійское или иранское происхожденіе сартовъ[1]). Это мнѣніе намъ кажется вполнѣ справедливымъ. и потому мы принимаемъ его какъ за доказанную истину.

Почти столько же существуетъ мнѣній и относительно названія „сартъ“. По одному мнѣнію. сартъ киргизское слово, происшедшее или отъ „сары-итъ“, что значитъ „желтая собака“, или отъ слова „сартъ“. означающаго особаго рода звѣрька. изъ котораго прибрежные жители Сыра дѣлали себѣ шапки и по тѣмъ шапкамъ получили прозваніе сартовъ; по другому мнѣнію. сартъ есть китайское слово „сэръ“ отъ слова „сэ“—шелкъ, производствомъ котораго по преимуществу занимались жители Трансоксаніи и отъ того занятія усвоившіе себѣ названіе; по третьему мнѣнію, сартъ значитъ старьевщикъ; по четвертому, сартъ — бранное слово. означающее дурнаго человѣка. барышника. труса, бабу, нѣженку; по пятому мнѣнію, сартъ— испорченное киргизское слово „шартлы“, что значитъ „обязанный исполненіемъ извѣстныхъ условій“; по

---

[1]) Каковы: Федченко, Хорошхинъ, Уйфали, Вамбери, Миддендорфъ, Реклю, Лерхъ.

шестому мнѣнію, сартъ—тоже, что древнее иранское слово „ксатра“, т. е., городъ, съ мѣстоименною приставкою спереди слова въ видѣ „я“, что въ общемъ означаетъ „человѣка, принадлежащаго къ городу“ [1]).

Весь этотъ лабиринтъ мнѣній явился, разумѣется, вслѣдствіе того, что сарты, какъ и многіе другіе народы, не оставили у себя первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ, которые могли бы устранить всякія произвольныя догадки на счетъ происхожденія и имени ихъ. Многіе изъ толкователей слова „сартъ“, нестѣсняемые никакими историческими указаніями, подыскивали въ разныхъ языкахъ однозвучныя слова со словомъ „сартъ“ и тотъ же часъ, такъ сказать. сцѣпляли эти слова другъ съ другомъ. Но это, разумѣется, также научно, какъ научно сближеніе слова „казакъ“ со словомъ „козерогъ“, или русскаго „парень“ съ греческимъ „Парисъ“.

При объясненіи слова „сартъ“ надо брать во вниманіе свидѣтельство Клавдія Птоломея и Амміана Марцеллина, которые говорятъ о народѣ яксартахъ, жившемъ по рѣкѣ Яксарту. Въ этомъ-то указаніи древнѣйшихъ писателей, какъ намъ кажется, и заключается вся разгадка слова „сартъ“. Очевидно, что дѣло здѣсь идетъ отъ рѣки Яксарта и представляется намъ въ такомъ видѣ: сперва прибрежный житель рѣки Яксарта на вопросъ, откуда онъ. могъ говорить: „Я съ Яксарта“, а потомъ короче: „Я яксартъ, я сартъ“. А что рѣки давали и даютъ названія для цѣлаго народа, тому примѣровъ много видимъ мы во всемірной исторіи, въ частности въ исторіи славянъ вообще и русскихъ въ особенности: борисѳениты (Борисѳенъ рѣка), секваны (Секвана или Сена рѣка),

---

[1]) Н. П. Остроумовъ. Сарты, Ташкентъ, 1890, 1—28. 33.

мороване (Морава рѣка), бужане (Бугъ рѣка), суличи (Сула рѣка), волховитяне (Волховъ рѣка), суздальцы (Суздаль рѣка), по-рсане или по-ршане (Рось рѣка), московитяне (Москва рѣка), волгаре (Волга рѣка); наконецъ въ наше время говорятъ: вологжане (Вологда рѣка), заволжане (Волга рѣка), кубанцы (Кубань рѣка), уральцы (Уралъ рѣка), донцы (Донъ рѣка) и т. п.

Но отъ чего-же сама рѣка получила свое названіе Яксарта? Если мы признаемъ, на основаніи большинства мнѣній, что сарты-народъ арійскаго происхожденія и если мы вполнѣ довѣримся Арріану, что слово Яксартъ, „варварскаго“, т. е. туземнаго или арійскаго происхожденія, то въ такомъ случаѣ отвѣтъ на данный вопросъ нужно искать въ одномъ изъ арійскихъ языковъ. Намъ неизвѣстно доподлинно, на сколько свѣдущъ въ знаніи восточныхъ языковъ нѣмецкій ученый Валь, но онъ утверждаетъ, что названіе рѣки „Як-сартъ“ составлено изъ двухъ словъ „яка“—рѣка и „сартъ“—поперсидски „холодный ледяной, замерзшій“[1]). Подтвержденіе этого объясненія находимъ въ краткомъ словарѣ проф. Коссовича, составленномъ имъ къ четыремъ статьямъ Зендъ-Авесты: въ немъ слово „сарта“ (sarêta) переводится также въ значеніи „холодный“ (нѣмецкое kalt). а „як“ (jac) приведено только какъ корень въ значеніи „стремиться“, но не приведено, вслѣдствіе краткости словаря, отъ этого корня существительнаго имени[2]); зато въ настоящее время у персовъ мы знаемъ слово „яка“ (съ твердымъ, какъ бы двойнымъ „к“) въ значеніи „берегъ“.

Правдоподобно-ли такое объясненіе названія рѣки

---

1) Allgemeine Beschr. des Persisch. Rechts, 3 Abschn.

2) Труды восточ. отдѣл. археол. общ., VIII, 223, 213.

или нѣтъ, но оно. по крайней мѣрѣ, совершенно совпадаетъ со свойствами ея. Дѣло состоитъ въ томъ, что эта рѣка въ зимнее время замерзаетъ почти до Ходжента и потому для людей. вышедшихъ изъ болѣе теплыхъ мѣстъ и поселившихся въ ея бассейнѣ, она могла дѣйствительно назваться Яксартомъ, т. е. Холодною рѣкой.

Относительно національности сартовъ нужно сказать, что это народъ несомнѣнно иранскаго происхожденія, хотя съ примѣсью. и то сравнительно болѣе поздняго времени, тюркско-монгольскаго элемента; отступленія отъ этого типа говорятъ лишь въ пользу подмѣси чуждой крови въ кровь сарта. Языкъ сартовъ тюркскій. но отличающійся отъ узбекскаго и киргизскаго. и извѣстный подъ именемъ сартъ-тили[1]).

Предѣлы распространенія сартовъ — главнымъ образомъ древній Маураннагръ или Трансоксанія, потеперешнему Сыръ-Дарьинская область, часть Ферганской и часть Аму-Дарьинскаго отдѣла.

По внѣшности сарты довольно представительны: они нѣсколько выше средняго роста. на видъ смугловаты. иногда совершенно бронзовы. нѣсколько сухи, всегда стройны. имѣютъ лицо большею частью продолговатое. глаза карiе. носъ прямой. голову небольшую круглую. брови густыя дугообразныя. руки и ноги небольшихъ размѣровъ; носятъ длинныя бороды (сакалъ); всѣ. безъ исключенія. брѣютъ головы, надѣваютъ довольно узкихъ размѣровъ. обыкновенно ситцевыя и рѣже холщевыя штаны. поверхъ штановъ одѣваются въ два просторныхъ халата (тунъ); на головѣ имѣютъ или расписную узорчатую тюбетейку (тюпе) или бѣлую красиво свороченную чалму (салля); на

---

[1]) Миддендорфъ. Очерки Ферганской области. СПБ., 1882, 409 и др.

ноги надѣваютъ высокіе сапоги (махсы) непремѣнно со вставленными на ихъ задкахъ небольшими кусками зеленой юфты (булгаръ:) къ сапогамъ у достаточныхъ людей непремѣнно полагаются кожаныя на высокихъ каблукахъ калоши (каушъ). По характеру своему сарты хитры, лѣнивы, скупы. иногда даже скаредны, корыстолюбивы; они довольствуются ничтожнымъ количествомъ пищи, одною—двумя лепешками (нонъ) да нѣсколькими фруктами въ теченіи всего дня. а больше всего—любимымъ напиткомъ чаемъ. который пьютъ и дома, и въ лавкахъ, и въ чай-ханахъ, большею частію безъ сахару и безъ хлѣба. Они питаютъ особенную страсть къ базару и къ торгашеству, и если какой-нибудь изъ нихъ имѣетъ рубль или два, а тѣмъ болѣе пять или десять рублей, то въ такомъ случаѣ онъ считаетъ себя уже баемъ, т. е. богатымъ купцомъ, и открываетъ торговлю въ лавченкѣ (дуканъ) при собственномъ домѣ. Путешественникъ, проѣзжающій отъ Самарканда до Ташкента, вездѣ видитъ одну картину: у открытой лавченки. вмѣщающей въ себя на грошъ товару. на разостланной кошмѣ или буйрѣ лежитъ на боку сартъ и пьетъ изъ піалы. т. е. большой безъ блюдечка чашки (подобіемъ и иногда размѣромъ нашей чайной полоскательной чашки) чай. а противъ него. также въ полулежачемъ состояніи. бренчитъ на двухъ—струнной домбрѣ доморощенный музыкантъ; время отъ времени къ каждому изъ двухъ валяющихся на кошмѣ сартовъ подходитъ третій и предлагаетъ имъ длинную трубку,—это называется подносить чилимъ. Сартъ рѣдко сдвинется со своего мѣста. если къ нему даже обратиться съ какимъ-либо вопросомъ; только увидя передъ собой какого-нибудь баши или улуга, т. е. начальника или власть, онъ встанетъ на ноги и сдѣлаетъ. смотря по рангу начальствен-

наго лица. большой или малый кулдукъ. т. е. или сложитъ руки на нижней части живота (хватаясь руками, точно у него болитъ животъ), или же приложитъ одну правую руку къ верхней части груди. Самая лавченка сарта, въ которой вмѣщается его копѣечный товаръ, не стоитъ свыше трехъ—пяти рублей; это самый простой и незатѣйливый навѣсъ. спереди поддерживаемый двумя столбами. сверху крытый землей и по бокамъ обставленный циновками, или такъ называемыми чіями. особымъ стеблевиднымъ безъ узловъ растеніемъ связывающимся при помощи шерстяныхъ нитокъ.

Напрасно путешественникъ сталъ-бы искать среди этого празднаго и лѣниваго базарнаго пейзажа сартовскихъ женщинъ: онѣ находятся въ полномъ смыслѣ взаперти у своихъ мужьевъ; для нихъ во дворахъ отведены даже особыя помѣщенія. находящіяся въ самомъ заднемъ и отдаленномъ углу усадьбы и называемыя посартовски ичкари. Если же онѣ иногда и показываются на улицахъ. то. во-первыхъ. не иначе. какъ съ позволенія своихъ мужьевъ. а во-вторыхъ. съ ногъ до головы закутанныя въ фаранджи (женскій халатъ) и завѣшанныя въ чашмъ-бандъ (конскаго волоса сѣтка). И вблизи и издали это выходитъ то, что мы привыкли въ Великороссіи называть огороднымъ пугаломъ, а въ Малороссіи опудаломъ на горохъ. Грустно дѣлается на сердцѣ у европейца—путешественника при видѣ такого чудовищнаго эгоизма восточнаго человѣка-мусульманина. осудившаго свою женщину на вѣчное заточеніе и абсолютное рабство. лишивъ ее свѣта, жизни и мірскихъ удовольствій. Половина человѣческаго рода совсѣмъ отстранена отъ міровыхъ событій. отъ поэзіи. музыки. художества. скрашивающихъ мрачныя стороны человѣческой жизни и развивающихъ въ

человѣкѣ тонкій вкусъ и возвышенныя чувства. Магометъ былъ безспорно великій законодатель и геніальный человѣкъ, но своей религіей онъ наложилъ печать страшнаго гнета и жестокаго деспотизма на всѣхъ своихъ послѣдователей. Особенно безотрадно бываетъ русскому человѣку проѣзжать сартовскіе кишлаки въ вечернее время, по заходѣ солнца: въ матушкѣ Россіи въ это время слышишь пѣсни, музыку, шутки, остроты, прибаутки, видишь пляски, игры, хороводы; не то въ сартовскихъ поселкахъ: въ вечернее время здѣсь ни живой души, ни живаго слова, ни живаго звука; все скрылось за свои высокія, точно въ мрачномъ острогѣ, стѣны и все попряталось за свои досчаныя, покрытыя непроницаемой крышей, точно въ неприступномъ замкѣ, ворота. Только и жизни, только и веселья, что въ чай-ханахъ, но опять таки безъ участія женщинъ...

Грустная картина! А между тѣмъ картина эта въ половину родная намъ. Вѣдь наши древніе предки немало чего заимствовали съ востока и занесли въ нашу древнюю Русь. Заимствованіе это во-очію бросается всякому русскому путешественнику, ѣдущему по людным и не людным дорогамъ Средней Азіи. Тутъ онъ можетъ увидѣть и длиннополые кафтаны, столь дорогіе нашимъ предкамъ до—петровскаго времени; тутъ онъ увидитъ такіе-же точно сапоги, сдѣланные изъ цвѣтной юфты, съ неимовѣрно высокими и неимовѣрно острыми, какъ хвостъ большой груши, каблуками, подобные тѣмъ, какіе хранятся, подъ именемъ сапогъ царя Михаила Ѳедоровича, въ Москвѣ, въ домикѣ Романовыхъ, на Варваркѣ: тутъ же онъ увидитъ такъ называемыя намитки, головной уборъ, теперь совсѣмъ почти вышедшій изъ употребленія у нашихъ малороссіянокъ, но весьма распространенный у киргизокъ: тутъ онъ увидитъ прототипъ нашихъ

великороссійскихъ деревенскихъ дворовъ съ ихъ высокими непроницаемыми заборами. съ еще болѣе высокими досчаными воротами и съ большими избами. спрятанными внутри дворовъ; здѣсь онъ услышитъ звуки такъ называемой домбры. въ наше время совсѣмъ неизвѣстнаго музыкальнаго инструмента. но въ древней Руси повсемѣстно распространеннаго и называемаго обыкновенно во множественномъ числѣ домрами; здѣсь передъ нимъ образецъ нашихъ священническихъ скуфеекъ. именуемыхъ туземцами тюбетейками и совершенно похожихъ по формѣ своей. а иногда и по цвѣту своему со скуфьями на православной Руси; здѣсь передъ нимъ повсюду верховая ѣзда. распространенная гораздо больше, чѣмъ экипажная, предпочитаемая на всемъ востокѣ и въ такой-же мѣрѣ предпочитавшаяся въ древней Руси: здѣсь передъ его глазами въ полномъ развитіи затворничество женщинъ, извѣстное и нашимъ древнимъ предкамъ, но не извѣстное намъ со времени Петра Великаго; здѣсь у туземцевъ онъ увидитъ тѣ-же широкіе пояса, какіе носились нашими казаками въ Запорожьѣ. и тотъ-же обычай держать за поясами разные предметы первой необходимости — табакъ. огниво. деньги, платокъ. чай, сахаръ и т. п. А сколько словъ услышитъ здѣсь русскій человѣкъ. привыкшій съ дѣтства считать ихъ чисто русскими. но въ дѣйствительности оказывающимися занесенными на Русь съ дальняго востока. Вотъ для примѣра первыя попавшіяся слова: алмазъ. амбаръ, атласъ. арба. арканъ. базаръ. байдакъ (слово извѣстное въ Запорожьѣ въ смыслѣ бобыль. одинокій. сокращенно байда). балыкъ (рыба вообще). башка (башъ-голова). беркутъ (буркутъ-порода орла). бирюза, бронза (бринджъ). богатырь (батырь). буранъ, бурдюкъ, бурьянъ (бурганъ — полынь; въ Малороссіи высокая сорная трава), вьюкъ (юкъ), гаманъ (гаміанъ-

кошелекъ: слово извѣстное во всей Малороссіи). гарманъ (хырманъ; слово извѣстное во всей Новороссіи въ смыслѣ каменнаго катка, которымъ молотятъ на току); гитара (дутаръ): джура или чура (џжура-другъ; или ч—урау каракиргизовъ оруженосецъ, слово извѣстное во всемъ Запорожьѣ въ смыслѣ оруженосца или прислужника при начальственномъ лицѣ), томры (домбра-музыкальный инструментъ, родъ двухъ-струнной балалайки: слово извѣстное всей древней Руси): изумрудъ (зумурра(ъ). изюмъ (узюмъ), казна (хазна), казанъ. камзомъ (камзуръ калоши (кавишъ), капканъ (кабканъ-ловушка). каунъ (дыня: слово извѣстное во всей Малороссіи въ смыслѣ арбуза), камышъ, каванъ. карій (кара-черноглазый, вороной), караулъ. кизякъ (тизякъ: ово из-вѣстное во всей Малороссіи). кисетъ (киса-мѣшечекъ): кишло (кишлакъ у запорожцевъ въ смыслѣ людnаго мѣста); лалы (лялъ-рубинъ: слово извѣстное древней Руси): лелека. (лейлякъ-аистъ. слово извѣстное во всей Малороссіи): пилавъ (палау): очагъ (учакъ); пулы (пулъ-деньги; слово извѣстное древней Руси): ракія (аракъ-водка; слово извѣстное въ Запорожьѣ), сапетъ (саватъ-корзина; слово извѣстное во всей Новороссіи), серьга (исерьга). сурьма. сундукъ (сандукъ), тамга. торба (торба-сумка: слово извѣстное во всей Малороссіи); тесьма (тэсма): тирликъ (потникъ; слово извѣстное всей древней Руси): туманъ, тютюнъ (собственно значитъ дымъ. у малороссовъ табакъ): тюфякъ (тюшакъ). хомутъ (хамутъ). цифра (сифръ). чугунъ (чуянъ). шатеръ (чадыръ). шептала (шафталу-персикъ). штаны (иштанъ). яралашъ (аралашъ путаница, безпорядокъ), яръ (оврагъ, обрывъ).

Вліяніе востока на древнюю Русь такъ велико, что этотъ вопросъ могъ бы составить цѣлый трактатъ для самаго серьезнаго изслѣдователя древнерусской старины, исторіи и литературы. Если начи-

нать русскую исторію, то начинать ее съ Азіи. а не съ Европы, и если посылать куда молодыхъ ученыхъ, посвятившихъ себя изученію русской исторіи, то посылать ихъ прежде всего въ Среднюю Азію и только потомъ въ Западную Европу. Въ Азію-же не мѣшало бы также направиться и тѣмъ изъ нашихъ ученыхъ. которые отрицаютъ или, по крайней мѣрѣ, весьма мало придаютъ значенія вліянію востока на древнюю жизнь древней Руси.

VI.

Ущелье Джиланъ-уте, Ворота Тимура, надписи на камняхъ у Воротъ Тимура 1425, 1571 годовъ: рѣка Сангзарь; городъ Джизакъ и его краткая исторія. Голодная степь и ея обитатели, преданія объ Александрѣ Македонскомъ, степные колодцы сардабы. преданія объ Абдуллѣ-ханѣ: рѣка Сыръ-Дарья; древніе насельники бассейна Сыръ-Дарьи, гибель отъ нихъ Кира, царя персидскаго; переправа Чиназъ и станція Иски-Ташкентъ.

Но почтовый тарантасъ катитъ все дальше и все дальше удаляется отъ Самарканда, но зато все ближе подходитъ къ Ташкенту. Уже давно прекрасная тѣнистая аллея смѣнилась открытою, пыльною, знойною и удушливой дорогой; уже много разъ смѣнялись и лошади, и ямщики, и станціи. Порядки и здѣсь таковы, какъ на Руси; тотъ-же узаконенъ и обычай подачки ямщику, называемый только здѣсь терминомъ силяу, что значитъ вообще подарокъ.

Пробѣжавъ много верстъ по гладкой и однообразной равнинѣ, путешественникъ, наконецъ, послѣ станціи Яны-Кургана („Новая-Крѣпость"), въѣзжаетъ въ узкое и каменистое ущелье, носящее названіе Джиланутинскаго, т. е. змѣевидной дороги отъ тюркскихъ словъ „джилянъ" змѣя и „уте"—прошелъ, прошла. Устье этого ущелья носитъ названіе Воротъ Тимура. Мѣстное преданіе говоритъ, что когда Тимуръ шелъ со своими войсками изъ глубины Азіи въ Европу и встрѣтилъ на своемъ пути Джаланту-

тинъ, то гора сама собой разступилась передъ нимъ и образовала широкое ущелье для прохода его громадныхъ полчищъ. И точно. устье этого ущелья издали кажется большими воротами. отъ которыхъ отдѣляются по бокамъ громадные выступы. какъ-бы для навѣшиванія на нихъ двухъ створокъ. То – естественные каменисто-желѣзистаго цвѣта устои, отдѣляющіеся отъ горъ и выступающіе другъ противъ друга впередъ.

Противъ этихъ воротъ, на большомъ утесѣ, на высотѣ осьми аршинъ отъ земли. выбиты. по арабски, двѣ надписи; первая относится къ 1425, вторая къ 1571 году нашего лѣтосчисленія. Вотъ содержаніе ихъ.

„Съ помощью Господа Бога его высочество великій султанъ. покоритель царей, народовъ. тѣнь божія на землѣ. подпора постановленій сунны и закона божескаго, государь, вспомоществующій вѣрѣ, Улугъ-Бекъ-Гурганъ — да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленія — предпринялъ походъ въ страну Джетовъ[1]) и Моголовъ, и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ. Въ восемь сотъ двадцать осьмомъ новолунномъ годѣ“.

„Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанямъ на сушѣ и на водѣ. что въ девять сотъ семьдесятъ девятомъ году происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилища халифатства, тѣни Всевышняго, великаго хакана Абдулла-хана. сына Искандеръ-ханова, въ тридцать тысячъ боеваго люда, и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей; сказаннаго отряда было всего:

---

[1]) Джеты обитатели Моголистана. преимущественно нынѣшней Семиреченской области съ Ауліе-атинскимъ уѣздомъ Сыръ-Дарьинской области.

родичей султановыхъ до 50 человѣкъ и до 400,000 служилаго люда изъ Ташкента, Туркестана, Ферганы иДештъ-Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду: побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ теченіи одного мѣсяца, въ рѣкѣ Дизахской на поверхности воды текла кровь. Да сдѣлается это извѣстнымъ“ [1]).

Проѣхавъ еще нѣсколько станцій, переправившись черезъ извилистую, свѣтлую горную рѣку Сангзаръ (правильнѣе Сангзаръ, персидское слово, составленное изъ окончанія „зар“, означающаго мѣсто изобилующее тѣмъ, что выражено въ переднемъ словѣ, и „сангъ“—камень: отсюда Сангзаръ рѣчка особенно каменистая), путешественникъ наконецъ прибываетъ въ уѣздный городъ Джизакъ (правильнѣе Дизахъ, что съ арабскаго значитъ адъ) и здѣсь даетъ себѣ болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ.

Джизакъ—мѣсто историческое. Если вѣрить нѣкоторымъ изслѣдователямъ, здѣсь стоялъ древнѣйшій городъ Газа, чрезъ который проходилъ съ своимъ ополченіемъ въ IV в. до Р. Х. Александръ, царь македонскій. Но если извѣстіе о Джизакѣ до Р. Х. подвержено сомнѣнію, то указанія на него послѣ Р. Х. внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, въ XI вѣкѣ Джизакъ (подъ именемъ Дизака) извѣстенъ былъ арабскому писателю Ибнъ-Хаукалу, а въ XIII вѣкѣ армянскому историку Каракосу Гандзакеци: чрезъ этотъ городъ проѣзжалъ армянскій князь Гетумъ въ ставку Батыя

---

[1]) Лерхе. Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край, С.-Петербургъ, 1870, 28, 31.

и Мангу-хана[1]). Въ 1497 году у Джизака былъ убитъ бухарскій ханъ Абдуллъ-Мумынъ, возвращавшійся съ похода противъ двоюроднаго брата своего, Узбекъ-хана, правившаго въ Аксы. Въ томъ-же году братъ Шейбани-хана, впослѣдствіи властитель бухарскаго ханства, Султанъ-Махмудъ. сдѣлалъ набѣгъ на бухарскія владѣнія при жизни послѣдняго Тимурида, Байсанкуръ-мирзы, и дошелъ было уже до Джизака, но здѣсь потерпѣлъ неудачу и отступилъ назадъ.

Исторія Джизака болѣе всего связана съ исторіей кокандскаго ханства: входя въ составъ бухарскаго ханства, Джизакъ всегда представлялъ изъ себя предметъ желаній для кокандскихъ хановъ. Отсюда цѣлый рядъ набѣговъ со стороны кокандскихъ властителей на Джизакъ. Въ 1778 году въ Джизакѣ нашелъ себѣ пріютъ противникъ кокандскаго хана Нарбуты Худаяръ-бій; тутъ-же и въ это-же время проживалъ престарѣлый отецъ Худаяръ-бія. Пазыль-бій; отсюда-же Худаяръ-бій, съ благословенія своего отца, ходилъ на города Ура-Тюбе и Ходжентъ. Въ 1809 году къ Джизаку приходилъ кокандскій властитель Алимъ-ханъ. чтобы вырвать его изъ рукъ бухарскаго эмира, Хайдара; добравшись до Джизака и узнавши, что вмѣсто эмира, отступившаго отъ города, въ немъ находился намѣстникъ его, Алимъ-ханъ обложилъ городъ, но послѣ неудачи снялъ осаду и ушелъ въ Кокандъ; черезъ годъ послѣ этого жители Джизака уже сами выступили изъ своего города для того, чтобы помочь жителямъ Ура-Тюбе, осажденнымъ Алимъ-ханомъ.

---

[1]) Исторія монголовъ. Перевод Патканова, С.-Петербургъ, 1874, 48; Séographie d'Aboulféda, Paris, 1848; II, 224.

Въ 1816 году къ Джизаку съ завоевательными цѣлями приходилъ Омаръ-ханъ, скоро, впрочемъ, возвратившійся въ свой Кокандъ. Въ 1818 году подъ Дзизакъ снова явился Омаръ-ханъ, продержавшій городъ въ осадѣ сутки. но потомъ безуспѣшно вернулся назадъ; черезъ два года послѣ этого тотъ-же Омаръ-ханъ въ третій разъ приходилъ подъ Джизакъ, но и на этотъ разъ, простоявъ здѣсь около двухъ недѣль, вернулся въ Кокандъ. потерявъ много людей и лошадей. Въ 1840 году подъ Джизакъ имѣлъ идти походомъ, всего лишь со ста человѣками нукеровъ, кокандскій ханъ Мадали, но, убѣжденный своими приближенными, во время ушелъ въ Ура-Тюбе, а оттуда черезъ Ходжентъ въ Кокандъ, оставивъ свои войска на произволъ судьбы. Въ 1843 году изъ Джизака посланъ былъ бухарскимъ эмиромъ отрядъ войска въ помощь бухарскому намѣстнику, сидѣвшему въ Ташкентѣ. Мухаммадъ-Шерифу-Аталыку, для отраженія кокандскихъ войскъ, шедшихъ къ Ташкенту. Въ 1859 году отрядъ кокандцевъ, посланный къ Джизаку кокандскимъ властителемъ Малля-ханомъ, разбилъ 70—80 человѣкъ джизакцевъ и ушелъ обратно въ Кокандъ. Въ 1863 году въ Джизакъ удаленъ былъ побѣжденный бухарскимъ эмиромъ Музаффаромъ кокандскій ханъ Худаяръ; въ слѣдующемъ году тотъ-же ханъ Худаяръ изъ Джизака, подъ покровительствомъ тогоже бухарскаго эмира Музаффара. снова вступилъ въ Кокандъ и оставался здѣсь до 1863 года, то лишаясь, то вновь получая званіе хана[1]).

Кромѣ своего историческаго прошлаго Джизакъ

---

[1]) Вамберн. Исторія Бохары, С.-Петербургъ. 1873, II, 8; Наливкинъ. Краткая исторія кокандскаго ханства, Казань, 1885, 45, 70—72. 108, 116, 117, 190, 200. 203.

замѣчателенъ еще тѣмъ, что отъ него начинается такъ называемая Голодная степь, извѣстная туземцамъ подъ названіемъ Ачь-дала. Преданіе, перенося настоящее ко временамъ отдаленнымъ, внушаетъ отважному путешественнику, чтобы онъ „безъ крайней необходимости не бросался въ Голодную степь“. Степь эта тянется на протяженіи 130 верстъ съ востока на западъ и еще болѣе того съ юга на сѣверъ. Чтобы избѣжать палящаго зноя и страшной пыли, поднимающейся въ Голодной степи, путешественники обыкновенно стараются проѣхать ее ночью, снимаясь въ путь изъ Джизака передъ самымъ заходомъ солнца. Да, нужно думать, что Голодная степь была нѣкогда дѣйствительно страшна для того, кто волей или неволей долженъ былъ проѣзжать черезъ нее. Какая громадная и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвая пустыня!... А дай ей пить, и она на тысячу всякихъ голосовъ заговоритъ, т. е. говоря иначе, ороси только эту пустыню водой, и то будетъ одинъ изъ богатѣйшихъ для русской колонизаціи участокъ земли, на которомъ появятся и люди, и звѣри, и птицы, и лѣса, и травы... И мы твердо вѣримъ, что такое время скоро или нескоро настанетъ, и тогда потянется сюда наша русская Русь, тогда зазвучитъ здѣсь наша плавная русская рѣчь, разольется наша могучая широкая пѣсня, внѣдрится наша святая православная вѣра. И у кого только есть живая душа, у кого только есть живое сердце, тотъ не можетъ не сочувствовать этому...

Но пока того нѣтъ, теперь въ Голодной степи путешественникъ увидитъ безлюдную пустыню, наполненную множествомъ желтыхъ черепахъ, скорпіоновъ, фалангъ, пауковъ, (кромѣ каракуртовъ, ядъ которыхъ безусловно смертеленъ, но которые къ счастію водятся исключительно въ горахъ), различныхъ видовъ

змѣй. и особенно ящерицъ, достигающихъ здѣсь невѣроятныхъ для европейца размѣровъ. до $2^1/_2$ аршинъ съ хвостомъ длины[1]). Только изрѣдка вмѣстѣ со всѣмъ этимъ „звѣрьемъ“ путешественникъ увидитъ здѣсь кочевыхъ киргизовъ съ ихъ табунами лошадей и съ ихъ круглыми. какъ колпакъ. юртами. Киргизъ—законный сынъ степи. Онъ страстно любитъ степь; онъ гордится званіемъ степняка, всегда величая себя не иначе, какъ казакомъ (названія „киргизъ“ онъ вовсе незнаетъ) и всегда настойчиво отличая себя отъ сарта горожанина. Какъ истое дитя природы. онъ откровеннѣе. честнѣе. гостепріимнѣе, щедрѣе и по всему этому симпатичнѣе сарта. Таковъ онъ въ натурѣ. таковъ и въ поэзіи: его пѣсня складнѣе, осмысленнѣе, мелодичнѣе сартовской пѣсни. И немудрено: онъ рожденъ. вскормленъ и взлелѣянъ среди степи. а степь эта всегда рождала богатырей. сильныхъ тѣломъ. возвышенныхъ чувствомъ.

Кто любитъ природу, кто любитъ широкій просторъ, кто можетъ внимать торжественной тишинѣ въ ночное время. кто умѣетъ любоваться необъятнымъ небомъ. усѣяннымъ миріадами тихо мерцающихъ звѣздъ—„этихъ стражей вселенной“.—тотъ испытаетъ при проѣздѣ черезъ Голодную степь невыразимое и неизъяснимое наслажденіе и узритъ здѣсь невиданныя имъ дотолѣ картины: вотъ по небу разлилось нѣжное молочно-розовое облачко. а среди этого облачка отдѣлилась синяя-синяя, точно цвѣтъ ляпись-лазури. небольшая лодочка, и въ ней тихо плывутъ настоящіе живые пловцы. медленно пово-

---

[1]) Это такъ называемая Varanus scincus или Psammosaurus caspius, у сартовъ ичкимеръ.

рачивающіе то въ одну. то въ другую сторону свои головы, медленно поднимающіе и также медленно опускающіе свои длинныя прозрачныя руки. А кругомъ чистѣйшій, какъ нектаръ олимпійскихъ боговъ. живительный. какъ бальзамъ. воздухъ степной; чувствуешь. какъ онъ вливается въ грудь. какъ бодритъ уставшее отъ дневной жары тѣло. какъ нѣжно касается онъ лица. рукъ. головы... Чувствительные колокольцы подъ дугой мягко переливаютъ свой звонъ въ воздухѣ и разносятъ его далеко-далеко по необъятной степи. Мѣрное переливаніе колокольцовъ и легкое вѣяніе воздуха постепенно клонятъ путника ко сну и постепенно убаюкиваютъ его...

А между тѣмъ дорога идетъ впередъ. и станціи смѣняются станціями. Путешественникъ видитъ у многихъ изъ этихъ станцій (Агачлы. Мурзарабада. Малека) своеобразныя. точно огромный куполъ, кирпичныя постройки съ широкими отверстіями внизу для входа въ нихъ. Подъ этими куполами подѣланы глубокія котловины. а въ котловинахъ. по самой серединѣ, вырыты глубокіе колодцы. Это такъ называемыя сардабы. что съ персидскаго на русскій значитъ колодцы. Одни изъ нихъ. какъ напримѣръ. сардаба у станціи Агачлы. имѣетъ въ окружности до 95 аршинъ: другая. какъ напримѣръ у станціи Мурзарабада. до 256 аршинъ: при нихъ иногда (у того-же Мурзарабада) стоятъ развалины караванъ-сараевъ. Сооруженіе всѣхъ этихъ построекъ у станцій Голодной степи преданіе приписываетъ знаменитому властителю Средней Азіи Абдулла-хану (1555-1597), извѣстному строителю. завоевателю и благодѣтелю народа. Говорятъ. Абдулла-ханъ обладалъ несмѣтнымъ числомъ войска и посредствомъ него возводилъ всѣ постройки въ степи: солдаты его разставлены были отъ Бухары до Сыръ-Дарьи и

передавали одинъ черезъ другаго всѣ кирпичи. необходимые для степныхъ построекъ. Говорятъ также. что этотъ ханъ далъ обѣтъ возвести въ своемъ царствѣ сто различныхъ построекъ, и уже 99 изъ нихъ успѣлъ соорудить. но сотую не могъ окончить: неумолимая смерть не дала ему въ точности исполнить обѣта.

Кромѣ преданій объ Абдуллѣ-ханѣ путешественникъ услышитъ въ Голодной степи любопытныя преданія и о знаменитомъ царѣ Александрѣ Македонскомъ, по мѣстному названію царѣ Искандерѣ.

„Царь Александръ родился съ рогомъ на головѣ. и ему предсказано было. что если онъ лишится рога. то послѣ этого сдѣлается безсильнымъ и перестанетъ побѣждать своихъ враговъ. Оттого Александръ всегда носилъ на головѣ высокій шлемъ и никогда не снималъ его: онъ боялся, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ у него рога и не срубилъ его. Только и показывалъ свой рогъ Амександръ. когда стригъ себѣ волосы на головѣ Зато всякій разъ послѣ стрижки волосъ онъ собственною рукой убивалъ цирульника. чтобы тотъ не разсказалъ о томъ. что царь имѣетъ рогъ на головѣ. Такъ дѣлалъ царь очень много разъ. Только однажды призвалъ онъ къ себѣ какого-то цирульника и велѣлъ ему заняться своимъ дѣломъ. Когда цирульникъ исполнилъ свое дѣло. то царь спросилъ его: „Ты видѣлъ у меня на головѣ рогъ“?—„Нѣтъ, не видѣлъ. царь!“ Я тебя спрашиваю. видѣлъ ли ты у меня на головѣ рогъ“?—„Нѣтъ. не видѣлъ. царь!“ А цирульникъ слышалъ уже раньше. что отъ царя никто не возвращается живымъ послѣ того. какъ стригъ ему голову. Тогда онъ и смекнулъ. что тутъ дѣло не ладное: потому и сталъ завѣрять царя. что никакого рога онъ у него не видалъ. „Такъ ты не видалъ у меня на головѣ рога“?—„Нѣтъ. царь. не видалъ у

тебя рога". „Ну. иди же себѣ съ миромъ, но знай. что если ты увидишь у меня рогъ. то смерть и тебѣ и всему твоему роду". Цирульникъ ушелъ. и долго онъ послѣ того хранилъ у себя тайну царя. можетъ быть. нѣсколько десятковъ лѣтъ. но наконецъ не въ терпежъ ему стало. Тогда пошелъ онъ въ безлюдную степь. въ той степи нашелъ глубокій колодецъ. а вокругъ колодца увидѣлъ густой и высокій камышъ. Подошелъ онъ къ колодцу, наклонился къ нему лицомъ и закричалъ: „У Александра Македонскаго на головѣ рогъ. а кто срубитъ ему рогъ, тотъ сдѣлаетъ его безсильнымъ у враговъ". Тѣ слова выскочили изъ колодца и пошли по камышу. а камышъ. пошатываясь отъ легкаго вѣтерка изъ стороны въ сторону. понесъ ихъ въ степь. а въ степи услышали ихъ люди; тогда кто-то изъ враговъ Александра подкрался къ нему незамѣтно сзади и срубилъ ему рогъ. И сдѣлался царь Александръ Македонскій слабымъ. какъ малое дитя. Зато жъ и цирульнику пришлось плохо отъ царя: онъ. со всѣмъ его родомъ. погибъ отъ самой лютой казни. Послѣ этого царь Александръ Македонскій уже не могъ ѣздить самъ на войну.—его возили вездѣ полководцы. Но и тутъ съ нимъ случилась бѣда. Отправился онъ походомъ въ далекія горы, за которыми конецъ свѣта начинается. Въ тѣхъ горахъ протекалъ ручей живой воды. и кто пилъ ту воду. тотъ вѣчно жилъ на землѣ. Александръ набралъ той воды цѣлыхъ два бурдюга и съ этими бурдюгами возвращался въ свое царство. По дорогѣ онъ заболѣлъ какою-то тяжкою болѣзнью. а въ это время на его войско напала стая хищныхъ вороновъ и проклевала оба бурдюга съ живой водой. Вода вытекла. а царь скоро послѣ этого умеръ. потому что ему никакое лѣкарство не могло помочь. А если бы онъ проглотилъ хоть каплю той воды. то остался бы живъ; а пей онъ

ту воду по каплѣ въ день, онъ жилъ бы милліонъ лѣтъ.—сколько капель воды, столько и лѣтъ жизни“ [1]).

О томъ же Александрѣ Македонскомъ существуютъ въ Голодной степи и другія преданія. Такъ. между прочимъ, говорятъ, будто этотъ царь первый пытался оросить водой Голодную степь: оттого его именемъ назывался одинъ изъ большихъ. теперь заиленныхъ. арыковъ „Искандеръ-арыкъ“.

Отъ станціи Мурзарабада 4—5 часовъ ѣзды, и послѣ этого открывается рѣка Яксартъ. теперь Сыръ-Дарья, получившая свое второе наименованіе. по толкованію Левшина. отъ турецкаго слова „сыр“-желтый и арабскаго „дарья“—рѣка. т. е. Желтая рѣка. Этимъ именемъ рѣка называлась жившими по ея берегамъ турецкими племенами уже въ 1253 году во время похода монгольскаго хана Булака въ Персію [2]). Нелишне при этомъ замѣтить. что на картѣ Большой Азіи Квинта Курція. подъ рѣкой Сыръ-Дарьей означено „Jaxartes falso Tanais“, т. е. Яксартъ. ложно (называемый) Танаисъ. а въ сочиненіяхъ арабскихъ географовъ. каковы: Масуди. Якутъ, Абульфеда и другіе. Яксартъ называется рѣкой Ходжентской или рѣкой Шашемъ [3]).

У лѣваго берега Яксарта кончалась древняя Согдіана. гдѣ. въ 560 году до Р. Х.. убитъ былъ персидскій царь Киръ. ходившій войной противъ народовъ массагетовъ.

Объ этихъ массагетахъ [4]) мы узнаемъ изъ Геродота слѣдующее: „По одеждѣ и образу жизни ма-

---

[1]) Записано отъ киргиза Кадыря Калдарбая близъ станціи Мурзарабада

[2]) Левшинъ Описаніе киргизъ казачьихъ ордъ, С.-Пет 1832 I, 261

[3]) Фергана по запискамъ Бабура, С Петербургъ, 1884, 33

[4]) Григорьевъ видитъ въ массагетахъ великихъ гетовъ масса megas — великій О скиѳскомъ народѣ сакахъ, С.-Петербургъ 1871 137.

ссагеты похожи на скиѳовъ. Сражаются они верхомъ на лошадяхъ и пѣшіе,—знаютъ оба способа войны; сражаются луками и копьями; вооружены обыкновенно сѣкирами. Всѣ предметы у нихъ изъ золота и мѣди: все, что требуется для копій, стрѣлъ и сѣкиръ приготовляется изъ мѣди; головные уборы. пояса и наплечные знаки украшаются золотомъ. Также изъ мѣди дѣлаютъ они грудные панцыри для лошадей; напротивъ уздечки, удила и фалеры приготовляютъ изъ золота. Желѣза и серебра они вовсе не употребляютъ. потому что этихъ металловъ нѣтъ въ ихъ странѣ, тогда какъ золото и мѣдь у нихъ въ изобиліи. Обычаи ихъ таковы: хотя каждый изъ нихъ женится на одной женщинѣ, но женами они пользуются сообща. По словамъ эллиновъ такой обычай у скиѳовъ: на самомъ дѣлѣ такъ поступаютъ не скиѳы, а массагеты. Если какой-нибудь массагетъ пожелаетъ имѣть сообщеніе съ женщиной. то онъ вѣшаетъ колчанъ свой передъ ея повозкой и сообщается спокойно. Предѣла жизни у нихъ не полагается вовсе, но кто очень состарится, къ тому сходятся всѣ родственники. убиваютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и разный скотъ. варятъ это вмѣстѣ и поѣдаютъ. Такой конецъ жизни считаютъ они счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни они не съѣдаютъ. но хоронятъ. горюя о томъ. что ему не пришлось быть убитымъ. Они ничего не сѣютъ. питаясь домашними животными и рыбой. которую въ изобиліи доставляетъ имъ рѣка Аракъ. Они пьютъ молоко. Изъ боговъ чтутъ только солнце. которому приносятъ въ жертву лошадей. Смыслъ этой жертвы тотъ, что быстрѣйшему изъ всѣхъ боговъ подобаетъ быстрѣйшее животное“ [1]).

---

[1]) Геродотъ, переводъ Мищенка, Москва, 1885, I, 112.

Страбонъ, повторяя слова Геродота, прибавляетъ къ характеристикѣ массагетовъ нѣсколько новыхъ данныхъ. „Массагеты обитаютъ въ области рѣки Аракса; одни изъ нихъ живутъ въ горахъ, другіе въ равнинахъ. третьи въ болотахъ. четвертые на островахъ среди болотъ. Массагеты. живущіе на островахъ, питаются кореньями и дикими плодами, потому что у нихъ нѣтъ посѣвовъ. Одѣваются они въ древесную кору (скота у нихъ нѣтъ), пьютъ сокъ, выжимаемый изъ древесныхъ плодовъ. Живущіе въ болотахъ питаются рыбой, одѣваются въ шкуру тюленей, выходящихъ изъ моря. Горные жители питаются дикими плодами. Впрочемъ. они имѣютъ немного овецъ, которыхъ однако не рѣжутъ. сохраняя ихъ для шерсти и молока. Платья ихъ пестро раскрашиваются соками, долго не теряющими своего блеска. Жители равнинъ. имѣя землю, не обрабатываютъ ее, живутъ мясомъ овецъ и рыбою. образъ жизни ведутъ кочевой и скиѳскій. Всѣ эти народы имѣютъ одинаковый образъ жизни; ихъ погребальные обряды. нравы и весь житейскій обиходъ сходны; каждый народъ въ отдѣльности коваренъ. дикъ и воинственъ. но въ сношеніи съ другими правдивъ и простодушенъ“ [1]).

Отъ этихъ-то массагетовъ и погибъ Киръ, царь персидскій. Ему отомстила царица массагетовъ Томира за своего сына Спаргаписеса. попавшагося въ плѣнъ персамъ и наложившаго на себя руки. Побѣдивъ Кира и отрубивъ ему голову, Томира наполнила мѣшокъ кровью изъ труповъ непріятелей и въ этотъ мѣшокъ бросила голову ненавистнаго ей врага. Гдѣ именно происходила эта битва, ни Геро-

---

1) Географія Страбона, переводъ Мищенка, Москва, 1879, 523.

дотъ. ни Страбонъ не даютъ намъ точнаго указанія. По словамъ Геродота. событіе совершилось послѣ того, когда Киръ отошелъ отъ рѣки Аракса впередъ на восемь дней пути. Но дѣло въ томъ. что подъ именемъ Аракса Геродотъ разумѣетъ двѣ рѣки: Аму и Сыръ-Дарью, или. лучше сказать. смѣшиваетъ ихъ. На основаніи Страбона можно думать. что это было близъ рѣки Сыръ-Дарьи. но гдѣ именно. въ точности неизвѣстно.

Изъ Чиназа путешественникъ, сдѣлавши одинъ перегонъ. прибываетъ на станцію Старый-Ташкентъ, стоящую при рѣчкѣ Чирчикѣ. правомъ притокѣ Сыръ-Дарьи. Старый-Ташкентъ или Иски-Ташкентъ несомнѣнно нѣкогда былъ если не главнымъ. то однимъ изъ главныхъ пунктовъ той самой „Ташкиніи“. гдѣ когда-то жило скиѳское племя саки. оказавшее такое упорное сопротивленіе македонскому царю. Александру Великому. приходившему въ IV вѣкѣ до Р.Х. въ Среднюю Азію съ завоевательными цѣлями. Мѣстное преданіе говоритъ. что Ташкентъ былъ вовсе не тамъ. гдѣ онъ въ настоящее время стоитъ. а тамъ. гдѣ теперь почтовая станція Старый-Ташкентъ, т. е. на 41½ версту ближе къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. у праваго берега рѣчки Чирчика. Перенесеніе города съ Чирчика на мѣсто теперешняго Ташкента произошло. по тому-же народному преданію. за сто лѣтъ до времени покоренія Бухары ханомъ Баракомъ[1]), вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія быстрой и стремительной рѣчки Чирчика. (недаромъ она и прозвана киргизами „Джинды“. т. е. Бѣшеной рѣчкой). еже-

---

[1]) То есть около 1455 г. въ дѣйствительности это произошло гораздо раньше, такъ какъ въ теперешнемъ г Ташкентѣ имѣется мазаръ, построенный уже въ 926 году христіанской эры

годно подтачивавшей свой правый берегъ и ежегодно уносившей за собой часть города внизъ по теченію. Хотя для подтвержденія справедливости приведеннаго преданія нѣтъ рѣшительно никакихъ историческихъ данныхъ. но за то есть нѣкоторыя данныя въ томъ городищѣ. которое уцѣлѣло до настоящаго времени близь станціи Старый-Ташкентъ. Городище это находится на правомъ берегу рѣчки Чирчика. противъ кишлака Киршаула. къ востоку отъ Иски-Ташкента. Оно протянулось на восемь верстъ вдоль берега рѣчки и на двѣ или на три версты. отдѣльными валунами, на западъ въ степь: на этомъ городищѣ валяются различные остатки культурныхъ пережитковъ человѣка – кирпичи, битая посуда, кости. стекло. зола и т. п. Судя по наслоеніямъ городища и по культурнымъ остаткамъ, находимымъ на немъ. каковы, напримѣръ. черепки различной посуды. можно думать, что это городище одно изъ древнѣйшихъ и что на немъ дѣйствительно нѣкогда существовалъ большой городъ. Отсюда выходитъ. что преданіе о непосредственной связи города Ташкента со станціей Иски-Ташкентомъ не лишено нѣкотораго основанія. Нельзя также не поставить на видъ и того обстоятельства. что названіе поселка Иски-Ташкентъ существуетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ и. конечно. дано ему также не безъ основанія.

VII.

Краткая исторія города Ташкента; восемь періодовъ его исторической жизни: господство арабовъ, господство хорезмійцевъ, господство монголовъ. господство узбековъ и киргизъ-кайсаковъ, господство кокандцевъ, господство бухарцевъ, господство кокандцевъ, господство бухарцевъ Достопримѣчательности азіатскаго города Ташкента

По изысканіямъ русскихъ ученыхъ оріенталистовъ—Григорьева. Тизенгаузена и Френа[1]). сдѣланнымъ на основаніи восточныхъ историческихъ писателей, городъ Ташкентъ въ разное время носилъ различныя названія—Чачъ. Шашъ. Джаджъ и Бинкетъ. Первоначально онъ назывался Чачъ-Кентъ: такое названіе дали ему таджики. одни изъ первыхъ обитателей Средней Азіи арійскаго происхожденія; въ переводѣ на русскій языкъ Чачъ-Кентъ значитъ каменный городъ („чачъ“ – камень. „кентъ“ --городъ). Это первоначальное названіе города Чачъ-Кентъ измѣнено было потомъ въ Ташъ-Кентъ; такое измѣненіе могло произойти только тогда, когда область, гдѣ лежалъ Ташкентъ. занята была кочевниками-тюрками: тюрки. взявъ таджицкій городъ. своеобразно передѣлали названіе его: они оставили таджицкое окончаніе „кентъ“ – городъ и замѣнили начало „чачъ“ словомъ „ташъ-камень“. потому что въ арабскомъ языкѣ буквы „ч“ вовсе нѣтъ, а есть вмѣсто нея буквы „т“; отсюда и вышло вмѣсто Чачкентъ Ташкентъ[2]).

Таково объясненіе имени Ташкента, представленное нашими русскими учеными. Объясненіе это заслу-

---

[1]) Григорьевъ. О скиѳскомъ народѣ сакахъ, С.П.Б., 1871, 69; Тизенгаузенъ. О саманидскихъ монетахъ Труды восточнаго отдѣленія, 1855, I, 35; Frahn. Das Muhammedanische Munzkabinet, С П.Б-, 1821, 24.

[2]) Григорьевъ О скиѳскомъ народѣ сакахъ, С.П.Б., 1871, 79, пр. I.

живаетъ вѣры въ общемъ, но не въ частностяхъ: такъ напримѣръ, что касается отождествленія Чача. Шаша или Джаджа съ городомъ Ташкентомъ. то это правдоподобно именно потому, что оно сдѣлано на основаніи болѣе или менѣе достовѣрнаго источника Турецкой Географіи (глава 16-я) Катиба Челеби; но что касается отождествленія имени Бинкета съ именемъ Ташкента, то это едва ли правдоподобно уже потому, что оба эти города одновременно фигурируютъ какъ совершенно различные города. Такъ, изъ исторіи Тимура Али Шерефеддина мы узнаемъ, что Ташкентъ и Бинкетъ (или Финакентъ), иначе называемый городомъ Шахрухіей, вовсе не однозначущіе города; правда, оба они считались городами праваго берега рѣки Яксарта, но оба же они строго различались одинъ отъ другаго: какой-нибудь узбекскій воитель, идя походомъ противъ бухарскаго эмира, бросается сперва въ Ташкентъ и беретъ его на щитъ; потомъ отъ Ташкента направляется къ Бинкету и также захватываетъ его въ свои руки; въ другой разъ какіе-нибудь два союзные воителя, вступающіе противъ того-же бухарскаго эмира, собираютъ вокругъ себя совмѣстныя силы. но одинъ изъ нихъ на время располагается около Ташкента, а другой около Бинкета. Отсюда ясно. что Ташкентъ. и Бинкетъ совершенно различные города[1]). „Городъ Шахрухія, замѣчаетъ Шерефеддинъ. раньше назывался Финакентомъ; послѣ нападенія Чингизъ-хана онъ такъ былъ разрушенъ. что до 1392 года въ этомъ городѣ не оставалось и слѣдовъ жилья; затѣмъ этотъ городъ возстановилъ Тимуръ и такъ какъ онъ отдалъ его Мирзѣ-Шахруху. то отъ этого имени и произошло названіе Шахрухіи“[2]). Арабскій географъ XIII

---

1) Вамберн Исторія Бохары, Санктъ-Петербургъ, 1873, I, 255, II, 15.
2) Cherefeddin. Histoire de Timur-bec. Traduite de la Croix. 1723 IV, 206.

вѣка Абульфеда положительно различаетъ городъ Бинкетъ отъ города Таша, т. е. Ташкента; по словамъ Абульфеды, городъ Бинкетъ былъ однимъ изъ городовъ, находившихся въ зависимости отъ Шаша; тоже подтверждаетъ и другой арабскій географъ Ибнъ-Гаукалъ [1]). Съ древнимъ Бинкетомъ скорѣе всего можно связать имя теперешняго кишлака Бискента или Бскента (по другому выговору Пскента), находящагося на 47 верстъ ниже Ташкента по почтовому тракту на Ходжентъ; по крайней мѣрѣ, и названіе, и мѣстоположеніе этого кишлака совпадаютъ съ названіемъ и мѣстоположеніемъ (въ бассейнѣ Яксарта) древняго Бинкета. Кромѣ этого невозможно связывать Бинкета съ Ташкентомъ еще и потому, что по словамъ восточныхъ писателей, близъ Бинкета имѣлся серебряный рудникъ, на которомъ устроенъ былъ монетный дворъ, носившій имя Мадены и стоявшій всего лишь въ 7 верстахъ отъ города. По изысканіямъ-же нашихъ геологовъ [2]) близъ Ташкента нѣтъ никакихъ серебряныхъ рудниковъ; есть, правда, свинцовыя залежи, но они находятся на довольно значительномъ разстояніи отъ Ташкента, въ Кумсанѣ.

Начало города Ташкента народное преданіе относитъ къ очень отдаленнымъ временамъ. Въ сочиненіи знаменитаго въ свое время хорезмійскаго хана Абуль-Гази „Родословная тюркскаго племени“ находимъ указаніе, что городъ Ташкентъ, подъ настоящимъ его именемъ, существовалъ уже при монгольскомъ ханѣ Угузѣ, 35 предкѣ знаменитаго Чингизъ-хана. Этотъ Угузъ-ханъ, овладѣвъ царствами Талашемъ и Сэрымомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ будто-бы взялъ приступомъ и городъ Ташкентъ, не смотря на

---

[1]) Géographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, II, 222.

[2]) Геологическая карта Туркест. края Романовскаго и Мушкетова

то, что ташкентскій царь выставилъ противъ него большое войско и готовился съ нимъ сразиться. Угузъ такъ напугалъ ташкентскаго царя, что тотъ спрятался въ свой городъ и въ немъ искалъ защиты противъ своего грознаго врага [1]). Но это извѣстіе мало правдоподобно по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, потому. что ни одинъ изъ восточныхъ писателей, кромѣ Абуль-Гази, не говоритъ объ этомъ. Во-вторыхъ, потому, что самая личность Угузъ-хана также легендарна, если не больше того, какъ личность какого-нибудь Рюрика на Руси или Леха въ Польшѣ, и ни одинъ изъ восточныхъ писателей не говоритъ не только о годѣ его рожденія или смерти, но даже и о столѣтіи, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ: по словамъ Абуль-Гази, Угузъ тотъ часъ послѣ своего рожденія въ теченіи трехъ дней не принималъ груди у своей матери и въ теченіи трехъ ночей являлся во снѣ ей, внушая мысль принять мусульманскую вѣру и сдѣлаться правовѣрною; одного дня отъ рожденія онъ всталъ на ноги. твердо подошелъ къ родителямъ и, громко заговоривъ, объявилъ, что имя ему должно быть Угузъ, и дали ему имя Угузъ; родъ его идетъ прямо отъ Адама, и послѣ Іафета, сына Ноева, онъ по счету девятый ханъ. Въ-третьихъ, потому, что источникъ, которымъ пользовался Абуль-Гази.—а пользовался онъ имъ почти дословно,—„Исторія монголовъ“ Рашидъ-Эддина [2]), разсказывая о покореніи Угузъ-ханомъ царствъ отъ Талаша и Сэрыма до Бухары, совсѣмъ не говоритъ ни единаго слова о Ташкентѣ; разница же между этими писателями, хотя оба они наиболѣе

---

[1]) Абуль-Гази. Родословная тюркскаго племени, Казань, 1854, 19.
[2]) Труды восточнаго отдѣленія археологическаго общества, 1858, V, 17.

достовѣрные изъ всѣхъ восточныхъ сказателей. такова, что Рашидъ-Эддинъ жилъ въ половинѣ XIII вѣка, а Абуль-Гази въ половинѣ XVII вѣка.

Въ исторіи города Ташкента можно отмѣтить *восемь періодовъ времени*, смотря по тому, какому изъ народовъ онъ принужденъ былъ подчиняться,—арабамъ, хорезмійцамъ, монголамъ, узбекамъ, кокандцамъ и бухарцамъ.

Первый періодъ съ VII—XI вѣкъ, второй періодъ XI—XIV, третій періодъ XIV—XVI, четвертый періодъ XVI—XIX, пятый періодъ 1810—1840, шестой періодъ 1840—1846, седьмой періодъ 1846—1863, осьмой періодъ 1863—1865.

Во все время историческаго существованія городъ Ташкентъ занималъ всегда болѣе или менѣе независимое положеніе по отношенію къ центральной власти въ краѣ и представлялъ собой своего рода Гамбургъ для всякого рода вольныхъ и недовольныхъ людей, неужившихся со всѣми порядками на родинѣ или нестерпѣвшихъ деспотизма со стороны своихъ властителей; нерѣдко-же онъ служилъ просто очагомъ смутъ, всякаго рода крамолъ и хищническихъ предпріятій противъ всего того, что носило характеръ порядка и законности. Такой независимости Ташкента способствовали главнымъ образомъ три обстоятельства: положеніе города на дальнемъ сѣверѣ, за большой рѣкой; богатство торговыхъ и промышленныхъ жителей его: сосѣдство съ дикими и непризнававшими никакой власти степными наѣздниками, всегда готовыми идти по призыву кого угодно и противъ кого угодно.

Первый періодъ, господство арабовъ, VII—XI вѣкъ. Отъ этого періода сохранились первыя достовѣрныя историческія данныя о Ташкентѣ, если, впрочемъ, отождествлять городъ Ташкентъ съ городомъ Чачемъ;

какъ первыя свѣдѣнія. эти данныя носятъ характеръ отрывочныхъ или. лучше сказать. попутныхъ указаній. Такъ. въ VII вѣкѣ по Р. Х. объ этомъ городѣ. подъ именемъ Чача. упоминаетъ китайскій путешественникъ Сюань-Цзанъ[1]). Въ VIII вѣкѣ (716) городъ Шашъ завоеванъ былъ арабами; объ этомъ въ исторіи Наршахи расказывается слѣдующее: предводитель арабскаго отряда Кутайба объявилъ религіозно-завоевательный походъ на городъ Шашъ и Фергану. Двинувшись изъ Мерва. онъ собралъ войска въ Кишѣ. Нахшабѣ и Хорезмѣ. числомъ 20,000. прибылъ въ Согдъ и послалъ 20,000 войска на Шашъ. а самъ отправился на Фергану. Жители Ферганы вступили съ нимъ въ бой: послѣ одной битвы съ мусульманами они нѣсколько разъ повторяли свои сраженія; мусульмане вездѣ терпѣли неудачу и наконецъ Кутайба отступилъ въ Кашанъ. Но тѣ 20,000 войска. которыя посланы были Кутайбой противъ Шаша, возвратились съ полной побѣдой и съ большой добычею. Послѣ того и самъ Кутайба возвратился въ Мервъ[2]). Въ IX вѣкѣ (820) городъ Ташкентъ. подъ именемъ Шаша, отданъ былъ третьему внуку Самана. основателя саманидской династіи въ Трансоксаніи, Яхьѣ. по милости арабскаго калифа аль-Мамуна[3]); уже въ это время Шашъ. какъ можно думать. считался въ числѣ населенныхъ пунктовъ Ферганской долины. и потому къ нему вела дорога изъ Аксы-Кента черезъ нынѣшній Кендырь-Даванъ[4]). Въ X вѣкѣ этотъ городъ, подъ именемъ Чача или Джаджа, извѣстенъ былъ автору знаменитой поэмы „Шахъ-Нама“ Фирдуси (940—1021),

---

[1]) Григорьевъ. О скиѳскомъ народѣ сакахъ, С.-П.Б., 1871, 69, пр. I.
[2]) Туркестанская туземная газета, Ташкентъ, 1890 года, № 37
[3]) Труды восточнаго отдѣленія археол. общ., С.-Петербургъ, 1855, I, 20.
[4]) Наливкинъ. Краткая исторія кокандскаго ханства, Казань, 1885, 4.

современнику персидскаго царя Махмуда Газневійскаго[1]). Отъ этого-же періода сохранилось до нашего времени нѣсколько саманидскихъ серебряныхъ монетъ „диргемъ“, на которыхъ имя Шаша встрѣчается преимущественно передъ другимъ городами[2]); а въ старомъ сартовскомъ Ташкентѣ, въ сибзарской части, уцѣлѣлъ мазаръ, въ которомъ погребенъ Хазретъ-Абу-Бекръ-ибнъ-Исмаилъ-Каффали-Шашскій, умершій въ 926 по христіанскому или въ 314 году по мусульманскому лѣтоисчисленію[3]).

Второй періодъ, господство хорезмійцевъ (при саманидахъ и газневидахъ), XI—XIV вѣкъ. Отъ этого періода сохранилось гораздо болѣе извѣстій о городѣ Ташкентѣ, чѣмъ отъ предыдущаго. Такъ въ XI вѣкѣ онъ извѣстенъ былъ арабскому географу Альбируни, который отождествляетъ городъ Шашъ съ такъ называемою „Каменною башнею“, упоминаемою въ географіи Клавдія Птоломея, можетъ быть, единственно на основаніи простаго сходства въ названіяхъ: „Lapidea turris“ – каменная башня и „Ташъ-кентъ“ — каменный городъ[4]). Въ XII вѣкѣ арабскому географу Эдриси извѣстно было по правому берегу рѣки Сыръ Дарьи 27 мѣстностей, а въ числѣ ихъ область Шашъ или Чачъ[5]). Въ XII же вѣкѣ этотъ городъ называется именемъ Ташкента (какъ кажется, еще несвоевременно) у хорезмійскаго, т. е. хивинскаго писателя, хана Абуль-Гази; Абуль-Гази разсказываетъ, что въ это время, а именно въ 1121 году, Ташкентъ былъ завоеванъ выходцемъ изъ Хатая, Нуси-Таперъ-бе-

---

[1]) Туркестанская туземная газета 1892 года, Ташкентъ № 37, 3.
[2]) Труды восточнаго отдѣл. археол. общ. С.П.Б. 1855, I, 35.
[3]) Туркестанская туземная газета 1892 года, Ташкентъ, № 37, 3.
[4]) Géographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, CCCLXIX.
[5]) Géographie d' Edrisi, Paris, 1840, II, 206.

комъ. взявшимъ въ свои руки управленіе страны Баласагука и присвоившимъ себѣ титулъ „гуръ-хана“ [1]). Въ XIII вѣкѣ арабскій географъ – компиляторъ Абульфеда описываетъ городъ Шашъ на рѣкѣ Шашѣ, которая иначе называлась рѣкой Сейхуномъ или Яксартомъ. Городъ этотъ стоялъ на ровной мѣстности. подъ 89° 10м долготы и 42° 30м широты, въ разстояніи четырехъ дней пути отъ города Ходжента и недалеко отъ города Баба. стоявшаго въ осьми дняхъ пути отъ Бухары; близь Шаша была деревня Рудабаръ (Roûdhabâr). а „по ту сторону (правую) Шаша“ стоялъ городъ Казанъ По словамъ Абульфеды, Шашъ—одинъ изъ лучшихъ и замѣчательныхъ городовъ всей Трансоксаніи. давшій свое имя для цѣлой области Шаша: онъ снабженъ былъ въ весьма достаточномъ количествѣ водой. которая проведена была во всѣ городскіе дома; въ зависимости отъ Шаша находилось 25 городовъ: для сообщенія съ Ферганой изъ него шло пять дорогъ [2]). Въ томъ-же XIII вѣкѣ Ташкентъ. подъ именемъ Ташиканя или Тханьсыганя. извѣстенъ былъ китайскимъ историкамъ: по извѣстію этихъ историковъ. городъ Ташкентъ, въ числѣ другихъ средне-азіатскихъ городовъ. былъ взятъ въ 1220 году. пятаго мѣсяца, страшнымъ покорителемъ Азіи Чингизъ-ханомъ [3]). Къ этому извѣстію китайскихъ историковъ нужно добавить изъ Абуль-Гази то. что около этого-же времени черезъ Ташкентъ. *возвращаясь изъ похода въ* Мекранъ и двигаясь на Самаркандъ. проходилъ сынъ Чингизъ-хана, Джагатай [4]).

---

[1]) Абуль Гази. Родословная тюркскаго племени, Казань, 1854, 47.

[2]) Geographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, II, 55, 78, 145. 174, 213, 211, 222.

[3]) Исторія первыхъ хановъ дома Чингизъ-хана. переводъ Іакинѳа. С.-Петербургъ, 1829, 101, 377.

[4]) Абуль-Гази. Родословная тюркскаго племени, Казань, 1854, 123.

Третій періодъ, господство монголовъ, XIV—XVI, 1363—1500. Со второй половины XIV вѣка исторія Ташкента принимаетъ совершенно опредѣленный характеръ и вводитъ насъ постепенно все въ большія и большія подробности. Въ этотъ періодъ времени городъ Ташкентъ, подъ именемъ Ташкура, впервые становится извѣстнымъ и въ русскихъ источникахъ, а именно въ Книгѣ Большаго Чертежа, составленной, какъ полагаютъ, въ концѣ XVI вѣка [1]).

Подробныя данныя о Ташкентѣ начинаются съ 1361 года, когда на историческую сцену Средней Азіи выступилъ знаменитый ханъ Тимуръ, называемый въ русскихъ лѣтописяхъ Тамерланомъ. Въ 1361 году, когда Тимуру было 28 лѣтъ отъ роду, онъ, въ союзѣ съ Баянъ-Сальдуромъ и Хаджи-Барласомъ, предпринялъ походъ на Самаркандъ. Цѣлью его похода было отомстить мятежнымъ подданнымъ умершаго мауранагрского эмира Казгана, Хисрау-Баянкули и Туклукъ-Тимуру, за Абдуллу-хана, сына Казгана, котораго Тимуръ, по его собственнымъ словамъ, считалъ за отца. Дѣло здѣсь состояло въ томъ, что Хисрау и Туклукъ свергли съ престола Абдуллу-хана и вмѣсто него объявили ханомъ въ Мауранагрѣ Тимуръ-шахъ-Углана. Это насиліе возмутило Тимура, и онъ, съ двумя названными эмирами, рѣшилъ наказать крамольниковъ. Союзники, собравшись съ силами, сперва пробыли нѣкоторое время въ Шашѣ (Ташкентѣ), а изъ Шаша двинулись на Самаркандъ, выгнали оттуда Шахъ-Углана и овладѣли всѣмъ Мауранагромъ.

Такъ разсказываетъ объ этомъ событіи самъ Тимуръ въ собственной его автобіографіи [2]).

---

[1]) Книга Большаго Чертежа, изданіе Спасскаго, Москва, 1846

[2]) Переводъ Н. С. Лыкошина, Ташкентъ, 1892, по рукописи стр. 62.

Два года спустя послѣ этого (1363) тотъ-же Тимуръ. въ союзѣ съ эмиромъ Хусайномъ и Ширъ-Баграмомъ. нанесъ большое пораженіе. у Ташкента и Чиназа, народамъ джетамъ, выступившимъ. подъ предводительствомъ Ильясъ-ходжи. противъ Тимура за потерю Трансоксаніи, но зато очень дорого поплатившимся: двѣ тысячи ихъ были убиты Тимуромъ на мѣстѣ, остальные бѣжали за рѣку Сыръ-Дарью. Послѣ этого союзники. съ общаго совѣта. рѣшили броситься въ погоню за отставшими отъ главной массы джетами. чтобы истребить ихъ; они перешли черезъ рѣку Сигонъ (т. е. Сейхунъ) въ Ходжентѣ и разбили лагерь передъ городомъ Ташкентомъ. Но здѣсь Богъ. покровительствуя всегда Тимуру. на этотъ разъ послалъ ему испытаніе: онъ и его союзники заболѣли какою-то тяжелою болѣзнью. Впрочемъ, болѣзнь эта была непродолжительна: когда къ Тимуру прибыла его жена Альджой-Тюркманъ-ака. то союзники вновь затѣяли войну и. оставивъ Ташкентъ, переправились черезъ рѣку у Ходжента; проведя нѣсколько времени въ охотѣ (Тимуръ у Ходжента. а Хусайнъ у Джизака), они двинулись дальше и скоро пришли въ Самаркандъ [1]).

Прошло еще два года, и Тимуръ вновь (1365) очутился у Ташкента: на этотъ разъ онъ шелъ противъ своего недавняго союзника. но теперь жестокаго противника. эмира Хусайна. Въ это время Тимуръ пробылъ въ Ташкентѣ цѣлый мѣсяцъ; о своемъ пребываніи въ Ташкентѣ разсказываютъ самъ Тимуръ въ собственной автобіографіи и персидскій историкъ, современникъ Тимура. Шерефеддинъ-Али

---

[1]) Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix, a Delf, 1733, I, 74.

слѣдующее. ЭмиръХусайнъ не любилъ двухъ изъ своихъ военачальниковъ. это были Кай-Хисрау и Баграмъ-Джаллаиръ, которые раньше бѣжали отъ Тимура и перешли на службу къ Хусайну. Оба они, зная, что Хусайнъ не любитъ ихъ, прислали Тимуру письмо съ извѣстіемъ, что раньше этого они обращались къ эмиру Читта за помощью и получили отъ него 7000 всадниковъ, съ которыми и ждутъ Тимура въ Ташкентѣ. Получивъ это извѣстіе, Тимуръ быстро двинулся въ Ташкентъ. Эмиръ Кай-Хисрау устроилъ ему торжественную встрѣчу и богатое угощенье. Тимуръ прожилъ въ Ташкентѣ цѣлый мѣсяцъ; у Кай-Хисрау была дочь, которую онъ сговорилъ за своего сына Мухаммадъ-Джагангира [1]). Находясь въ Ташкентѣ, Тимуръ получилъ извѣстіе, что эмиръ Хусайнъ выслалъ противъ него 12,000-й отрядъ войска, чтобы истребить своего противника. Тогда Тимуръ немедленно оставилъ Ташкентъ, взялъ съ собой Кай-Хисрау, а Баграмъ-Джаллаиру, съ военнымъ обозомъ. велѣлъ слѣдовать за собой и съ 1500 воиновъ бросился къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Переправившись черезъ рѣку у Барсына, Тимуръ, не смотря ни на страшный градъ. выпавшій въ то время, ни на ужасную темень. бросился ночью на войско своего противника и разбилъ его на голову. Хусайна въ то время при войскѣ не было, и потому онъ. узнавъ о пораженіи своего отряда, былъ крайне убитъ постигшей его неудачей. Въ это время наступила зима, и выпалъ глубокій снѣгъ. Эмиръ Хусайнъ, видя собственную неудачу и сознавая превосходство надъ собою Тимура, рѣшилъ отправиться на зиму въ Аргинсарай, а Самаркандъ оставить подъ охрану отряда самыхъ

---

[1]) Автобіографія Тамерлана, переводъ Лыкошина, Ташкентъ 1892, 75.

храбрыхъ воиновъ. Тогда и Тимуръ, послѣ совѣта съ Кай-Хисрау, рѣшился съ 600-ми всинами, къ которымъ питалъ полное довѣріе, возвратиться въ Ташкентъ и провести тамъ всю зиму; отсюда онъ послалъ двухъ своихъ полководцевъ къ джетскимъ эмирамъ просить у нихъ помощи противъ Хусайна. Съ наступленіемъ весны Тимуръ получилъ извѣстіе, что къ нему идетъ на помощь огромная армія джетовъ. Хусайнъ скоро узналъ объ этомъ и, разсудивъ о томъ, что послѣдствія отъ предстоящаго сраженія могутъ быть весьма гибельны для него, къ тому же чувствуя себя нездоровымъ, рѣшилъ просить милости у Тимура. Онъ написалъ письмо Тимуру, въ которомъ клялся кораномъ, что впредь ничего не предприметъ противъ Тимура и обѣщалъ ему полное примиреніе. Посредниками между собой и Тимуромъ Хусайнъ избралъ муллъ городовъ Ташкента, Андижана и Ходжента. Эти муллы принесли Тимуру тотъ самый коранъ, на которомъ клялся Хусайнъ, и просили съ своей стороны Тимура примириться съ Хусайномъ. Тимуръ, не довѣряя Хусайну, рѣшилъ погадать на коранъ и, когда ему вышла глава, гласившая о необходимости примиренія даже съ заклятымъ врагомъ, сдался на ходатайство муллъ, примирился съ Хусайномъ и отступилъ отъ Ташкента [1]).

Вскорѣ послѣ этого (1367) Тимуръ, вмѣстѣ съ Хусайномъ, намѣревался идти походомъ на Бадахшанъ, но тутъ пришло извѣстіе, что противъ него и его союзника выступили войска джетовъ, которыя находились въ это время въ Ташкентѣ. Тогда Тимуръ, въ сопровожденіи эмира Мусы, вновь отпра-

---

[1]) Автобіографія Тамерлана, переводъ Лыкошина, Ташкентъ, 1892, 230; Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix 1723, I, 154.

вился вмѣсто Бадахшана въ Трансоксанію. Но въ это время между предводителями джстовъ произошелъ раздоръ, который привелъ ихъ войско въ полное разстройство. Тимуръ, узнавши объ этомъ. не сталъ преслѣдовать джетовъ и сказалъ, что когда между военачальниками рождается несогласіе, то надо вложить саблю въ ножны [1]).

Въ это-же время (1367) Тимуръ едва не попалъ въ ловушку новаго врага, эмира Баязида, который стоялъ съ войскомъ близь Шаша (Ташкента), и спасся отъ явной смерти только благодаря самому ничтожному случаю.

Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ. „Эмиръ Баязидъ выступилъ изъ Самарканда и, дойдя до степи, вблизи Шаша. остановился. Эмиръ Хаджи-Барласъ, дѣйствуя за одно съ эмиромъ Баязидомъ, написалъ мнѣ письмо, въ которомъ говорилось: „Мы, друзья друзьямъ великаго царя и враги его врагамъ. выступаемъ въ сторону Ходжента. Если ты вѣришь въ нашу дружбу и вѣрность, то присоединись къ намъ,—это будетъ для всѣхъ выгодно“. Сначала я заподозрѣлъ, что это не болѣе, какъ хитрость со стороны моихъ враговъ: я думалъ, что они просто-на-просто хотятъ заманить меня въ свои руки и убить. Но потомъ разсудивъ, что правовѣрные не могутъ быть на столько вѣроломны. довѣрился моимъ врагамъ и пошелъ съ войскомъ на соединеніе съ ними. Подходя къ мѣсту расположенія ихъ войскъ, я замѣтилъ. что по срединѣ между юртами и кибитками разбитъ громадный шатеръ, и подумалъ. что это приготовлено мѣсто для меня. Меня встрѣ-

---

[1]) Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix, a Delf. 1723, I, 165, 166.

тили съ большимъ торжествомъ и пригласили войти во внутренность большаго шатра. По милости божіей, я чутьемъ угадалъ всѣ хитрости моихъ враговъ. Когда я вошелъ въ палатку и увидѣлъ эмира Баязида по правую руку, а эмира Ходжи-Барласа по лѣвую. я понялъ, что очевидно они сговорились убить меня тотъ часъ послѣ угощенія и пріема. Я даже думалъ. что буду убитъ немедленно. Я былъ очень встревоженъ угрожающей мнѣ немедленной гибелью и мысленно молился о помощи Всевышнему. Къ моему благополучію въ это время у меня пошла изъ носа кровь. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я вышелъ изъ палатки, немедленно далъ знать моему войску, что моей жизни угрожаетъ опасность, и вскочилъ на коня. Никто меня не останавливалъ. Такъ Богъ спасъ меня отъ вѣрной смерти“ [1]).

Въ 1390 году Тимуръ собрался походомъ противъ кипчаковъ. Собравъ войско и снабдивъ его всѣмъ необходимымъ. онъ выѣхалъ изъ Самарканда по направленію къ Ходженту, приказалъ напередъ построить мостъ черезъ рѣку Сейхунъ у Ходжента; переправившись черезъ рѣку, онъ намѣревался провести зиму у Ташкента, между Барсыномъ и Чиназомъ, и отсюда уже идти на кипчаковъ, къ рѣкѣ Волгѣ. Во время пути онъ посѣтилъ могилу шейха Маслагета, славившагося своими чудесами, и роздалъ здѣсь бѣднымъ людямъ 10,000 динаровъ. Отъ могилы святаго Тимуръ направился прямо въ Ташкентъ, но по прибытіи въ этотъ городъ сильно заболѣлъ. Болѣзнь эта продолжалась 40 дней. въ теченіи которыхъ эмиры и государственные сановники Тимура переживали страшную тревогу: Тимуръ былъ кумиромъ для всѣхъ, и потому

---

[1]) Автобіографія Тамерлана, переводъ Лыкошина, Ташкентъ, 1892, 75.

всѣ трепетали за его жизнь. Однако болѣзнь миновала. и Тимуръ. оправившись отъ сильнаго недуга, выѣхалъ изъ Ташкента въ 1391 году (793—1391). мѣсяца Сафара, 12 числа. со всѣмъ своимъ дворомъ и собраннымъ войскомъ. на кипчаковъ. Въ мѣсяцѣ Джемадуль-аввалѣ того-же года Тимуръ. послѣ долгихъ переходовъ. пришелъ наконецъ въ кипчацкую орду, называемую Анакаргу, находившуюся подъ 100° долготы и 54° широты. на разстояніи четырехъ мѣсяцевъ пути отъ Ташкента. Походъ его окончился блестящею побѣдой надъ кипчаками. сдѣлавшею то. что послѣ этого ни въ пустынѣ. ни при устьяхъ рѣки Волги не оказалось ни одного врага для тюрковъ. Покоривъ кипчаковъ. Тимуръ направился прямо на Самаркандъ, оставивъ одного изъ своихъ военачальниковъ эмира Сайфуддина, съ обозомъ, у переправы Тика. Прибывъ въ Самаркандъ и великолѣпно отпраздновавъ здѣсь свою побѣду надъ кипчаками, Тимуръ оставилъ столицу и направился на зиму въ Ташкентъ. Перейдя рѣку Сейхунъ у Ходжента. онъ разбилъ лагерь въ Барсынѣ. поселкѣ Ташкента. Въ 1392 году прибылъ въ Барсынъ и эмиръ Сайфуддинъ. На весну же Тимуръ оставилъ Ташкентъ и вернулся въ Самаркандъ. Изъ Самарканда въ этомъ же году онъ ходилъ походомъ на Гилянь, гдѣ произвелъ такое кровопролитіе, подобнаго которому не запомнитъ исторія. Послѣ этого нѣкоторые изъ плѣнниковъ. захваченныхъ имъ въ Гилянѣ. были отправлены. по его приказанію, черезъ Самаркандъ въ городъ Ташкентъ [1]).

Черезъ четыре года послѣ этого (1396) Тимуръ вновь очутился въ окрестностяхъ Ташкента. На этотъ

---

[1]) Cherefeddin Ali, Hiztoire de Timur-bec, a Defl, 1723. Traduite de la Croix, II, 71, 81, 128. 130. 153.

разъ его призвали туда чисто личныя дѣла. Дѣло въ томъ, что на 63-хъ лѣтнемъ возрастѣ Тимуръ влюбился въ дочь монгольскаго хана, Тукель-ханымъ, и рѣшился вступить съ нею въ бракъ.

По маршруту невѣста Тимура должна была ѣхать къ своему державному жениху въ Самаркандъ. Но Тимуръ самъ выѣхалъ на встрѣчу ей по направленію къ Ташкенту. Онъ остановился возлѣ поселка Чиназа и здѣсь провелъ съ молодой женой всю зиму; въ это же время онъ посѣтилъ могилу шейха Ахмета-п-Файзи въ поселкѣ Ясси, около Ташкента, а съ наступленіемъ весны возвратился въ Самаркандъ.

Въ 1405 году Тимуръ задумалъ походъ въ Китай; для этой цѣли онъ собралъ 200,000 войска и раздѣлилъ его на нѣсколько отрядовъ. вручивъ каждый отрядъ особому военачальнику; всѣ эти военачальники разставлены были на зиму по разнымъ городамъ до наступленія весны; два изъ нихъ Мирза-Халиль-султанъ (внукъ Тимура) и Ахметъ-Умаръ-шейхъ должны были зимовать въ Ташкентѣ. Послѣ всѣхъ приготовленій Тимуръ послалъ въ Ташкентъ эмира Берендаса. чтобы привезти оттуда запасы провизіи. Берендасъ исполнилъ порученіе своего повелителя въ точности.

Но этому предпріятію не суждено было исполниться: Тимуръ умеръ во время похода въ городѣ Отрарѣ, 14 числа мѣсяца Шаабана, 1405 года. Передъ смертью приближенные его предлагали ему собрать всѣхъ его родныхъ и въ числѣ ихъ Мирзу-Халиль-султана. находившагося въ Ташкентѣ. Но Тимуръ отклонилъ это предложеніе; составивъ завѣщаніе. онъ объявилъ своимъ преемникомъ Пиръ-Мухаммада-Джагангира; копія съ этого завѣщанія послана была и Халиль-султану въ городъ Ташкентъ. Въ слѣдъ за этимъ образовались двѣ партіи, изъ

коихъ одна стояла за Пиръ-Мухаммада, а другая за Халиль-султана; послѣдняя партія восторжествовала[1]).

Мирза-Халиль-султанъ, имѣвшій всего лишь 21 годъ отъ роду, былъ юноша кроткій, мечтательный, поэтъ въ душѣ и на бумагѣ, извѣстный своею страстною и неодолимою любовью къ прекрасной невольницѣ Шадъ-и-Мулькъ, бывшей рабѣ Ходжи-Шереф-федина. Услышавши о смерти своего великаго дѣда и узнавъ о назначеніи имъ, въ качествѣ преемника, Пиръ-Мухаммада, Халиль-султанъ объявилъ себя претендентомъ на обладаніе Тимуровой короны, бросился изъ Ташкента въ Самаркандъ и овладѣлъ столицею. Но противъ Халиля поднялся эмиръ Худадатъ изъ владѣльческаго дома джетовъ; онъ внезапно напалъ на Халиля, взялъ его въ плѣнъ, лишилъ престола и разлучилъ съ любимой женой Шадъ-и-Мулькъ. Тогда въ защиту Султанъ-Халиля выступилъ его дядя Шахрухъ-мирза, и побѣжденный Худадатъ бѣжалъ изъ Самарканда въ Ташкентъ, но въ Ташкентѣ его вскорѣ схватили и предали казни, а голову отправили къ Шахруху. Въ 1410 году Шахрухъ заставилъ бѣжать въ Ташкентъ другаго ненавистнаго ему человѣка, эмира Шейхъ-Нурредина: эмиръ Шейхъ выступилъ противникомъ Шахруха, принявшаго царскій тронъ послѣ Халиля, но стѣсненный Шахрухомъ, искалъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Въ 1455 году изъ Ташкента, въ помощь Тимуриду Джюги, выступалъ, съ соединенными силами узбековъ и чагатайцевъ, узбекскій султанъ Бюрге, противъ седьмаго преемника Тимура, хана Абусаида.

---

[1]) Cherefeddin Ah. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix, a Delf. 1723, II, 426; IV, 206, 209, 212, 225, 252.

Въ 1467 году въ Ташкентѣ сидѣлъ Юнусъ-бекъ, считавшій себя потомкомъ Чингизъ-хана, изъ вѣтви Чагатая: опираясь на монголовъ, онъ отказалъ въ повиновеніи осьмому преемнику Тимура, Султанъ-Ахметъ-Мирзѣ, но былъ побѣжденъ имъ послѣ войны и лишился города Ташкента вмѣстѣ съ другими городами.

Четвертый періодъ, господство узбековъ и киргизъ-кайсаковъ, XVI—XIX, 1500—1814 Это самый продолжительный и самый богатый событіями періодъ времени въ исторіи города Ташкента. Онъ начинается съ 1500 года и кончается 1814-мъ. Въ 1500 году близъ городовъ Ташкента и Шахрухіи (бывшаго Бинкета) сосредоточены были силы монголовъ и калмыковъ подъ начальствомъ Ханеке-султана и Аладжи-султана, готовившихся вступить въ борьбу съ Шейбани-ханомъ, основателемъ новой династіи послѣ Тимуридовъ: но попытка союзниковъ оказалась неудачной; не прошло и пяти лѣтъ послѣ взятія Шейбани-ханомъ столицы Тимуридовъ, Самарканда, какъ онъ успѣлъ уже захватить въ свои руки какъ городъ Шахрухію, такъ и городъ Ташкентъ: собравъ подъ своимъ скипетромъ почти всѣ земли потомковъ Тимура, а въ томъ числѣ и городъ Ташкентъ съ его областью. Шейбани-ханъ отдалъ его въ 1508 году въ управленіе Суюнджи-Ходжи-хану[1]). Тогда многіе изъ жителей Ташкента, устрашенные дѣйствіями своихъ властителей, бѣжали изъ города къ киргизъ-кайсакамъ и тѣмъ увеличили ихъ численность[2]).

Въ 1521 году изъ Ташкента ходилъ войной противъ преемника Шейбани-хана, Кючкюджи-хана, уз-

---

[1]) Вамбери. Исторія Бохары, С.-Петербургъ, 1873, II; 18.

[2]) Левшинъ Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, СПБ., 1832, II, 44.

бекскій принцъ Султанъ-Баракъ. иначе называемый Наурузъ-Ахметомъ. именуемый у хивинскаго историка XVII вѣка. хана Абуль-Гази ташкентскимъ ханомъ; по словамъ Абуль-Гази. Султанъ-Баракъ въ 1539 году. по просьбѣ бухарскаго эмира Убейдъ-Уллы (Обентъ-Уллы). ходилъ. совмѣстно съ эмиромъ на хивинскаго хана Аванеша подъ городъ Ургенчъ. Побѣда оказалась на сторонѣ союзниковъ; хивинскій ханъ былъ убитъ. а городъ Ургенчъ былъ отданъ сыну Убейдъ-Уллы; побѣжденное же населеніе было раздѣлено на 4 части. изъ коихъ одна часть досталась ташкентскимъ тюрямъ. т. е. всѣмъ членамъ ханскаго семейства[1]).

Въ это-же время соучастниками историческихъ событій города Ташкента впервые выступаютъ казаки или такъ называемые киргизъ-кайсаки. Въ 1534 году московскій посолъ Даніилъ Губинъ доносилъ царю Ивану Васильевичу Грозному о взятіи Ташкента казаками; по словамъ Губина. казаки, представлявшіе изъ себя уже въ то время очень сильное племя, два раза нападали на „ташкентскихъ царевичей и. не смотря на сильный отпоръ со стороны царевичей. ихъ побивали“[2]).

Въ 1551 году въ Ташкентѣ проживалъ Магметъ-Яръ-султанъ; послѣ смерти седьмаго преемника Шейбани-хана. Абдулъ-Азисъ-хана, Магметъ-Яръ имѣлъ занять его престолъ, но его постигла неожиданная смерть, по однимъ въ городѣ Самаркандѣ. по другимъ въ самой Бухарѣ.

Спустя семь лѣтъ послѣ этого ташкентцамъ пришлось выдержать войну съ „жестокимъ и многолюднымъ

---

1) Абдуль-Гази Родословная тюркскаго племени, С.П.Б., II, 227. Веселовскій. Историческо-геогр. свѣдѣнія о хивин. ханствѣ С.П.Б., 1877. 106

2) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, С.П.Б., 1832. II, 47.

народомъ“ киргизъ-кайсаками. Въ 1567 году изъ Ташкента въ Трансоксанію вторгнулся искатель военныхъ приключеній, узбекскій принцъ Баба-ханъ; онъ напалъ на Самаркандъ и въ немъ разбилъ на голову самого правителя Хисрау-султана.

Въ 1697 году въ Ташкентѣ былъ казненъ бухарскимъ ханомъ, Абдулъ-Мумыномъ, вѣрнѣйшій слуга его отца Абдуллы-хана, спасшій послѣднему жизнь во время одной изъ битвъ, престарѣлый правитель города, Кукальдашъ, со всѣми его родственниками.

Въ это-же время, по смерти Абдулъ-Мумына, послѣдняго хана изъ дома Шейбанидовъ, изъ Ташкента на Самаркандъ, въ союзѣ съ монголами, калмыками и киргизами, приходилъ князь казаковъ (т. е. киргизовъ) Текель или Тевкель-ханъ[1]).

Въ 1612 году городъ Ташкентъ былъ переданъ ханомъ Имамъ-кули изъ узбекской династіи Аштарханидовъ собственному сыну Искандеру для удержанія жителей его отъ набѣговъ на Самаркандъ; но ташкентцы, принявъ Искандера съ явнымъ къ нему нерасположеніемъ, скоро возмутились противъ него и убили. Тогда Имамъ-кули, разгнѣванный такимъ поступкомъ ташкентцевъ, рѣшилъ жестоко отомстить имъ и въ гнѣвѣ произнесъ страшную клятву, что въ своемъ мщеніи не остановится до тѣхъ поръ, пока кровь жителей Ташкента не дойдетъ до стремянъ его лошади. Бросившись изъ Самарканда въ Ташкентъ, Имамъ-кули достигъ злополучнаго города, обложилъ кругомъ всѣ его стѣны и послѣ продолжительной осады взялъ городъ въ свои руки. Произошла страшная рѣзня, послѣ которой остались въ живыхъ только старики и дѣти. Но обѣтъ все еще въ точности

---

[1]) Левшинъ, Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, С.П.Б., 1832, II, 47.

[2]) Вамбери Исторія Бохары, С Петербургъ, 1873, II, 60.

не былъ исполненъ, такъ какъ кровь убитыхъ людей доходила только до лодыжекъ, но не до стремянъ коня. Имамъ-кули готовился къ новому мщенію, но тутъ одинъ благочестивый мусульманинъ придумалъ средство отвратить хана отъ новыхъ смертоубійствъ. Онъ подалъ мысль выкопать яму среди города и въ нее слить всю кровь убитыхъ людей, а хану предложилъ въѣхать туда верхомъ. Яма была выкопана, кровь слита, ханъ въѣхалъ въ нее и крови оказалось по самыя стремена ханскаго коня. Тогда ханъ совершенно успокоился, такъ какъ обѣтъ его былъ въ точности исполненъ, и скоро отступилъ отъ Ташкента въ Самаркандъ.

Въ 1623 году въ Ташкентъ бѣжалъ Абуль-Гази, впослѣдствіи знаменитый ханъ Хивы, авторъ сочиненія „Родословная тюркскаго племени“, потомокъ Чингизъ-хана, изъ рода Шейбани: поссорившись съ роднымъ братомъ Исфендіяромъ и обезсиленный отъ борьбы съ нимъ, Абуль-Гази оставилъ родину и бѣжалъ къ туркестанскому властителю Ишимъ-хану, а отъ него переѣхалъ къ владѣтелю Ташкента, Турсунъ-хану и пробылъ здѣсь два года, живя въ Ташкентѣ „съ великою отмѣною отъ прочихъ“. Черезъ два года Ишимъ и Турсунъ ханы поссорились между собой и вступили въ борьбу; во время борьбы Ишимъ убилъ Турсуна и овладѣлъ Ташкентомъ. Тогда Абуль-Гази удалился изъ Ташкента. Послѣ цѣлаго ряда приключеній въ теченіи 21 года со времени пребыванія въ Ташкентѣ, Абуль-Гази, наконецъ, провозглашенъ былъ ханомъ въ Хорезмѣ и процарствовалъ двадцать лѣтъ, съ 1644 по 1664, находясь почти все время въ непрерывной войнѣ съ туркменами, калмыками и бухарцами[1]).

---

[1]) Родословная тюркскаго племени Казань, 1854, VII тоже С П Б, 1827, II 224 420

Въ началѣ XVIII вѣка Ташкентъ дѣлается яблокомъ раздора между дзюнгарскимъ и киргизъ-кайсацкимъ ханами. До 1723 года онъ находился въ рукахъ киргизъ-кайсаковъ. но послѣ этого времени былъ покоренъ дзюнгарскимъ ханомъ Гаданъ-Цыреномъ: Гаданъ-Цыренъ воспользовался нападеніемъ на киргизовъ нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, жившихъ по Волгѣ, и сибирскихъ казаковъ, нанесъ цѣлый рядъ пораженій киргизамъ, послѣ чего вырвалъ изъ ихъ рукъ городъ Ташкентъ.

Къ этому-же времени относится первое извѣстіе о сношеніяхъ Ташкента съ Россіей. Такъ, въ 1736 году изъ Ташкента черезъ Оренбургъ въ Казань ѣздили ташкентскіе купцы; а въ 1739 году изъ Россіи въ Ташкентъ отправленъ былъ первый купеческій караванъ, въ которомъ часть товара была казенная: этотъ караванъ шелъ подъ начальствомъ поручика Миллера. при которомъ состоялъ офицеръ-геодезистъ, но за два дня пути не доходя до Ташкента онъ былъ ограбленъ и истребленъ киргизъ-кайсаками Большой орды. И впослѣдствіи времени Россія смотрѣла на Ташкентъ, какъ на одинъ изъ торговыхъ пунктовъ, черезъ который можно завести торговыя сношенія съ Индіей, этимъ сказочнымъ источникомъ всяческихъ богатствъ. Для этого русское правительство сносилось. въ 1725 году. съ киргизскимъ ханомъ Нурали[1]).

Въ 1739 году Ташкентъ вновь сдѣлался достояніемъ киргизъ-кайсаковъ. Киргизъ-кайсаки Большой орды. побѣжденные Гаданъ-Цыреномъ. не могли скоро забыть потери Ташкента: собравшись подъ предводительствомъ собственнаго хана Юлбарса. они вырвали изъ рукъ Цырена нѣсколько городовъ и се-

---

[1]) Левшинъ. Описаніе киргизъ кайсацкихъ ордъ, С П Б. 1832, II, 200.

леній, въ числѣ коихъ былъ и городъ Ташкентъ; взявъ Ташкентъ, Юлбарсъ управлялъ имъ совмѣстно съ однимъ изъ сильнѣйшихъ киргизскихъ старшинъ Тюля-біемъ. взимая съ горожанъ ежегодную дань. Скоро, однако, Юлбарсъ былъ убитъ. и управленіе осталось въ рукахъ одного Тюля-бія. Но и Тюля-бій недолго управлялъ Ташкентомъ: онъ былъ изгнанъ какимъ-то Кусекъ-бекомъ, повидимому однимъ изъ подвластныхъ лицъ Гауданъ-Цырена или, по-крайней мѣрѣ, расположеннымъ къ нему человѣкомъ. Это видно изъ того, что вся дань, которую Кусекъ-бекъ взималъ съ Ташкента, онъ отправлялъ дзюнгарскому хану. Съ этого времени киргизы потеряли свое значеніе во внутреннихъ дѣлахъ Ташкента; за то они захватили въ свои руки всѣ окрестныя земли его, всѣ лучшіе лѣса. овладѣли всею торговой прибылью, плѣнили множество какъ изъ самыхъ горожанъ, такъ и изъ пріѣзжавшихъ къ нимъ чужестранныхъ купцовъ. Особенно страдали жители Ташкента отъ киргизовъ послѣ паденія дзюнгарскаго ханства (1756); ташкентскіе ханы отвращали набѣги киргизовъ не силою и мужествомъ. а подарками и покорностью. что и давало именно смѣлость киргизъ-кайсакамъ грабить Ташкентъ[1]). Слѣдствіемъ такого насилія со стороны киргизъ-кайсаковъ было организованное возстаніе противъ нихъ, поднятое сартами и происшедшее въ 1748 году. Возмущенные хищническими дѣйствіями киргизъ-кайсаковъ (точнѣе кипчаковъ[2]), жители Ташкента въ одинъ изъ базарныхъ дней. когда въ городъ наѣхала масса всякихъ инородцевъ и въ числѣ ихъ множество киргизовъ, вооружившись предварительно палками, топорами, шашками, спря-

---

[1]) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, С.П.Б. 1832, II, 81, 88.

[2]) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, С.П.Б., 1832, III, 8.

танными подъ халатами. внезапно бросились на киргизовъ и произвели между ними страшное избіеніе. Тогда оставшіеся въ живыхъ киргизы устремились изъ города, выбрали общаго предводителя Шингай-хана. родомъ киргизъ-ташкентца, и бросились по областямъ. принадлежавшимъ Ташкенту, вездѣ жестоко мстя сартамъ. Однако скоро дѣйствіямъ киргизъ-кайсаковъ положенъ былъ конецъ: одна часть изъ нихъ. вмѣстѣ со старшинами. была вырѣзана въ Тюря-Курганѣ, другая часть истреблена въ Наманганѣ [1]).

Одновременно съ ударами, которые ташкентцы выносили отъ киргизовъ, они должны были вести войну и съ китайцами. Китайцы. взявшіе Дзюнгарію и Малую Бухару, стали простирать свои руки и на другія владѣнія магометанъ Средней Азіи.. Тогда ташкентцы, вмѣстѣ съ другими, рѣшили искать защиты противъ Китая у авганскаго эмира Ахмета. Ахметъ внялъ просьбѣ союзниковъ. собралъ войско и отправилъ его противъ китайцевъ. Войско это остановилось между Ташкентомъ и Кокандомъ и послѣ непродолжительнаго времени покончило дѣло на этотъ разъ одними переговорами съ китайцами.

Со второй половины XVIII вѣка Ташкентъ дѣлается достояніемъ Бухары. Это случилось, по словамъ русскаго путешественника Бурнашова. ѣздившаго въ Бухару въ 1795 году. при эмирѣ Шахъ-Мурадѣ (1775—1801). Бурнашовъ говоритъ. что Шахъ-Мурадъ взялъ Ташкентъ въ числѣ прочихъ областей и городовъ. и жители его признали „своимъ протекторомъ бухарскаго эмира. обязались письменно дѣлать ему вспоможеніе въ потребныхъ случаяхъ, что однако-же худо исполняютъ". [2]) Бухара. желая удер-

---

[1]) Наливкинъ Краткая исторія кок ханства, Казань, 1885. 63.

[2]) Сибирскій Вѣстникъ 1818 года, II, 57.

жать за собою Ташкентъ, отправляла туда своихъ намѣстниковъ. поддерживая ихъ время отъ времени присылавшимися въ него бухарскими нукерами. Но намѣстники эти оставались недолго въ Ташкентѣ, при томъ-же они часто враждовали другъ съ другомъ; эта вражда особенно усилилась съ 1785 года и длилась до тѣхъ поръ, пока Ташкентъ не попалъ въ руки хакима Юнусъ-Ходжи-Ишана. потомка св. Шейхантаура въ 16-й степени; онъ возобладалъ надъ своими противниками при помощи Ханъ-Ходжи. приходившагося родственникомъ кокандскаго хана.

Утвердившись въ Ташкентѣ. Юнусъ-Ходжа-Ишанъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на киргизъ-кайсаковъ. безнаказанно грабившихъ жителей города. Зная по опыту своихъ предшественниковъ. что уступки и робость передъ киргизами дѣлали ихъ еще болѣе хищными и дерзкими, Юнусъ-Ходжа собралъ въ 1798 году большое войско и повелъ его противъ киргизъ-кайсаковъ Большой орды. Одержавъ первую побѣду надъ врагами Ташкента, онъ въ слѣдъ за тѣмъ предпринялъ цѣлый рядъ другихъ походовъ, окончившихся также счастливо. какъ и первый. Каждый походъ онъ ознаменовывалъ цѣлымъ рядомъ казней, наглядными выразителями которыхъ служили такъ называемыя калляминари. т. е. пирамиды или башни изъ непріятельскихъ головъ. Послѣ этого киргизы смирились. безусловно подчинились власти Юнусъ-Ходжи-Ишана и обязались повиновеніемъ не только за настоящее. но и за будущее время. Всѣ селенія. захваченныя киргизами, были у нихъ отобраны, съ нихъ взысканы были за всѣ грабежи и убійства денежныя пени въ пользу ташкентцевъ; на нихъ наложена была дань, со ста барановъ по одному: имъ даны были правила. какъ руководства для разбирательства ну-

треннихъ распрей[1]). Въ это же время, при управленіи Ташкентомъ Юнусъ-Ходжи-Ишана, случился большой голодъ, вслѣдствіе чего одна юкча (2 фунта) проса продавалась за одну теньгу (20 к.). Люди, чтобы прокормиться, прибѣгали къ такимъ средствамъ, какъ продажа сыновей и дочерей. Такъ, въ это время продали одну дѣвицу за 10 сэровъ человѣку, который впослѣдствіи женился на ней; женщину видѣли потомъ старухой и всегда указывали на нее. Много сдѣлалъ добра Юнусъ-Ходжа и во время голода. Кромѣ того Юнусъ-Ходжа возвелъ вокругъ города Ташкента, въ 1190 году гиджры (1775), глиняныя стѣны[2]).

Устроивши внутренній порядокъ въ Ташкентѣ, Юнусъ-Ходжа обратилъ свое вниманіе на отношеніе Ташкента къ Коканду. Отношенія эти начались съ бѣгства Ходжи-бія, роднаго брата кокандскаго властителя Нарбуты, въ Ташкентъ. Находясь во враждебныхъ отношеніяхъ съ Нарбутой и чувствуя себя небезопаснымъ въ отечествѣ, Ходжа-бій внезапно покинулъ Кокандъ и ушелъ въ Ташкентъ; встрѣтивъ здѣсь самый радушный пріемъ, Ходжа-бій, однако, оставался въ Ташкентѣ недолго и ушелъ отсюда сперва въ Ура-Тюбе, а потомъ въ Бухару. Вскорѣ послѣ отъѣзда Ходжи-бія, а именно въ 1808 году, противъ Юнусъ-Ходжи отправлено было войско первымъ кокандскимъ ханомъ Алимомъ подъ начальствомъ Ханъ-Ходжи, того самаго, который утвердилъ власть Юнусъ-Ходжи въ Ташкентѣ; Ханъ-Ходжа направился черезъ Кендыръ-Даванъ къ Чирчику, предавая на своемъ пути всѣ селенія туземцевъ грабежу и разбою; но у самаго Чирчика онъ былъ встрѣченъ Юнусъ-Ходжей и понесъ рѣшительное пораженіе; кромѣ убитыхъ на мѣстѣ взято было въ плѣнъ 70

[1]) Левшинъ Описаніе киргизъ кайсацкихъ ордъ, 1832, II, 40.

[2]) Туркестанская туземная газета, 1890, № 22, 1891, № 44, 4.

человѣкъ кокандцевъ. въ числѣ коихъ былъ и самъ Ханъ-Ходжа. попавшійся въ плѣнъ благодаря собственной лошади. вскочившей въ какую-то нору и повергшей своего ѣздока на землю. Всѣ плѣнные. не исключая и самаго Ханъ-Ходжи. были казнены. по приказанію безжалостнаго Юнусъ-Ходжи. Послѣ этого одинъ изъ родственниковъ погибшаго Ханъ-ходжи, Бузрукъ-Ходжа. вообразивъ. что ханъ Алимъ нарочно отправилъ Ханъ-ходжу къ Ташкенту. чтобы онъ нашелъ тамъ свою гибель. выступилъ войной противъ Алимъ-хана, но былъ побѣжденъ и бѣжалъ на Чаткалъ. откуда послалъ двухъ своихъ сыновей къ Юнусъ-Ходжѣ съ просьбой о помощи противъ хана. Юнусъ-ходжа не замедлилъ прислать помощь. но тутъ самъ народъ схватилъ Бузрука у города Чуста и передалъ его въ руки Алимъ-хана. Плѣннаго Бузрука ханъ Алимъ встрѣтилъ такъ ласково и съ такою задушевностью, что несчастный даже заплакалъ отъ радости; весь день Алимъ угощалъ своего плѣнника на славу. а на ночь распорядился отвести ему для покоя особую палатку и въ тоже время отдалъ приказаніе зарѣзать его. что и было исполнено въ точности. Но избавившись отъ Бузрука. Алимъ-ханъ нашелъ себѣ болѣе опаснаго противника. Юнусъ-Ходжу, который объявилъ притязаніе на обладаніе всей Ферганской области. Собравъ войско. Юнусъ-Ходжа выступилъ. вмѣстѣ съ собственнымъ сыномъ. противъ Алимъ-хана. но неожиданно для самого себя былъ разбитъ ханомъ у Гурумъ-Сарая и едва спасся бѣгствомъ при помощи немногихъ изъ своихъ прислужниковъ. Вскорѣ послѣ этого, а именно въ 1810 году. Юнусъ-Ходжа-Ишанъ скончался въ Ташкентѣ и его мѣсто занялъ сынъ Султанъ-Ходжа.

Пятый періодъ, господство кокандцевъ. 1814—

1840. Смертью Юнусъ-Ходжи рѣшилъ воспользоваться Алимъ-ханъ для того, чтобы подчинить Ташкентъ власти Коканда. Собравъ войско ханъ отправилъ его къ Ташкенту подъ начальствомъ собственнаго брата Омара. Дойдя до Чирчика и предавая все на своемъ пути грабежу и разбою, Омаръ встрѣтилъ здѣсь посольство отъ Султанъ-Ходжи съ мирными предложеніями и охотно вступилъ съ нимъ въ переговоры. Но Султанъ-Ходжа внезапно пришелъ къ другому рѣшенію и выступилъ съ войскомъ противъ Омара. Въ происшедшей битвѣ у рѣчки Чирчика Султанъ-Ходжа потерпѣлъ. однако, пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ. Ворота Ташкента были открыты, и Омаръ вошелъ въ городъ: сверхъ всякаго ожиданія онъ назначилъ преемникомъ Султанъ-Ходжи его-же роднаго брата. Хамидъ-Ходжу. Поэтому естественно. что лишь только Омаръ отступилъ отъ Ташкента. какъ Хамидъ-Ходжа объявилъ себя врагомъ Омара и бросился ему въ тылъ. Тогда Омаръ возвратился назадъ, принудилъ къ отступленію Хамидъ-Ходжу и, прежде чѣмъ дошелъ до Ташкента. обложилъ кругомъ Ніязъ-бекъ и взялъ его приступомъ. Перепуганные жители Ташкента вновь запросили о мирѣ: Омаръ на этотъ разъ снизошелъ къ ихъ просьбѣ, но потребовалъ къ себѣ Хамидъ-Ходжу. Хамидъ-Ходжа явился къ Омару, и Омаръ опять къ удивленію всѣхъ оставилъ въ Ташкентѣ въ качествѣ правителя города Хамидъ-Ходжу: зато съ этого времени городъ объявленъ былъ состоящимъ въ зависимости отъ кокандскаго хана.

Однако. Хамидъ-Ходжа и послѣ этого не успокоился: пользуясь отдаленностью своего положенія и стѣсненными обстоятельствами хана, постоянно занятаго войнами, онъ сталъ оказывать ему явное неповиновеніе. Тогда на Ташкентъ двинулся самъ ханъ

Алимъ. Въ происшедшей битвѣ кокандцевъ съ ташкентцами, между Ташкентомъ и Чирчикомъ. Хамидъ-Ходжа потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и бѣжалъ въ Бухару, оставивъ свой городъ на произволъ судьбы. Въ покинутый городъ вступилъ Алимъ-ханъ и отдалъ его на трехдневное разграбленіе. а въ заключеніе назначилъ въ Ташкентѣ новаго хакима Саидъ-Али-бека и въ помощь ему далъ нѣсколько кокандскихъ чиновниковъ съ отрядомъ нукеровъ.

Спустя шесть лѣтъ послѣ этого Алимъ-ханъ, безъ всякаго видимаго повода со стороны ташкентцевъ, не смотря на всѣ совѣты приближенныхъ лицъ и придворнаго астролога, не смотря даже на зимнее время, вновь собрался походомъ на Ташкентъ. Поохотившись нѣкоторое время на тигровъ въ рощѣ на берегу Чирчика. ханъ вошелъ въ городъ Ташкентъ и расположился здѣсь со своими войсками. Изъ Ташкента онъ послалъ двухъ начальниковъ Ирисъ-кула и Джума-бая, съ отрядомъ войска въ казацкіе (киргизскіе) кишлаки для собиранія въ нихъ добычи на ханскій дворъ. Исполнивъ приказаніе хана, начальники отряда, въ виду зимняго холода, поспѣшили было въ Ташкентъ, но ханъ. недовольный этимъ. приказалъ имъ вновь идти на добычу. Тогда Ирисъ-кулъ и Джума-бай составили заговоръ противъ Алимъ-хана, распустили слухъ о его смерти, собрали вокругъ себя войско и, объявивъ ханомъ вмѣсто Алимъ-хана Омара, поспѣшно направились къ Коканду. бросивъ на произволъ судьбы Алима въ Ташкентѣ. Алимъ-ханъ, видя себя безпомощнымъ, немедленно покинулъ Ташкентъ, оставивъ въ немъ, въ числѣ немногихъ, собственнаго сына Шахрухъ-бека и, въ сопровожденіи 200 женщинъ, нѣсколькихъ дѣтей и 40 мужчинъ, бросился

черезъ Кызылъ-Купрюкъ и Бадамъ-Чашму на Кокандъ. Но близь самаго Коканда онъ былъ настигнутъ кипчаками, долго отъ нихъ отбивался, но подъ конецъ былъ простр҃ленъ пулей на вылетъ чрезъ спину въ грудь и, обнимая своего любимаго коня, упалъ лицомъ внизъ на землю. Мертваго Алимъ-хана привезли на арб҃ѣ въ Кокандъ и останки его предали земл҃ѣ. Въ сл҃ѣдъ за этимъ, по приказанію новаго хана Омара, сынъ Алима, Шахрухъ-бекъ, оставленный отцомъ въ Ташкент҃ѣ, былъ схваченъ и отправленъ въ Кокандъ, но по дорог҃ѣ зарѣзанъ, а на м҃ѣсто его въ Ташкентъ назначенъ былъ хакимомъ Раджабъ-Диванъ-беги.

Въ 1819 году близь Ташкента проходилъ ханъ Омаръ въ степь Дашт҃ъ-и-Кипчакъ и тутъ взялъ городъ Туркестанъ. находившійся во власти Бухары, подъ управленіемъ Токай-Туре. На обратномъ пути онъ заходилъ въ городъ Ташкентъ и отсюда направился прямо въ Кокандъ; прибывъ въ Кокандъ, Омаръ принялъ новый титулъ эмиръ-эль-муслимина, т. е. титулъ повелителя правовѣрныхъ, впервые усвоенный халифомъ Али. Между т҃ѣмъ по уход҃ѣ Омаръ-хана изъ Туркестана, сюда явился бывшій въ немъ хакимъ Токай-Туре, покровительствуемый Бухарой. Онъ успѣлъ уже взять городъ Сузакъ и готовился подступить къ Туркестану. но противъ него выступилъ изъ города Ташкента Базаръ-Бай-Багадуръ и Токай-Туре, посл҃ѣ неудачнаго сопротивленія Багадуру, б҃ѣжалъ въ Бухару.

Черезъ годъ посл҃ѣ этого событія городъ Ташкентъ, управляемый Ляшкеромъ-кушбеги, осчастливленъ былъ пріѣздомъ въ него Омаръ-хана, со всѣмъ его дворомъ, имѣвшаго цѣлью совершить здѣсь торжественный обрядъ туя (т. е. обр҃ѣзанія) любимаго сына Абдулла-бека. Временемъ поѣздки въ Ташкентъ

выбрана была зима. отъ чего нѣкоторыя изъ женъ хана и другой его малолѣтній сынъ сильно пострадали отъ холода въ горахъ, не смотря на то. что ханскому поѣзду предшествовали 1000 человѣкъ подданныхъ. пролагавшихъ дорогу по горнымъ снѣгамъ. Отъ горъ до рѣки Чирчика для хана устроили охоту, а отъ Куйлюка до Ташкента, на протяженіи семи верстъ. устлали дорогу разными матеріями. Когда совершенъ былъ обрядъ обрѣзанія. ханъ сдѣлалъ смотръ ташкентскимъ войскамъ. оказалъ бѣднымъ различныя милости, наградилъ чиновниковъ подарками и, объявивъ намѣстникомъ города виновника всего торжества. сына Абдулла-бека. а его помощникомъ Ляшкеръ-кушбеги. возвратился въ Коканлъ.

Въ 1821 году три начальника кокандскаго войска, Ана-кули. Хушвактъ-кушбеги и Арсланъ-дадха, ходили со своими нукерами подъ Самаркандъ съ цѣлью подчинить его власти кокандскаго хана. но не имѣли въ томъ успѣха и возвратились въ Ташкентъ, а изъ Ташкента въ Коканлъ. Въ этомъ-же году, но уже во время управленія Кокандомъ преемникомъ Омара. Мадали-ханомъ, въ Ташкентѣ былъ зарѣзанъ. по распоряженію хана, его родной братъ и любимый сынъ Омара, хакимъ Абдулла-бекъ; а близь Ташкента объявлена была несчастному изгнаннику, престарѣлому и всѣми уважаемому совѣтнику умершаго хана Омара. Маасумъ-ханъ-ходжѣ. направлявшемуся въ изгнаніе изъ Коканда въ Мекку, ханская милость о томъ. что его будетъ сопровождать особый посланецъ хана. съ нѣсколькими нукерами. до города Туркестана.

Шестой періодъ, господство бухарцевъ, 1840—1846. Этотъ періодъ времени характеризуется съ одной стороны политическимъ подчиненіемъ города Ташкента Бухарѣ, продолжавшемся, съ незначительнымъ про-

межуткомъ. шесть лѣтъ (1840--1846); съ другой стороны политическимъ вліяніемъ на него кипчаковъ (киргизскій родъ). державшихъ въ своихъ рукахъ управленіе Коканда. а черезъ Кокандъ и управленіе города Ташкента, въ теченіи десяти лѣтъ (1842—1852), посредствомъ собственныхъ мингбашей или государственныхъ канцлеровъ всего кокандскаго ханства. Событія означеннаго періода начинаются съ 1840 года. Въ 1840 году городъ Ташкентъ былъ сданъ Мадали-ханомъ бухарскому эмиру Насруллѣ. а въ слѣдъ за тѣмъ родной братъ Мадали-хана. Султанъ-Махмудъ-бекъ, желая все еще удержать Ташкентъ за Кокандомъ, поспѣшилъ туда съ войскомъ и на нѣкоторое время водворилъ тамъ власть своего брата. Но бухарскій эмиръ выслалъ противъ Султанъ-Махмудъ-бека отрядъ войска. и Султанъ поспѣшилъ уйти въ Кокандъ. Тотъ часъ послѣ паденія Мадали-хана (1842) Ташкентъ занятъ былъ бу арцами и въ немъ расположились войска эмира подъ командой Мухаммадъ-Шерифа-Аталыка и Гадай-бая. Однако, въ слѣдующемъ, 1843, году новый кокандскій ханъ Ширъ-Али отправилъ въ Ташкентъ собственнаго сына Малля-бека и мингбашу-Юсупа съ войскомъ съ цѣлью вновь присоединить городъ къ кокандскому ханству. Въ то время въ Ташкентѣ все еще былъ хакимомъ Мухаммадъ-Шерифъ-Аталыкъ, а при немъ состоялъ Гадай-бай, раненный раньше подъ крѣпостью Кереучи. Находясь въ стѣсненномъ положеніи. Шерифъ-Аталыкъ обратился съ просьбой о помощи къ бухарскому эмиру; эмиръ поспѣшилъ выслать ему отрядъ нукеровъ подъ начальствомъ Абдурахманъ-Метина; но уже по пути часть этихъ нукеровъ разбѣжалась. и Абдурахманъ прибылъ къ Ташкенту съ самымъ ничтожнымъ числомъ войска. Произошла битва. и Шерифъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Гадай-бай съ Абду-

рахманомъ бѣжали въ Бухару. Послѣ этого побѣдители назначили въ Ташкентѣ новаго хакима Сарымсакъ-бека. старшаго ханскаго сына. а сами, съ добычей и плѣнными. возвратились въ Кокандъ.

Прошло два года послѣ этого: въ Кокандѣ. въ теченіе этого времени. возвысились кипчаки; пользуясь своимъ вліяніемъ и питая злобу на ханскаго любимца Шады-Шума за различныя съ его стороны злоупотребленія. кипчаки подняли въ Кокандѣ возстаніе Тогда Шады-Шумъ. не надѣясь на собственныя силы. чтобы усмирить кипчаковъ. обратилъ свое вниманіе на Ташкентъ и немедленно потребовалъ къ кокандскому войску и находившемуся при войскѣ третьему сыну хана, Худаяръ-беку. ташкентскаго хакима Сарымсака.

Въ происшедшей битвѣ между кокандцами и кипчаками, около Чуста и Тюря-Кургана. кокандцы понесли пораженіе, слѣдствіемъ котораго было убіеніе Шады-Шума и плѣненіе Худаяръ-бека. Узнавъ о такой катастрофѣ, Сарымсакъ передалъ свой отрядъ Давранъ-беку. а самъ бросился въ Кокандъ. Прибывъ въ Кокандъ и увидѣвъ тамъ полнѣйшую анархію, Сарымсакъ немедленно бѣжалъ въ Бухару; а между тѣмъ Давранъ-бекъ, получившій отъ Сарымсака отрядъ войска. потерпѣлъ пораженіе отъ кипчаковъ и бѣжалъ въ Ташкентъ. Вслѣдъ за этимъ новый мингбаши Мусульманъ-кулъ. родомъ кипчакъ. замѣнившій мѣсто Шады-Шума. поспѣшилъ назначить въ Ташкентъ хакимомъ кипчака Мулла-Халь-бека. Тогда противъ новаго хакима выступилъ Сарымсакъ-бекъ; вспомоществуемый бухарскимъ эмиромъ, онъ взялъ городъ Ташкентъ, плѣнилъ Мулла-Халь-бека и отправилъ его въ Бухару. Возмущенный появленіемъ Сарымсака въ Ташкентѣ. Мусульманъ-кулъ самъ выступилъ изъ Коканда. чтобы на-

казать виновника изгнанія Мулла-Халь-бека. Но у стѣнъ Ташкента Мусульманъ-кулъ встрѣтилъ не одного Сарымсака. а съ нимъ вмѣстѣ и Кушбеги-Лашкера, присланнаго бухарскимъ эмиромъ въ помощь Сарымсаку. Тогда Мусульманъ-кулъ безуспѣшно простоялъ подъ стѣнами Ташкента и вернулся въ Кокандъ. Такая-же неудача постигла Мусульманъ-кула и тогда, когда онъ вторично (1846), при новомъ ханѣ Худаярѣ. приходилъ къ Ташкенту: сорокъ дней онъ простоялъ подъ стѣнами города и подъ конецъ все-таки ни съ чѣмъ вернулся въ Кокандъ. Послѣ этого Мусульманъ-кулъ отправилъ отъ себя въ Ташкентъ посланца и чрезъ него сталъ склонять Сарымсака пріѣхать въ Кокандъ. Сарымсакъ послѣ долгихъ колебаній явился въ Кокандъ и отсюда посланъ хакимомъ въ Балыкчи. но вскорѣ тамъ былъ схваченъ и зарѣзанъ по приказанію Мусульманъ-кула. Въ Ташкентъ-же назначенъ былъ сперва Мулла-Халь-бекъ. а потомъ Азизъ-Парваначи.

Седьмой періодъ, господство кокандцевъ, 1846—1863. Новому хакиму. уже тотъ-часъ по вступленіи его въ должность. пришлось вести войну съ правителемъ Туркестана. который объявилъ себя независимымъ отъ кокандскаго хана. Посланное изъ Ташкента для усмиренія Туркестана войско не имѣло никакого успѣха: городъ сдался только тогда. когда осажденъ былъ самимъ Азисомъ. Покоривъ туркестанцевъ. Азисъ-Парваначи уже выступилъ было изъ города. какъ вдругъ узналъ. что въ Кокандѣ произошло важнѣйшее для него событіе, смѣна бывшаго кушбеги Мусульманъ-кула новымъ Мулла-Халь-бекомъ, весьма враждебнымъ для Азисъ-Парваначи. Тогда Азизъ поспѣшно возвратился въ Туркестанъ и укрѣпилъ его; изъ Туркестана онъ направился въ Ташкентъ и, укрѣпивъ его подобно Туркестану. тутъ от-

крыто объявилъ о своемъ намѣреніи отложиться отъ Коканда. Между тѣмъ въ Кокандѣ въ это самое время шли ожесточенные споры между двумя партіями, изъ коихъ одна требовала возвращенія къ должности прежняго кушбеги. а другая хлопотала о низверженіи Худаяръ-хана. Въ это именно время пришла вѣсть въ Кокандъ о замыслахъ Азисъ-Парваначи: узнавъ объ этомъ многіе изъ благомыслящихъ людей стали отклонять его отъ мятежныхъ замысловъ, но, послѣ долгихъ переговоровъ, потерпѣли рѣшительную неудачу. Тогда противъ Ташкента двинулся самъ Худаяръ-ханъ. Однако. Худаяръ-ханъ. простоявъ нѣсколько времени безуспѣшно подъ стѣнами города, ушелъ ни съ чемъ въ Кокандъ. Избавившись на этотъ разъ отъ опасности и все же лелѣя въ душѣ мысль объ отдѣленіи отъ Коканда, Азисъ-Парваначи, вслѣдствіе того сознанія, что война—прежде всего деньги нашелъ нужнымъ обложить жителей Ташкента новыми налогами (тилля-пули, мисъ-пули и улау-пули. т. е. подать на золото, мѣдь, вьючныхъ животныхъ) и приказалъ, по заведенному обычаю. сдѣлать повальный обыскъ между жителями для того. чтобы знать, кто сколько имѣлъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и вьючныхъ животныхъ. Но этотъ налогъ вызвалъ страшное возмущеніе со стороны населенія. руководимаго нѣкіимъ Мухаммадъ-Юсупъ-баемъ. Тщетно Азисъ-Парваначи старалсяу смиритьнаселеніе Ташкента какъ словами, такъ и пушками: оно то усмирялось, то слова поднималось. Къ довершенію бѣды для Азисъ-Парваначи въ это самое время кокандскія войска вновь явились подъ стѣнами Ташкента и послѣ нѣкотораго времени взяли его приступомъ: тогда Азисъ-Парваначи былъ схваченъ. отправленъ въ Кокандъ и тамъ зарѣзанъ. а хакимомъ города Ташкента назначенъ Норъ-Мухаммадъ-Дадха, родомъ кипчакъ.

Новый хакимъ, получивъ власть, пошелъ по слѣдамъ своего предшественника: онъ объявилъ себя противникомъ если не самаго хана, то его куш-беги, тоже, вновь назначеннаго, Мусульманъ-кула. Мусульманъ-кулъ, узнавъ о чувствахъ, которыя питалъ къ нему Норъ-Мухаммадъ-Дадха, собралъ войска (1851) и двинулся къ Ташкенту. Простоявъ, однако, нѣкоторое время на рѣчкѣ Саларѣ, онъ вернулся въ Кокандъ, но вслѣдъ за этимъ, усиливъ свои войска и забравъ съ собой Худаяръ-хана, снова двинулся къ Ташкенту, выславъ напередъ значительный отрядъ къ Чимкенту, имѣя въ виду тѣмъ разъединить силы своего противника. Однако, посланный Мусульманъ-куломъ отрядъ пошелъ вмѣсто Чимкента въ Ташкентъ, объявивъ себя противникомъ Мусульманъ-кула. Также поступилъ и главный начальникъ войска Утамбай, которому поручена была осада города; правда, Утамбай сперва какъ-будто держалъ сторону Мусульманъ-кула и даже взорвалъ часть городскихъ стѣнъ Ташкента, но потомъ внезапно перешелъ на сторону противниковъ Мусульманъ-кула, и послѣдній принужденъ былъ бѣжать сперва на Чирчикъ, а потомъ, разбитый преслѣдовавшимъ его врагомъ, на Чаткалъ. Послѣ этого ташкентцы съ торжествомъ ввели въ городъ Худаяръ-хана и упросили его взять управленіе областью въ собственныя руки. Худаяръ-ханъ смѣнилъ Мусульманъ-кула и на его мѣсто назначилъ Утамбая, а въ Ташкентѣ оставилъ тогоже Норъ-Дадху, придавъ ему въ помощники Касыма. Но сверженіе Мусульманъ-кула не принесло спокойствія Ташкенту и на этотъ разъ: кипчаки, недовольные положеніемъ дѣлъ въ Кокандѣ, вновь стали призывать къ дѣлу Мусульманъ-кула и вновь начали стремиться къ низверженію Худаяръ-хана. Ханъ, узнавъ о замыслахъ кипчаковъ, отправилъ секретное письмо въ

Ташкентъ къ Дадха съ приказаніемъ немедленно выслать войска въ Кокандъ. Войска двинулись подъ начальствомъ Дадха и Касыма; но въ пути первый. предупрежденный кипчаками, намѣренно сталъ замедлять движеніе войска впередъ; тогда Касымъ отдалъ приказъ взять Дадха подъ арестъ. а самъ бросился въ Кокандъ. куда его вновь призывалъ Худаяръ-ханъ. Касымъ прибѣжалъ въ Кокандъ съ ташкентцами какъ разъ въ то время. когда кипчаки, ворвавшись во дворецъ хана, стали требовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ по поводу вызова имъ войска изъ Ташкента и начали грозить ему смертью. Вскочивъ въ ханскую урду, войско Касыма произвело избіеніе кипчаковъ сперва во дворцѣ, а потомъ и во всей столицѣ кокандскаго ханства. Послѣ этого Худаяръ-ханъ. очистивъ урду отъ труповъ и назначивъ мингбашей Касыма, двинулся (1852 года 3 октября) къ Былкилламѣ. гдѣ сидѣлъ Мусульманъ-кулъ съ убѣжавшими изъ Коканда кипчаками, числомъ до 2000 человѣкъ. Во время происшедшей здѣсь битвы. въ которой каждая сторона считала себя пораженной и бѣжала съ поля сраженія, Мусульманъ-кулъ былъ схваченъ, отправленъ въ Кокандъ и здѣсь повѣшенъ послѣ трехъ-дневнаго моренія на досчатой площадкѣ, прибитой къ верхнему концу столба, врытаго въ землю среди бараньяго базара. Вслѣдъ за этимъ (въ 1853 году) въ Ташкентъ назначенъ былъ новый управитель Малля-бекъ.

Но спокойствія въ Ташкентѣ и послѣ этого не послѣдовало. На этотъ разъ оно нарушено было уратюбинскимъ ханомъ Абдулъ-Гафаромъ. Этотъ ханъ, желая обогатиться военной добычей, двинулся походомъ на кураму, не предупредивъ о томъ своего хана. Ханъ-же, вообразивъ, что между уратюбинскимъ и ташкентскимъ хакимами состоялось тайное согла-

шеніе противъ него лично, внезапно бросился, вмѣстѣ съ Касымомъ, въ Махрамъ, гдѣ зарѣзалъ отправленнаго къ нему на встрѣчу посла, ѣхавшаго изъ Ташкента, и изъ Махрама самъ двинулся на Ташкентъ, а Касыма послалъ было на Ура-Тюбе, но потомъ вскорѣ вернулъ назадъ къ себѣ. Недоумѣвая, куда и зачѣмъ выступилъ ханъ, Малля-бекъ, отправившійся было противъ Абдулъ-Гафара, возвратился въ Ташкентъ и отсюда отправилъ пословъ къ Худаяръ-хану. Недовольный неопредѣленнымъ отвѣтомъ со стороны хана, Малля-бекъ обронилъ нѣсколько неосторожныхъ противъ него фразъ, и Худаяръ-ханъ увѣрился въ дурныхъ намѣреніяхъ своего подначальнаго хакима. Послѣ этого Ташкентъ былъ обложенъ вокругъ войсками и взятъ приступомъ; Малля-бекъ попытался сразиться съ ханомъ, но потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Бухару. Изгнавъ изъ Ташкента своего заклятаго врага, ханъ, однако, недолго торжествовалъ послѣ этого свою побѣду; здѣсь онъ впервые услышалъ роковую для него вѣсть о движеніи русскихъ съ сѣвера въ предѣлы кокандскихъ владѣній. Назначивъ въ Ташкентъ новымъ хакимомъ Шадманъ-хаджи, Худаяръ-ханъ приказалъ ему, вмѣстѣ съ Сарымсакомъ и Имамъ-Керимъ-Шейхомъ, идти противъ русскихъ въ Акъ-Мечети (Перовскъ), а самъ двинулся въ Кокандъ. Но посланныя въ Акъ-Мечеть ханскія войска не имѣли никакого успѣха, и Шадманъ съ другими товарищами возвратился въ Ташкентъ ни съ чѣмъ. Тогда ханъ, узнавъ о томъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ трехъ начальниковъ войскъ въ Кокандъ и предалъ ихъ публичному позорованію, заставивъ прясть ихъ на женской прялкѣ среди двора ханской урды. Послѣ этого въ Ташкентъ назначенъ былъ вмѣсто Шадманъ-хаджи новый хакимъ Суфи-бекъ, а въ Акъ-Мечеть

противъ русскихъ отправленъ былъ мингбаши Касымъ. Касымъ прежде всего направился въ Ташкентъ и отсюда уже, послѣ долгихъ колебаній и вторичнаго приказанія со стороны хана, двинулся къ Акъ-Мечети. но близъ этой крѣпости былъ разбитъ русскими и вернулся въ Ташкентъ. Узнавъ объ этомъ, ханъ. не выразивъ никакого неудовольствія Касыму. отправилъ въ Ташкентъ новаго хакима Мирзу-Ахмата. страшно жестокаго и алчнаго человѣка. продававшаго за недоимки дѣтей киргизовъ въ вѣчное рабство сартамъ. Въ благодарность за такое управленіе Мирза-Ахматъ былъ вызванъ потомъ въ Кокандъ и сдѣланъ тамъ мингбашей. Черезъ два года послѣ этого событія (1858) самъ Худаяръ-ханъ былъ смѣненъ Малля-ханомъ и нашелъ себѣ пріютъ въ Заминѣ. Однако, Малля-ханъ вскорѣ былъ убитъ собственными подданными (1862) и вмѣсто него одни объявили Шамурада. а другіе вновь воротились къ Худаяръ-хану. Послѣдняго вызвали изъ Замина въ Ташкентъ и тутъ объявили его ханомъ. Тогда противъ Худаяръ-хана выступилъ Шамурадъ и обложилъ городъ Ташкентъ со всѣхъ сторонъ войсками, расположивши главныя силы на берегу рѣчки Салара. Вскорѣ, однако. узнавъ. что къ Худаяръ-хану идетъ помощь отъ бухарскаго эмира, Шамурадъ снялъ осаду и поспѣшилъ въ Кокандъ. Послѣ этого Худаяръ-ханъ вошелъ въ Ташкентъ, но, узнавъ о приближеніи къ городу эмира. вышелъ къ нему на встрѣчу въ крѣпость Нау. Изъ Нау Худаяръ-ханъ, по распоряженію эмира, двинулся въ Кокандъ и. послѣ незначительнаго столкновенія со сторонникомъ Шамурада, Алимъ-куломъ. занялъ Кокандъ.

Осьмой періодъ, господство бухарцевъ 1863—1865. Между тѣмъ Алимъ-кулъ не унимался: это обстоятельство подало поводъ бухарскому эмиру навсегда

покончить съ Кокандомъ: онъ рѣшилъ присоединить кокандское ханство къ Бухарѣ (1863). а Худаяръ-хана отправить въ качествѣ хакима въ Ташкентъ. Худаяръ-ханъ принужденъ былъ повиноваться эмиру. Но наканунѣ отъѣзда въ Ташкентъ онъ сдѣлалъ неудачную попытку убить одно непріятное ему лицо черезъ подкупленнаго каракалпака. чѣмъ возбудилъ противъ себя страшное негодованіе со стороны эмира и былъ отправленъ вмѣсто Ташкента въ Джизакъ. въ Ташкентъ же назначенъ былъ Шадманъ-Ходжа. Между тѣмъ неутомимый Алимъ-кулъ провозгласилъ преемникомъ Худаяръ-хана Султанъ-Саидъ-хана и сперва помѣстилъ его въ Кокандѣ. а затѣмъ. въ виду неудобнаго помѣщенія въ столицѣ. гдѣ старая урда была ветха. а новая еще не была окончена, предложилъ новому хану временно переѣхать въ Ташкентъ. Ханъ послушался совѣта. переѣхалъ въ Ташкентъ и оставался въ немъ до окончанія построекъ въ урдѣ, послѣ чего вернулся въ Кокандъ.

Но вотъ наступилъ 1864 годъ. роковой годъ въ исторіи города Ташкента. Къ Алимъ-кулу стали приходить одна вѣсть за другою. что съ сѣвера идутъ къ Ташкенту русскіе. Уже взятъ былъ городъ Ауліе-Ата, потомъ Чимкентъ. затѣмъ Ніазъ-Бекъ. а подъ конецъ, въ 1865 году, кокандцы потеряли и городъ Ташкентъ. Тщетно Алимъ-кулъ заготовлялъ и пушки (числомъ до 60) и ружья: раненый въ урочищѣ Шуръ-Тюбе. онъ вскорѣ послѣ этого скончался. а ханъ Султанъ-Саидъ. обратившійся за помощью противъ русскихъ къ эмиру, долженъ былъ явиться въ Бухару; онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Ташкента, но былъ схваченъ гдѣ-то около Джизака; въ его отсутствіе. въ ночь съ 14 на 15 іюня, и былъ взятъ городъ Ташкентъ русскими подъ начальствомъ генерала Черняева[1]).

[1]) Вамебри. Исторія Бохары, С.-П.Б , 1873, I, 61, 187, 189, 239, 245,

Такова, въ самыхъ общихъ и краткихъ словахъ исторія, связанная на половину со станціей Иски-Ташкентъ, на половину съ областнымъ городомъ Ташкентомъ.

Отъ Стараго-Ташкента путешественникъ, проѣхавъ 41½ версту черезъ станцію Ніазбашъ, прибываетъ въ областной городъ Ташкентъ и здѣсь прежде всего удивляется необыкновенно быстрому успѣху этого европейско-азіатскаго города, а затѣмъ скудности археологическихъ памятниковъ въ немъ.

Въ древнее время городъ Ташкентъ, по обыкновенію всѣхъ средне-азіатскихъ городовъ, былъ обведенъ кругомъ высокими глинобитными стѣнами, въ которыхъ сдѣлано было 12 воротъ („дарваза“); въ настоящее время одиннадцать изъ этихъ воротъ, въ видѣ развалинъ, находятся въ азіатскомъ городѣ, а двѣнадцатыя отошли подъ европейскій городъ. Всѣ они носили особыя названія или отъ случайныхъ признаковъ, или же (большею частію) отъ тѣхъ отдаленныхъ городовъ и областей, къ которымъ шли изъ Ташкента черезъ ворота транзитныя пути. Названія этихъ воротъ слѣдующія: Коймасскія, Кокандскія, Кашгарскія, Лабзакскія, Тахтапульскія, Карасарайскія, Сауванскія, Кучимазарскія, Кукчинскія, Самаркандскія Камаланскія и Бишагачскія. Самый городъ дѣлился на четыре юрты или части, каковы: Шайхантаурская, Сибзярская, Кукчинская, Бишагачская; а каждая часть подраздѣлялась на нѣсколько махалля или приходовъ, про-

---

246, 255, 259: II, 15, 22, 39, 42, 52, 58, 77, 144, 172, 178, 181, 197, Наливкинъ, Краткая исторія кокандскаго ханства. Казань. 1885. 45, 73, 78, 86, 87, 90, 97—99, 102, 110—114, 121, 124, 125, 139, 141, 142, 149, 151, 152, 160, 164 171, 175, 180—186, 188, 193, 194, 200—202.

стиравшихся во второй половинѣ текущаго столѣтія въ общемъ числомъ до ста-сорока-девяти.

Въ каждой изъ четырехъ частей города сохранилось нѣсколько архитектурно-историческихъ памятниковъ.—мазаровъ, мечетей и мадраса. въ томъ или другомъ отношеніи достойныхъ вниманія археолога. Изъ мазаровъ самый замѣчательный тотъ. который находится въ Сибзярской части, на кладбищѣ Хазретъ-Имамъ; замѣчателенъ онъ тѣмъ. что подтверждаетъ собой народное преданіе о тождествѣ города Шаша и Ташкента. Что же касается его архитектурныхъ достоинствъ. то въ этомъ отношеніи мазаръ не представляетъ изъ себя ничего такого. что могло бы и восхищать и поражать зрителя: это простое. кирпичной кладки, безъ всякихъ наружнихъ украшеній, зданіе. вѣнчающееся на верху небольшимъ куполомъ и имѣющее въ длину $6^1/_2$, а въ ширину ровно 6 саженъ. Въ немъ покоится прахъ одного изъ первыхъ насадителей ислама въ Ташкентѣ и его окрестностяхъ. святаго Абубекра-бинъ-Исмаилъ-Каффали-Шашскаго. умершаго и погребеннаго въ Ташкентѣ въ 926 году по нашему христіанскому лѣтоисчисленію. На куполѣ этого мазара написано слѣдующее: „Мы вѣримъ тебѣ (Мухаммадъ), а ты скажи: Сохранитель, даруй мнѣ покой! Ты самый лучшій дарователь покоя. Богъ сказалъ: Поdлинно. первая обитель. построенная для людей, есть священный городъ Мекка. и эта обитель стала наставленіемъ всему міру. Она являетъ слѣды мѣстожительства св. Авраама. Кто войдетъ въ нее. тотъ найдетъ тамъ убѣжище (отъ враговъ или наказанія). Кто въ состояніи изъ людей совершить пилигримство (въ Мекку), тотъ долженъ сдѣлать это“. Въ книгѣ Абуль-хайля сказано. что Абубекръ-бинъ-Исмаилъ-Каффали-Шашскій умеръ 314 лѣтъ тому на-

задъ Въ названномъ мазарѣ находится шесть надгробныхъ камней съ надписями изъ корана; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ году смерти султана Хусайна. 1077. тому назадъ 233 года. На другомъ надгробномъ камнѣ не видно имени покойника, но виденъ годъ 1090-й. Кромѣ того четыре камня покрыты землей. которую приказано очистить. Назадъ тому 362 года на этомъ же мазарѣ сдѣлана по-персидски слѣдующая надпись:

„Когда ты прочтешь эту хорошую надпись,
За мою душу соверши благосклонную молитву.
Построитель этого безукоризненнаго зданія
Есть преданный (Богу) рабъ ханъ Гуламъ Хусайнъ.
О, душа, дабы мудрый народъ узналъ годъ окончанія.
Писецъ Кудратъ надъ сею узорчатою стѣною начерталъ его.
Боже, прости писца и читателя его!
Это мѣсто для посѣтителей стало источникомъ услады,
Поэтому (буквы словъ) „источникъ услады“ даютъ годъ
его окончанія, о господинъ!
О, сердце не отворачивай лица отъ добродѣтельныхъ людей!
Великій, кто недалекъ отъ этихъ воротъ, есть близокъ Богу“ [1]).

На дверяхъ этого мазара вырѣзаны были еще двѣ надписи, но онѣ испорчены какимъ-то сумасшедшимъ, сартомъ, вырубившимъ ихъ, въ припадкѣ изступленія, топоромъ. Мѣстное преданіе говоритъ, что святость имени Абубекра-Исмаилъ-Киффали такъ была велика, что будто бы къ нему приходилъ изъ Кукчинской части въ Сибзярскую. подземнымъ ходомъ, имѣвшимъ 4 версты длины, другой святой Шейхъ-Зайн-уд-динъ-Бава, живший много лѣтъ спустя послѣ Исмаила, научившійся у него правиламъ святой жизни черезъ вліяніе. Въ настоящее время въ ма-

---

[1]) Туркестанская туземная газета, 1892, 21 сентября № 37.

зарѣ Абубекра-Исмаилъ-Каффали одинъ разъ въ недѣлю, а именно въ четвергъ послѣ часа дня, приходитъ его потомокъ Мулла-Шага-Биддинъ-Зульфи-Ходжа и читаетъ въ немъ коранъ до захода солнца. Рядомъ съ мазаромъ Абубекра-Исмаилъ-Каффали стоитъ мазаръ надъ прахомъ одного изъ его потомковъ, Баба-Хаджи, умершаго во время Абдуллы, кокандскаго хана.

Противъ кладбища Хазретъ-Имамъ стоитъ мадраса Баракъ-ханъ, съ 32 келіями и высокимъ фронтономъ спереди, построенная кокандскимъ ханомъ Баракомъ, около 600 лѣтъ тому назадъ. По волѣ строителя это зданіе сперва предназначалось для высшаго училища, но потомъ оно обращено было въ намазга, т. е. зданіе для пятничной молитвы мусульманъ. Въ теченіи своего историческаго времени существованія эта мадраса много разъ возобновлялась, и потому на стѣнахъ ея. внутри, можно видѣть остатки всевозможныхъ украшеній, впрочемъ, весьма ничтожныхъ по сравненію съ тѣми, которыми блещутъ мечети въ городѣ Самаркандѣ. Во время сильнаго землетрясенія. бывшаго въ 1863 году, зданіе этой мечети сильно пострадало, и теперь куполъ его лежитъ подъ собственными развалинами. У туземцевъ оно все еще служитъ высшимъ училищемъ, и одноэтажныя кельи (худжра) его постоянно заняты учениками.

Въ Бишагачской части имѣется мадраса, носящая названія Куколъ-даша съ высокимъ фронтономъ[1]) и 38 для учениковъ кельями, нѣкогда имѣв-

---

[1]) Этотъ фронтонъ, по-туземному „пештокъ“, подалъ поводъ г-ну Маеву неправильно назвать всю мечеть „Кукол-дашъ“ именемъ мечети Пештока: Ежегодникъ Маева, С.-Петербургъ, 1876, IV, 296.

шими три этажа. теперь только одинъ этажъ. По преданію. она построена независимымъ ташкентскимъ ханомъ Дервишъ-ханомъ. современникомъ бухарскаго Абдуллы-хана. и имѣетъ за собой 290 лѣтъ: въ теченіи этого времени зданіе мечети много разъ возобновлялось и оттого утратило всѣ свои украшенія и бывшія на немъ надписи; послѣдняя реставрація его произведена лѣтъ 55 тому назадъ. Эта мадраса примѣчательна въ томъ отношеніи. что съ высоты свода ея. устроеннаго надъ третьимъ этажемъ, бросали внизъ женщинъ. нарушавшихъ вѣрность своимъ мужьямъ: ихъ зашивали предварительно въ мѣшки. потомъ поднимали на высоту свода, имѣвшаго приблизительно около 10 саженъ, и затѣмъ со свода бросали на пролегающую вдоль мадрасы базарную улицу. Впрочемъ. такая казнь производилась очень рѣдко,—одинъ разъ въ теченіи шести лѣтъ и дѣлалась единственно для назиданія другимъ женщинамъ. дабы удержать ихъ отъ всякой попытки измѣнять своимъ мужьямъ. Въ той-же части города имѣется мадраса съ 21 кельей. построенная въ 855 (1451) году ташкентскимъ жителемъ Убайдуллой, носящимъ прозваніе Ходжи-Ахраръ-Вали. Это очень популярный во всемъ Туркестанскомъ краѣ святой. Онъ родился въ 806 (1404) году. мѣсяца Рамазана, ровно за годъ до смерти Тимура. въ городѣ Ташкентѣ. Имѣя отъ роду 22 года. онъ переѣхалъ учиться изъ Ташкента въ Самаркандъ и пробылъ въ немъ въ первый разъ два года (828—830; изъ Самарканда уѣхалъ въ Гератъ, гдѣ прожилъ пять лѣтъ (830—835): изъ Герата вернулся въ Ташкентъ и здѣсь въ теченіи одного года занимался земледѣліемъ; въ 836 году вновь переселился въ Самаркандъ, гдѣ ему дано было. для засѣванія. 80.000 десятинъ. Въ Самаркандѣ онъ и умеръ 29 числа мѣ-

сяца Раби-уль-авваля, 1489 (895) года. въ пятницу. утромъ. проболѣвъ передъ этимъ 89 дней. Такъ разсказывается о Ходжѣ-Ахраръ въ книгѣ одного изъ его мюридовъ (учениковъ) „Мавляна-Сафи“ [1]).

Противъ мадрасы Ходжи-Ахраръ-Вали стоитъ мечеть его же имени. сооруженная на его-же средства, теперь извѣстная подъ именемъ Царской мечети. Мечеть Ходжи-Ахрара давно уже пришла въ ветхость. и туземцы совсѣмъ оставили ее безъ вниманія; русскіе. взявъ Ташкентъ, много сдѣлали полезнаго для поддержанія древнихъ мусульманскихъ зданій во всемъ краѣ. Такъ. между прочимъ, на мѣстѣ развалившейся мечети Ходжи-Ахраръ, Высочайшимъ повелѣніемъ нынѣ царствующаго Императора Александра Александровича, приказано было построить новую мечеть; для сооруженія этой мечети отпущено было 17.000 рублей, и она воздвигнута была въ 1888 году христіанской или въ 1305 году мусульманской эры. Вслѣдствіе этого обстоятельства мечеть и прозвана Царскою. Она стоитъ въ концѣ обширнаго двора, обнесеннаго кругомъ каменною постройкою, сдѣланною около 100 лѣтъ тому назадъ казіемъ Зіа-уд-диномъ на его собственныя деньги.

Кромѣ перечисленныхъ мечетей и мадраса въ томъ-же азіатскомъ Ташкентѣ имѣются еще нѣсколько другихъ. каковы: мадраса Шайханъ-тауръ. Ишанъ-Гузаръ (женская). Охунъ-Гузаръ. Батырь-мечеть, Хастымъ-мечеть.

Не въ далекомъ разстояніи отъ Хастымъ-мечети. въ махалля Чагатай, Кукчинской части. обращаетъ на себя вниманіе высокій около 10 саженъ прямаго

---

[1]) Этими свѣдѣніями авторъ обязанъ Нилу Серіѣевичу Лыкошину.

отвѣса, земляной курганъ, имѣвшій нѣкогда до 4 десятинъ кругомъ, но теперь уже разрытый на нѣсколько отдѣльныхъ частей и носящій названіе Арка, т. е. цитадели и Шаншина или правильнѣе Шахнишина, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „жилище царя“ („Шахъ“--царь, „нишинъ“ — жилище, тронъ, сидѣніе). Туземцы разсказываютъ, будто бы онъ насыпанъ царемъ Афросіабомъ, жившимъ 4000 лѣтъ тому назадъ. Впослѣдствіи, когда городъ Ташкентъ только что раздѣленъ былъ на четыре части, на этомъ курганѣ сталъ жить чаръ-хакимъ; одинъ изъ этихъ чаръ-хакимовъ, по имени Хамза, жившій 150 лѣтъ спустя послѣ рожденія Мухаммада, устроилъ на курганѣ домъ, въ которомъ жилъ и лѣтомъ и зимой и изъ котораго управлялъ всѣмъ городомъ. До времени кокандскаго хана Малля-хана, земля этого кургана считалась городскимъ достояніемъ, но съ этого времени, когда ханъ распродалъ землю по частямъ для военныхъ надобностей, она перешла въ частныя руки и занята домами. Оставшаяся, центральная, часть земли кургана находится въ настоящее время во владѣніи Паша-хана. При раскопкѣ кургана въ разное время туземцы находили посуду и человѣческіе скелеты.

На значительномъ разстояніи отъ кургана Шахнишина, въ Бишагачской части, у развалинъ Каманскихъ воротъ, имѣется старое мусульманское кладбище, среди котораго стоитъ древній мазаръ Ходжи-Аландаръ-Бава. Ходжа-Аландаръ-Бава, какъ и Абубекръ-Исмаилъ-Каффали Шашскій, считается однимъ изъ первыхъ распространителей въ краѣ Ислама; туземцы считаютъ 1300 лѣтъ съ того времени, когда умеръ этотъ святой; но такъ какъ въ мазарѣ его нѣтъ ни одной надписи, которою можно было-бы повѣрить это показаніе, то время смерти названнаго святаго нужно считать вовсе неизвѣ-

стнымъ. Мазаръ Ходжи-Аландара гораздо менѣе мазара Абубекра-Исмаилъ-Каффали-Шашскаго и въ архитектурномъ отношеніи оно не представляетъ ровно ничего замѣчательнаго. Съ восточной стороны близь этого мазара устроена небольшая подземная комната, освѣщаемая небольшимъ, съ боковыми отверстіями, куполомъ, на три аршина возвышающимся надъ поверхностью земли; въ этой комнатѣ благочестивые муллы читаютъ по временамъ коранъ въ память усопшаго мусульманскаго святаго.

Рядомъ съ мазаромъ подвижника ислама стоитъ такъ называемая братская могила, гдѣ покоятся другіе сподвижники, сложившіе свои кости за Православную вѣру, Русскаго Царя и Отечество, герои войны 1864 и 1865 годовъ. Братская могила представляетъ изъ себя правильный четыреугольникъ земли, сплошь усаженный деревьями, съ наружней стороны огражденный деревянной рѣшеткой и внутри украшенный, въ древне-русскомъ стилѣ, часовенькой. Надъ калиткой, ведущей съ улицы въ садъ, сдѣлана полукруглая надпись: „Души ихъ во благихъ водворятся“. Надъ дверью самой часовеньки сдѣлана другая надпись: „Упокой Господи души усопшихъ рабъ твоихъ“; а по тремъ остальнымъ стѣнамъ, снаружи, сдѣланы три слѣдующія надписи: „Больше сія любы никто же имать“; „Аще кто душу свою положи за други своя“; И сотвори имъ вѣчную память“; наконецъ на срединѣ задней стѣны, съ наружней стороны, сдѣлана особая надпись: „Памяти воиновъ здѣ лежащихъ павшихъ при штурмахъ г. Ташкента 2 Октября 1864 года и 15 Іюня 1865 года. Сооружена въ царствованіе Императора Александра III, лѣта 1886 на добровольныя пожертвованія“. Противъ часовеньки, на землѣ лежитъ сѣро-мраморная плита, на которой вырѣзаны слова: „Здѣсь покоится

прахъ воиновъ, павшихъ при взятіи г. Ташкента. Упокой Господи души ихъ въ селеніи праведныхъ". По всѣмъ четыремъ угламъ этой плиты сложены небольшія пирамидки изъ чугунныхъ ядеръ. Внутри самой часовни, на стѣнѣ противоположной двери, сдѣланъ ликъ Спасителя. а ниже его на черной доскѣ, золотыми буквами, написаны имена и фамиліи убитыхъ воиновъ.

„Воины, павшіе при штурмахъ города Ташкента 2 Октября 1864 г. и 15 Іюня 1865 г. Подполковникъ Василій Васильевичъ Обухъ. Поручики: Георгій Фридриховичъ Рейхертъ. Иванъ Петровичъ Мѣсяцевъ. Унтеръ-офицеры: Ефимъ Поповъ, Илья Горбылевъ, Павелъ Ефимовъ, Иванъ Родинъ, Константинъ Малафѣевъ. Рядовые: Зотъ Антоновъ. Кондратъ Демидовъ, Федоръ Безуновъ, Сергей Кудышевъ, Андрей Попковъ, Лейба Фуксъ, Михаилъ Алексѣевъ, Никита Пахтинъ. Павелъ Дементьевъ, Семенъ Ивановъ. Степанъ Казанцевъ. Тихонъ Кайгородовъ. Андріянъ Смирновъ, Степанъ Труфяковъ. Романъ Щербатскихъ, Арсеній Филиповскій. Малюнтъ Александровъ, Викулъ Банновъ, Матвѣй Дмитріевъ, Варламъ Каржаковъ, Степанъ Караевъ, Алексѣй Лосевъ, Василій Мязинъ, Варламъ Щербаковъ, Григорій Пашнинъ, Михаилъ Молодовскій, Савелій Бычинъ, Григорій Завьяловъ, Федоръ Григорьевъ. Артемій Филипповъ, Финогентъ Похотинъ, Матвѣй Степановъ, Филиппъ Романовъ, Александръ Даниловъ. Федоръ Захаровъ. Александръ Васильевъ, Иванъ Нестеровъ, Андрей Тушналобовъ, Иванъ Поповъ, Матвѣй Сидоровъ, Игнатій Меньщиковъ, Михаилъ Казаевъ, Андрей Смолинъ, Василій Федоровъ, Трофимъ Рычкаловъ, Василій Пономаревъ, Фадей Аксиковъ, Тимофей Ивановъ, Дмитрій Федулинъ. Давидъ Писеръ, Тимофей Васильевъ, Мендыбай Мендыбаевъ, Василій Постниковъ, Семенъ Сте-

пановъ. Казаки: Илья Акутинъ и Осипъ Ивановъ. Изъ всѣхъ поименованныхъ здѣсь 64 человѣкъ первый, а именно подполковникъ Василій Васильевичъ Обухъ. былъ убитъ при штурмѣ Ташкента и погребенъ въ городѣ Чимкентѣ. но потомъ. въ 1882 году. изъ Чимкента перевезенъ въ Ташкентъ и погребенъ у ограды соборной церкви города: второй. поручикъ Георгій Фридриховичъ Рейхартъ, также убитъ подъ Ташкентомъ. перевезенъ былъ въ Чимкентъ и здѣсь погребенъ на сѣверо-востокъ отъ города, въ разстояніи не болѣе одной версты: надъ нимъ положена была чугунная плита съ надписью: „Георгій Федоровичъ фонъ-Рейхардтъ. убитъ подъ Ташкентомъ 2 октября 1864 года. да хранятъ память о немъ.“ Впослѣдствіи, при перевозѣ праха Обуха. могила Рейхардта не была отыскана и потому прахъ его остался на мѣстѣ перваго погребенія. Въ настоящее время мѣстное начальство рѣшило перевезти прахъ убитаго въ городъ Ташкентъ и похоронить его. вмѣстѣ съ другими. на братской могилѣ.

Оглавленіе.

Стр.

Глава I. Баку, Узунъ-ада, Песчаная пустыня, станція Казанджикъ, горные хребты Кюренъ-дагскій, Копетъ-дагскій, Туркестанскій, Заравшанскій, Гиссарскій, Алайскій, Заалайскій; Ахаль текинскій оазисъ, крѣпость Геокъ-Тепе, Асхабадъ; ахалъ-текинцы, городъ Аннау, крѣпость Арыкъ, рѣки Теджень и Мургабъ: Новый-Мервъ съ крѣпостью Коушутъ-ханъкала, крѣпость Джюль-барсъ. 1—26

Глава II. Древній-Мервъ, описанія его по арабскимъ и персидскимъ источникамъ; городища Древняго-Мерва: Байрамъ-али-ханъ-кала, Абдулла-ханъ-кала, Султанъ-Санджаръ-кала, Искандеръ-кала, Гяуръ-кала; зданія и памятники: Малая-мечеть, могила Двухъ-братьевъ, Султанъ-Санджаръ мечеть; развалины крѣпости Ауліе-камбаръ на Мургабѣ, имѣніе Государя Сулианъ-бенъ, порогъ Чохъ-локъ на Мургабѣ . . . . 26—51

Глава III. Песчаная пустыня отъ станціи Равнины до Чарджуя; городъ Чарджуй и его краткая исторія; рѣка Аму-Дарья и значеніе ея имени, разсказъ Арріана о переправѣ черезъ Аму-Дарью царя Александра Македонскаго; деревянный мостъ черезъ Аму-Дарью; область древней Согдіаны; Бухара и значеніе ея названія; смѣсь народностей въ Бухарѣ; краткая исторія ея; болѣзнь ришта, ея зарожденіе и лѣченіе . 51—62

Глава IV Городъ Самаркандъ; краткая исторія его; Самаркандъ въ эпоху Тимура по персид-

скимъ источникамъ; знаменитые дворцы, мечети и мавзолеи Самарканда: пріемный дворецъ Тимура, мечети — Тилля-кари, Улугъ-бекъ. Ширъ-даръ, Биби-ханымъ, Шахъ-зинда, Ходжа-Ахраръ, Намазга, мавзолей Гуръ-эмиръ, могила Даньяра, лагерь Тимура, развалины Афросіаба . 62—113

Глава V. Путь отъ Самарканда до Ташкента; переправа черезъ рѣку Заравшанъ; арбы, верблюды, ишаки: почва окружающей мѣстности; жилища обитателей; народность и значеніе слова сартъ, характеристика сартовъ, замкнутость женщинъ, значеніе поѣздки въ Среднюю Азію для всякаго русскаго ученаго человѣка; вліяніе востока на жизнь людей древней Руси . . . 113—135

Глава VI. Ущелье Джиланъ-уте, Ворота Тимура, надписи на камняхъ у Воротъ Тимура 1425, 1571 годовъ; рѣка Сангзаръ; городъ Джизакъ и его краткая исторія; Голодная степь и ея обитатели, преданія объ Александрѣ Македонскомъ, степные колодцы сардаба преданіе объ Абдуллѣ-ханѣ; рѣка Сыръ-Дарья; древніе насельники бассейна Сыръ-Дарьи гибель отъ нихъ Кира, царя персидскаго; переправа Чиназъ и станція Иски-Ташкентъ. . . . . 135—149

Глава VII. Краткая исторія города Ташкента; восемь періодовъ его исторической жизни: господство арабовъ, господство хорезмійцевъ, господство монголовъ, господство узбековъ и киргизъ-кайсаковъ, господство коканцевъ, господство бухарцевъ, господство коканцевъ, господство бухарцевъ; достопримѣчательности азіатскаго города Ташкента. 149—200

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. ЭВАРНИЦКАГО

продается въ магазинахъ Алексѣя Сергѣевича Суворина.

Въ Петербургѣ, Невскій просп. д № 38, контора „Новаго Времени;“ въ Москвѣ, Тверской части, домъ Шориной, въ Харьковѣ, Екатеринославская улица д Руфа, магазинъ „Новаго Времени,“ въ Одессѣ Дерибасовская ул., д. № 11.

Исторія запорожскихъ козаковъ съ 22 рисунками	4 р. —
Запорожье въ остаткахъ старины съ 75 рисунками Рѣпина въ двухъ томахъ .	6 р. —
Вольности запорожскихъ козаковъ съ 3 планами	2 р. 50.
Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ съ 2 рисунками	1 р. 50.
Сборникъ матерьяловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ	1 р. 50
Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ, какъ первая сѣчь	— 40.
Послѣдній кошевой атаманъ П. И. Калнишевскій	— 40.
Переправа черезъ всѣ Днѣпровскіе пороги весной	— 30.
Архивные матерьялы для исторіи запорожскихъ казаковъ	— 30.
Археологическія раскопки кургановъ и городищъ	— 30.
Публичныя лекціи по археологіи Россіи, преимущ. южной	— 80.
Путеводитель по Средней Азіи, продается въ Ташкентской Публичной Библіотекѣ	1 р. 20.